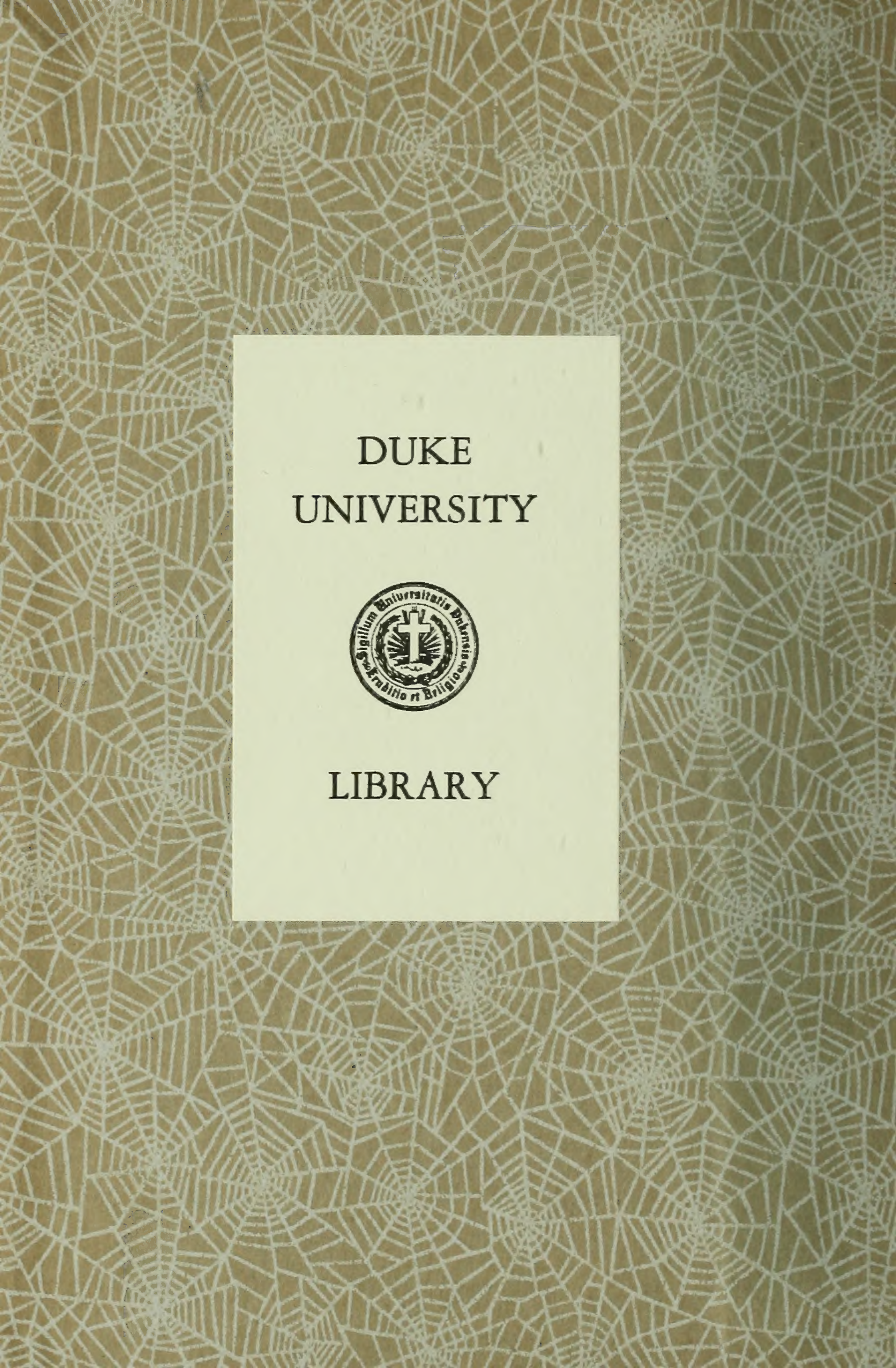

DUKE
UNIVERSITY
Sigillum Universitatis Dukensis
Eruditio et Religio
LIBRARY

Проф. В. И. Пичета

ВВЕДЕНИЕ В РУССКУЮ ИСТОРИЮ

(ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * * * * * * * * * * * * * 1922

Гиз № 3278. (Р. Ц. Москва) 1314. Напеч. 3.000 экз.

Коопер. „Наука и Просвещение“ аренд. тип. М. С. Н. Х., б. А. И. Снегиревой.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа ставит себе весьма скромную цель — служить „Введением в русскую историю“ тем из читателей, которые пожелали бы иметь небольшое руководство для первоначальной ориентировки как в вопросах источниковедения, так и в историографии русской истории с тем, чтобы после первоначального, и притом довольно краткого, знакомства с вышеназванными вопросами приступить к более глубокому и детальному изучению интересующих их проблем.

Составителю „Введения в русскую историю“ пришлось ограничиться самым существенным: наметить только дорожные научные вехи, избегая всяких деталей, совершенно немыслимых в столь небольшой по об'ему книге.

Настоящая работа распадается на две части. В первой идет речь об источниках русской истории, причем основные виды источников рассматриваются территориально, смотря по тому, к какой ветви русского народа последние имеют отношение. Вторая часть отведена историографическим школам и направлениям в развитии исторической науки, при изучении которых приходилось держаться того же методологического приема, как наиболее удобного для выяснения состояния нашего знания об историческом прошлом русского народа в широком смысле этого слова, поскольку это знание выявлялось в изучении исторической жизни великорусской, украинской и белорусской национальностей.

Февраля 20 дня 1922 года.
Москва.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Источники.

I. Источники и способы пользования ими.

Определение источника. Виды источников [и их сравнительная ценность. Критика источника. История и ее отношение к другим наукам. Вспомогательные науки: а) архивоведение; б) палеография; в) дипломатика; г) лексикология; д) хронология; е) историческая география; ж) генеалогия и геральдика.

Прошлое каждого народа восстанавливается на основании исторических источников. К последним следует причислить все те материалы, которые остались от прошлой жизни, и в которых отражается какой либо след старины. Источники делятся на три вида: на вещественные, устные и письменные. Последние в свою очередь по содержанию делятся на несколько категорий. К вещественным источникам обыкновенно относят предметы археологических раскопок а также всякого рода вещественные остатки, в которых в той или другой степени отражается прошлая жизнь народа. Произведения народной словесности: былины, сказки, исторические песни, пословицы, поговорки, различные поверия, народные легенды, стихи, частушки относятся к памятникам устной словесности. К письменным памятникам относятся: летописи, хронографы, акты публичного и гражданского права, мемуары, письма, политические сочинения, жития святых, эпиграфический материал, документы по внешней политике, исторические печатные историко-литературные издания и сборники, записки иностранцев и т. д. Особую группу письменных источников составляют источники историко-юридические, в которых отражается правосознание разных обще-

ственных групп в тот или другой момент исторической жизни народа, и которые очень важны для понимания ее различных бытовых особенностей. Следует также выделить в особую группу источники финансово-экономические, как-то: экономические трактаты, хозяйственные распоряжения, донесения управляющих, экономические статьи в журналах, данные сельскохозяйственной статистики, вотчинные приходо-расходные книги, наказы управляющим, инвентари имений, росписи доходов и приходов, домовые сметы и т. д.

Источников много, но не все они равноценны. При исследовании не должно игнорировать какие либо источники, напротив, необходимо привлекать полностью все источники, находящиеся в распоряжении историка. Прежде чем пользоваться тем или иным источником, необходимо определить его историческую ценность и его положение в среде других источников. Без критики и выяснения достоверности источника исследователь может впасть в ошибку и вследствие этого притти к совершенно неправильным выводам. Некоторые источники, как летописи, записки иностранцев, мемуары, письма, сказания и пр. по своему характеру нуждаются в критике, дабы избежать ложных выводов и впечатлений. Источник можно рассматривать с двух сторон: внешней и внутренней. Формальная внешняя критика источника ограничивается анализом внешнего вида документов: лицевых знаков, бумаги, почерка, времени происхождения и обстановки появления того или другого документа. Если документ относится к историко-литературным произведениям, необходимо выяснить, кто был автором того или другого памятника; следует познакомиться, если возможно, с его биографией, разобраться детально в условиях его жизни, выяснить его социально-экономическую принадлежность и политическую идеологию, так как всякий письменный источник суб'ективен по своему характеру, и эта суб'ективность должна быть положена в оценку источника со стороны его достоверности и исторической ценности. Внутренняя критика источника—это изучение его происхождения, его состава, содержания, определение его ценности по содержанию для изучения того или другого вопроса. Ведь могут быть источники, абсолютно до-

стоверные и в то же время не имеющие почти никакой исторической ценности. Сплошь и рядом источники литературного характера не являются первоисточниками в прямом смысле этого слова, так как в них отражаются разные историко-литературные влияния, и только разбор источника по составу и содержанию позволяет определить действительную ценность последнего.

Историк не может замыкаться в узкой сфере своей специальности. В противном случае ему будет очень трудно подвергнуть источник критике. Историку необходимо быть знакомым с естественными науками, в частности с геологией, палеонтологией, физической географией, антропологией и этнографией, с науками экономическими, политической экономией, историей экономических идей и экономического быта, сельско-хозяйственной экономией, наконец, историк должен быть осведомлен и в науках политико-юридических, в общем учении о праве и государстве, истории политических учений, государственном и международном праве, а также и всеобщей и национальной истории права. Он должен быть также лингвистом. Необходимо знакомство как с древними, так и с новыми языками, позволяющее изучать в подлинниках иностранные источники, а также быть в курсе текущей иностранной исторической литературы. Изучение религиозных верований заставляет исследователя познакомиться с историей религии вообще. Все эти сведения, расширяя кругозор историка, позволяют ему правильно подойти к тому или другому источнику и историческому явлению. Но конечно всякий исследователь прежде всего должен знать хорошо историю и историю права своего народа, а также историю тех народов, с которыми он сталкивался, и которые оказали то или другое влияние на его быт, культуру, народное хозяйство, право, общественные настроения, международную политику и пр. Кроме того историк должен обладать и некоторыми специальными познаниями. Ему необходимо основательное знакомство с состоянием архивного дела в стране для того, чтобы он мог найти нужный ему материал, руководствуясь описями и описаниями, составленными в том или другом архиве, или наличием в архивохранилищах определенного по содержанию материала.

Историку приходится иметь дело с рукописями. Надо уметь разбирать старинные почерки, необходимо познакомиться со всеми тайнами старинного письма, научиться определять время и происхождение документа по бумаге, водяным знакам и его внешним признакам. Это особенно важно, когда в документе нет никаких указаний на время его появления. По всем этим вопросам необходимые сведения дает палеография. Рядом с последней надо поставить дипломатику, изучение внешних форм, в которых облекали тот или другой акт. Кроме того, дипломатика знакомит с классификациею и терминологией старинных актов, дает представление о их слоге, внешнем виде. Наконец, необходимо знание старинного языка, его лексического состава и терминологии, ввиду огромной разницы между документами старинными и позднейшими. История языка в таком случае приходит на помощь исследователю. Нельзя также заниматься историей, главным образом, допетровского времени, не зная основ старого летосчисления. Этому должна помочь наука о летосчислении или так называемая хронология, которая дает историку ряд необходимых сведений. Вспомогательными науками являются генеалогия и геральдика. Если генеалогические таблицы имеют известное значение для русской истории, то геральдика в России мало применяется, в виду отсутствия исторической подкладки для дворянских гербов, тогда как на западе все дворянские гербы связаны с феодальной эпохой. Наконец, изучение взаимоотношений природы и человека в прошлом и влияния географических условий на колонизацию, хозяйство, быт, право производится с помощью так называемой исторической географии. Впрочем, историческая география сравнительно мало разработанный у нас научный предмет. Только в последнее время ученые стали ею особенно интересоваться.

Созданные в России центральные архивохранилища являются неисчерпаемым собранием документов первостепенной важности. Видное место занимает 1) Московский архив Министерства Иностранных дел, являющийся продолжением архива Посольского Приказа. К нему присоединена часть архива Царства Польского и Великого Княжества Литовского. В архиве находится около одного миллиона разных дел, важных

для истории дипломатических сношений и внутренней жизни России XV—XVIII вв. Большое количество исторических работ написано исключительно на основании хранящихся в архиве материалов. Археографическая Комиссия и Русское Историческое Общество широко воспользовались для своих изданий находящимся в архиве материалом.

2) Вторым большим архивом в Москве является Архив Министерства Юстиции, ценнейшее собрание документов по истории XVI—XVIII вв. Здесь собраны дела Разрядного, Поместного и Малороссийского приказов, дела Сената и губернских учреждений XVIII в., дела Коллегии Экономии, писцовые и переписные книги. Экономическая жизнь России, землевладение, судебное производство, деятельность центральных учреждений, внутренний быт страны и пр. могут быть представлены исследователем на основании материалов архива. Большое количество исследований явилось результатом работ в архиве столичных и провинциальных ученых.

3) Государственный Архив в Петербурге, где собраны документы первостепенной государственной важности, как-то: следственное дело о декабристах, делопроизводство Тайной Канцелярии и Тайной Экспедиции, документы Верховного Тайного Совета и Кабинета Министров, бумаги Конферецний, бумаги Петра I, Екатерины II, Павла I и Александра, бумаги Комисси 1767 года, дело княжны Таракановой, делопроизводство о Пугачеве, дело об Артемии Волынском, поручике Мировиче, дела о крестьянских волнениях и т. д. Часть Государственного Архива перевезена в настоящее время в Москву.

Для истории XVIII—XIX вв. документы государственного архива — источник необходимый, но к сожалению доступ в архив был крайне затруднен, и архивные сокровища лежали под спудом. К ним имели доступ только избранные ученые, в политических убеждениях которых нельзя было сомневаться.

4) Архив Синода, в котором собраны документы со времени учреждения Свят. Синода. История церкви, церковного законодательства, старообрядчества и сектантства могут быть детально освещены на основании богатейшего подбора материалов.

5) Архив Сената, очень важный для истории внутреннего управления и суда.

6) Архив Главного Штаба и Архив Лефортовский важны для изучения истории военного дела и войн.

7) Дворцовые архивы в Петербурге и Москве, в которых собраны материалы по истории и по ведению дворцового хозяйства.

8) Архив Оружейной Палаты, где собраны дела бывших Московских Дворцовых приказов. Кроме того при каждом ведомстве существовали свои архивы, доступ к которым был очень затруднен. Некоторые ведомственные архивы, например, иностранных дел, внутренних дел, Государственного Совета были недоступны для исследователя. Революция 1917 года открыла двери во все архивы. Открылись новые архивные сокровища: архив Министерства Внутренних дел, 3-го Отделения, Жандармские архивы, столь необходимые для изучения русской общественности и русского революционного движения и т. д.

Октябрьская Революция 1917 г. выдвинула на очередь вопрос об архивной реформе в России. В течение 1918 года она была осуществлена. В Петербурге и Москве все архивы были централизованы, в провинции образованы Губернские архивы. Работы по выявлению и организации архивных фондов еще продолжаются, так как современные условия препятствуют развернуть их во всю ширь, но во всяком случае теперь архивы будут доступны для всех, и историческая наука как в центре, так и в провинции, видимо, должна будет быстро двинуться вперед. Начнется изучение местной истории, столь еще мало разработанной.

II. Собирание и издание источников.

1. Северо-восточная Русь.

Источники в старину. Петровская эпоха. В. Н. Татищев. Собиратели источников в Екатерининское царствование. Граф Н. П. Румянцев. Археологическая экспедиция П. М. Строева. Археографическая Комиссия. Второе Отделение Е. И. В. Академии Наук. Общество Истории и Древностей Российских. Петербургское и Московское археологические общества. Географическое общество. Русское историческое общество. Губернские Архивные Комиссии. Исторические журналы. Частные издания. Университеты. Издания государственных учреждений.

—

Исторический рассказ составляется на основании источников, печатных или письменных материалов, оставшихся от той или другой эпохи.

В прошлом не было недостатка в таких материалах. Они были на лицо как в монастырских и церковных книгохранилищах, так и в библиотеках Московских государей и частных лиц. Но древне-русское образованное общество не ценило документа самого по себе и не принимало никаких мер ни к его сохранению, ни к его выявлению. Никем не оберегаемые документы гибли, не оставляя после себя никаких следов. Не было также и речи о собирании материалов для исторического исследования. Так обстояло дело с источниками до начала XVIII века, когда впервые было обращено внимание на необходимость собирания исторических материалов для спасения их от гибели и принятия мер их охраны.

Желание Петра „написать историю“ послужило импульсом для соответствующего правительственного законодательства, а любознательность отдельных лиц шла навстречу правительственному волеизъявлению и претворяла последнюю в дей-

ствительность. Так, указ 20 ноября 1720 г. предписывал губернской администрации: „Во всех монастырях и епархиях и соборах прежние жалованные грамоты и другие курьезные письма оригинальные, такожде и исторические рукописные книги пересмотреть и переписать и те переписанные книги прислать в Сенат“. По распоряжению Петра была снята копия с летописного списка, так называемого Радзивилловского, хранившегося в Кенигсберге.

Когда В. Н. Татищев (1686—1750)) задумал приступить к составлению древней истории России, то им было собрано не мало рукописных материалов, нашедших отражение в его истории, но потом бесследно исчезнувших. Он открыл Русскую Правду и Царский Судебник, изданные только после его смерти. Середина XVIII в. была неблагоприятна для собирания источников. Правительства, занятые политической борьбой, ими не интересовались, а среди представителей господствующего класса было мало любителей и знатоков исторического знания.

В царствование Екатерины II на собирание рукописей обратили больше внимания. Правительство сознавало необходимость такого собирания материалов. Частные лица с своей стороны тоже понимали невозможность действитительного исторического знания без соответствующего фактического обоснования в виде документального источника.

Киевский Митрополит Евгений Болховитинов (1767—1837) разыскивает старину и принимает меры к ее охране. Граф. А. И. Мусин-Пушкин (1744—1817) нашел замечательный памятник древне-русского поэтического творчества, Слово о Полку Игореве, (сгоревший в 1812), а также стремился перевозить в столицу для хранения многие из документов монастырских библиотек. А. И. Мусин-Пушкин издал Русскую Правду и Духовную Владимира Мономаха. Академия Наук начинала издание русских летописей.

Управляющий Архивом Коллегии Иностранных Дел Гер. Миллер (1705—1783) собрал множество историко-географических материалов во время своего путешествия вместе с Берингом по Сибири и даже приступил к их изданию. Однако

большая часть их до сих пор ждет своего издания в так называемых портфелях Гер. Миллера.

Не мало было сделано для собирания и издания материалов Н. И. Новиковым (1744—1818). Его Древне-Российская Вивлиофика (1773—1775) в 10 томах лишена однако какого-бы то ни было плана и системы. Это — собрание самых разнообразных документов, имеющих, правда, большую ценность для исторического исследования. Кн. М. М. Щербатов (1733—1790), задумывая написать свою Российскую историю и работая в архивах, собрал и издал не мало новых ценных исторических документов. Рядом с сановным князем действовал простой купец И. И. Голиков, родом из Курска, собравший множество материалов по истории Петра Великого и издавший их в 12 томах под заглавием Деяния Петра Великого (1788—1790) и дополнения к Деяниям Петра В. в 18 томах (1790—1798).

Интерес к собиранию материалов в ХУIII в.—вне всякого сомнения, но это собирание было чисто случайное, диллетанское, без всякого плана и системы. Самое издание документов было довольно кустарным, отличалось большими дефектами и неточностями, так как издателям документов не были известны приемы научной критики.

Дальнейшее движение по собиранию и изданию исторических материалов связано с именем графа Н. П. Румянцева (1754—1826), получившего образование в заграничных университетах и проникнутого большою любовью к историческому знанию. Сначала Румянцев преуспевал на дипломатическом поприще, при Александре I он состоял министром иностранных дел и только после 1812 года отдал свои силы русской истории.

По его инициативе и на его средства был предпринят ряд изданий, весьма ценных для исторической науки. Так, им было издано Собрание Государственных Грамот и Договоров в четырех томах (1813—1822), без которого не может обойтись не один исследователь прошлого России. В первом томе были собраны главнейшие грамоты от 1229—1613 г. Во второй том вошли тоже грамоты до конца XVI в. и акты Смутного времени. Остальные два тома содержат документы

XVII в. Издание государственных грамот и договоров — первое издание документов, подобранных в систематическом порядке. Редакторы грамот, Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, под контролем самого Румянцева стремились издать их с соблюдением научных критических приемов, принятых на Западе. Издательская деятельность Румянцева выразилась также в издании Судебников Ивана III и Ивана IV под редакцией П. М. Строева. Кроме того им же были изданы Памятники Российской словесности XII в., Софийский временник (862—1534) и некоторые другие.

Ближайшими помощниками при издании документов были К. Ф. Калайдович и П. М. Строев (1796—1876); оба были большие энтузиасты и пламенные любители русской старины. Они вместе совершали поездки по монастырям и об'ездили с архивными целями Московскую и Калужскую губернии. Ими были найдены ценнейшие исторические памятники: Изборник Святослава 1073 г., Похвала каганку Владимиру Митр. Иллариона, Судебник Ивана III.

П. М. Строев поступил студентом в Московский Университет в 1813 г., но спустя два года покинул его и поступил на службу в Комиссию печатания Государственных Грамот и Договоров. В течение 1817—1823 г. совместно с Калайдовичем им были осмотрены книгохранилища Московской и Калужской губерний.

В 1823 г. Строев был избран председателем Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Его председательство составило эпоху как в истории Общества, так и в деле собирания и издания архивных документов. Из других сотрудников Румянцева Аделунг занимался изданием иностранных путешествий по России. Кроме того им были написаны две монографии на немецком языке о Герберштейне (1818) и Мееберге (1827). Со смертью Румянцева начатое им дело не остановилось. Продолжателем его явился П. М. Строев. Еще 14 июля 1823 года им была произнесена речь в заседании Общества, в которой он приглашал расширить деятельность Общества и заниматься не только изданием летописей, для каковой цели было учреждено Общество, а извлечь, привести

в известность и если не обработать, то доставить другим средства обрабатывать все письменные памятники нашей истории и древней словесности. „Не довольно, говорил Строев, Москвы для поприща нашей деятельности пусть целая Россия превратиться в одну библиотеку, нам доступную“. Для выяснения наличности всей письменной старины, Строев рекомендовал организацию экспедиций по всей России. Таких экспедиций должно было быть три: северная, средняя и западная. Первые две охватывали 19 великороссийских губерний. Необходимо было обратить особенное внимание на библиотеки монастырей, в которых хранилось не мало ценнейших материалов.

Третья экспедиция должна была захватить губернии юго-западного и северо-западного краев (Украины и Белоруссии). Московское Общество отнеслось к проекту своего председателя отрицательно и даже враждебно. Однако Строев не успокоился. В 1827 году он обратился со своим проэктом в Академию Наук, как сочлен-корресподент, где его проэкт был встречен весьма сочувственно. Академия ассигновала по 10 т. руб. на археографические экспедиции в течение семи лет. От правительства Строев получил открытый лист, которым предписывалось администрации губерний оказывать Строеву всяческое содействие. Но Синод отказал в выдаче такого листа, и не мало препятствий было учинено Строеву настоятелями монастырей, иногда уничтожавшими ценнейшие материалы.

В течение семи лет были осмотрены архивы и библиотеки 13 губерний. Экспедицией было собрано большое количество (3000) историко-юридических актов (XV—XVIII в.в.), несколько актов Смутного времени, список Новгородской летописи, дело патриарха Никона и др. В 1834 г. задуманная экспедиция была близка к окончанию. Строев однако надеялся ее продолжат, если Академия даст средства. Украина и Белоруссия остались вне поездок Строева. Но правительство не нашло нужным довести начатое дело до конца, и Археографическая Экспедиция прекратила свое существование. Давая отчет Академии Наук о своей поездке, Строев предлагал приступить к печатанию историко-юридических и

других рукописных материалов, но под его руководством. Мысль Строева была осуществлена только отчасти. Для издания актов была основана при Министер. Народ. Просвещ. Археографическая Комиссия, членом которой был назначен Строев вместе с Н. П. Калачевым. Археографическая Комиссия должна была продолжать собирание материалов, а также издавать сочинения исторического характера: летописи, хронографы, сказания и др. Постоянным и неутомимым работником вышеназванной комиссии Строев оставался до конца своей жизни. Члены Комиссии продолжали об'езды центральных губерний, в которых осматривали архивы присутственных мест, а также и фамильные архивы. Масса документов из провинциальных архивов была отправлена в Петербург. Равным образом было обращено внимание и на архивы западной, северо-западной и юго-западной России, в которых была собрана обильная жатва. В Комиссию поступали и пожертвования. Были использованы и иностранные архивы. В Стокгольме было найдено сочинение Котошихина. Свою издательскую деятельность Комиссия начала с 1834 г. Главные издания были следующие: 1) Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства (1838); 2) Акты исторические в 5 томах, с 1334—1700 г. (1841—1842); 3) Дополнения к актам историческим в 12 томах, в которых собраны документы X—XVII вв. (1846—1872); 4) Акты, относящиеся к юридическому быту древней России в 2 томах (1857—1864); 5) Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым (1841—1842); 6) Дополнения к ним (1848); 7) Сказания иностранных писателей о России в 2 томах: хроники Бусова, Петрея, Германа и Массы; 8) Письма русских государей с 1526—1634 (1848); 9) Русская Историческая Библиотека в 33 томах (1872—1918); 10) Акты, относящиеся к истории Западной и Южной России в 14 томах (1861—1872); 11) Акты, относящиеся к истории Западной России в 5 томах (1846—1853); 12) Полное собрание летописей в 15 томах, выходивших очень медленно и с большими промежутками с 1841 г.: первый том—Лаврентьевская летопись; второй—Ипатьевская; третий и четвертый Новгородские летописи; пятый и шестой—

Псковская и Софийский Временник; седьмой и восьмой— Воскресенская; девятый и десятый—Никоновская; пятнадцатый—Тверская, шестнадцатый—летопись Авраамки; семнадцатый—Западно-русские литописи; девятнадцатый — Казанский летописец; двадцать первый, ч. I и II — Степенная книга Царского родословия. 13) Писцовые книги Новгородские, 4 части, 14) Сочинение Котошихина о России в царствование Алексея Михайловича и др. Издательская деятельность Археографической Комиссии продолжалась все время вплоть до революции 1917 г.

Особенно плодотворна была деятельность Комиссии, начиная с 90-х годов прошлого столетия, когда в издании документов принимали деятельное участие наиболее крупные ученые силы России. Первые же издания Комиссии далеки от научного совершенства и вызывают не мало критических замечаний. Для всякого, занимающегося русской историей, издания Археографической Комиссии — источник первостепенной важности и ценности.

Второе Отделение собственной канцелярии Его Величества своими изданиями оказало огромную услугу исторической науке. Им были изданы: 1) Полное Собрание Законов Российской Империи в 46 томах с указателями, куда вошли законодательные акты с 1649 г. по 22 декабря 1825 (1830). Все же это издание нельзя считать полным в буквальном смысле слова. Многие законодательные акты по политическим соображениям так и не попали в собрание, и в то же время в нем помещено не мало совершенно лишнего материала второстепенного значения.

Второе Полное Собрание Законов — с 12 декабря 1825 г. по 1 марта 1881 г. в 55 томах (1884). Третье Полное Собрание — с 1 марта 1881 г., оставшееся не оконченным. Кроме того вторым Отделением были изданы: 1) Памятники Дипломатических сношений Древней России в 10-ти томах (1851—1871); 2) Собрание трактатов и конвенций России с иностранными державами, составленное проф. Мартенсом; 3) Письма и бумаги Петра Великого под ред. Бычкова (1872); 4) Письма и бумаги Екатерины II под его же редакцией (1873); 5) Дворцовые рязряды в 4 томах (1850—1885); 6) Книги разрядные в

2 томах (1853—1856). Конечно самостоятельному исследователю нельзя обойтись без этих изданий. Большое значение в деле издания материалов имеют ученые общества во главе с Академией Наук. Последнею издано не мало материалов исторического и историко-литературного характера. Второе отделение Академии Наук издавало преимущественно документы историко-литературного характера. Уже в XX столетии Академия Наук задумала приступить к изданию ряда документов древней и новой России, но из широко задуманного издания пока осуществлено немного. Академией издан Наказ Екатерины II, под редакцией Н. Д. Чечулина, написавшего вводную статью большой научной ценности. Пока на этом издание и остановилось. Предполагалось также издать Уложение 1649 г., Жалованные грамоты городам и дворянству, Учреждения о губерниях. Равным образом Академия Наук задумала ряд научных изданий актового материала, но и тут дело подвигается весьма медленно. Пока издание ограничичивается двумя выпусками Делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду, под редакцией В. Н. Сторожева. Получение Академией Наук Тургеневского Архива побудило ее приступить к опубликованию дневников и писем Н. И. Тургенева. Пока вышло три тома под редакций Е. Тарасова. Из мемуарной литературы отметим издание Записок Екатерины II и дневника Понятовского, столь необходимых для изучения русской истории второй половины XVIII в.

Предпринимали издания соответствующих документов и высшие государственные учреждения. Так, Государственный Совет с 1869 г. издает Архив Государственного Совета, Сенат с 1888 г. Сенатский Архив, а также с 1880 г. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра В., наконец Комитет Министров с 1888 г.—Журнал Комитета Министров.

Московское Общество Истории и Древностей Российских, основанное в 1804 г., первоначально влачило жалкое существование и только с 1836 г. стало проявлять весьма оживленную деятельность благодаря полученной правительственной субсидии в 5 т. руб. Обществом было издано довольно

много исторических материалов, собранных в сборниках под заглавием Русские достопамятности, в трех частях (1815, 1843, 1844) и Русский Исторический сборник в 7 частях (1838—1844) под ред. М. П. Погодина.

С 1846 г. Общество имеет свой периодический орган, Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских; в 1849 г. они были закрыты, и Беляев стал издавать Временник Им. Москов. Обществ. Истории и Древн. Росс. Всего вышло 25 томов. С 1858 г. издание Чтений было возобновлено и продолжается до настоящего времени. Московским Обществом печатается множество материалов по истории древней и новой России, главным образом XVII в., извлеченных из русских архивов. Большое внимание отведено запискам иностранцев.

Были изданы: Флетчер, Олеарий, Мейерберг, Корб, Рейтефельд, Юст-Юль, Горсей, Фокеродт, записки Храповицкого, Лопухина, Шишкова, Мордвинова и др. Кроме того, в Чтениях и Временнике напечатано не мало документов по истории Белоруссии, в частности Литовский Статут в трех редакциях: 1529, 1566 и 1588 гг. Благодаря секретарю О. М. Бодянскому, в Чтениях стали опубликовываться материалы, относящиеся к истории Украины. Последнее время в Чтениях печатались акты и документы о Смутном времени под ред. С. А. Белокурова, С. Б. Веселовского, А. И. Гневушева, П. В. Рождественского, И. А. Рябинина, Ю. В. Готье, С. К. Богоявленского и Л. В. Сухотина. Одновременно С. Б. Веселовский опубликовал в Чтениях весьма ценные для финансовой политики правительства XVI—XVII вв. Акты писцового дела в 2 томах, к сожалению пока не оконченные, а также Арзамасские акты, издание необходимое для изучения поместного строя и поместного землевладения. Все внимание Общества сосредоточено на истории древней России до XVIII в. Большая часть документов отведена этому времени. Источники истории XIX в. почти не нашли никакого отражения. Равным образом Петербургское и Московское Археологические Общества, опубликовывая материалы археологического характера, издали не мало документов для изучения истории России до конца XVII в. Благодаря Н. В. Кала-

чеву Географическое Общество издало 2 тома Писцовых книг Московского Государства XVI в., которые подверглись детальному изучению только в сравнительно недавнее время (Н. А. Рожков, Е. В. Сташевский, П. П. Смирнов, А. Максимович и др.). Все вышеназванные ученые общества интересовались преимущественно более ранним периодом истории России отчасти по условиям цензуры, отчасти вследствие большой склонности к эпохе ее древности и средневековья. Однако издание материалов и по новой истории была настойчиво необходима. В 1866 г. было основано Императорское Русское Историческое Общество, которое и принялось за опубликование материалов по истории России XVIII в. и отчасти XIX в. Однако издание многих материалов заставляет желать лучшего. Тексты изданы часто небрежно, с большими сокращениями, что особенно следует заметить относительно публикации переписки дипломатических представителей при русском дворе, когда редакторы выпускали все то, что слишком резко бросалось в глаза и представляло русское правительство не в особенно привлекательном освещении.

Несмотря на все указанные недостатки издания, томы Русск. Ист. О. — ценнейшее собрание по истории XVIII и отчасти XIX вв., столь мало представленной в других ученых изданиях. До настоящего времени было издано 146 томов. Материалы были взяты как из русских, так и из иностранных архивов. В изданных томах опубликованы материалы Екатерининской Комиссии, благодаря которым явилась возможность появления ряда научных трудов и статей посвященных ее изучению: дипломатические сношения с польско-литовским государством, дипломатическая переписка России с Наполеоном, донесения и дипломатическая переписка иностранных послов при русском дворе, протоколы, журналы и указы верховного и тайного Совета, бумаги Кабинета Министров, бумаги 1812 г., финансовые документы времен Екатерины II, дипломатическая переписка Екатерины II, переписка ее же с д'Аламбером, Вольтером, Гриммом, Фридрихом II, бумаги секретного Комитета при Николае I, переписка Николая I с Константином Павловичем. При каждом томе имеется подроб-

ное оглавление содержания вышедших томов, чем облегчается пользование ими.

В деле издания памятников, касающихся местной истории, большое значение имели Губернские Архивные Комиссии. Изданные ими документы были извлечены либо из местных архивов, либо из центральных. Особенно деятельными в издании документов оказались Комиссии Нижегородская, Рязанская, Ярославская, Костромская, Саратовская, Тамбовская, Оренбургская и др. Отметим превосходное издание Нижегородской Архивной Комиссии, посвященное Нижегородскому ополчению 1612—1613 г.г., составленное при помощи Петербургских ученых сил. Все же подбор материала в изданиях Архивных Комиссий страдает отсутствием плана, да и самые документы изданы не всегда с соблюдением тех научных приемов, без которых документ теряет значение исторического источника.

Параллельно с Архивными Комиссиями издавались акты поместной истории и отдельными лицами. В особенности много различных документов было издано А. Титовым, главным образом по истории Ростовско-Ярославского края.

Большое значение имели в деле опубликования материалов исторические журналы. Русский Архив, издаваемый П. Бартеневым с 1862 г., дал массу весьма ценного материала по истории XVIII—XIX в.в. К сожалению самое издание документов не отличается безукоризненностью и заставляет желать много лучшего. Документы и мемуары изданы часто с сокращениями, с большими выпусками. Иногда вместо подлинного текста дается пересказ последнего. Все это заставляет относиться критически к многим изданным в Русском Архиве документам, однако ценность последних для истории XVIII—XIX в.в. все же остается огромной. Такое же значение имеет журнал Русская Старина, издававшийся с 1870 г., в особенности те его выпуски, которые появились в свет, когда редактором был М. И. Семевский. Последнее же время журнал влачил жалкое существование. После первой русской революции стал издаваться журнал Былое (1906—1907 г.), посвященный истории общественности и революционного движения в России. Скоро закрытый, он снова

возродился под названием Минувшие годы (1908); однако и это издание тоже вскоре прекратилось.

Только с революцией 1917 г. явилась возможность возобновления журнала. Для истории русского революционного движения Былое и Минувшие годы — источник первостепенной важности. Такое же значение имеет историко-литературный журнал Голос Минувшего под ред. В. И. Семевского и С. П. Мельгунова, издававшийся с 1912 г., в котором общественность и революционность XIX в. представлена очень подробно и выпукло [1]). Большое значение, несмотря на тенденциозный подбор материалов имеет издание Старина и Новизна графа С. Д. Шереметьева. Не мало исторического материала разбросано в журнале Исторический Вестник, издававшийся с 1880 г. под ред. С. И. Шубинского, а также в Губернских Ведомостях и Памятных Книжках той или другой губернии.

Параллельно государственным архивам существовали и частные архивы, имеющие фамильное значение и в то же время содержащие в себе документы большой ценности по истории дворянской культуры XVIII — XIX в.в. и русской общественной и литературной жизни, поскольку последняя была представлена господствующим классом, дворянством. Среди них наиболее известны: Архив Воронцова издававшийся с 1870 г. в Москве, ведущий начало со времен Елизаветы Петровны. В его 40 томах собраны ценнейшие материалы по Елизаветинской и Екатерининской эпохам, отчасти по истории России в первую половину XIX в. Такое значение имеет для эпохи Павла и Александра I Архив К. Б., А. Ф. и Ф. А. Куракиных, выходивший с 1890 г. сначала под редакцией В. И. Семевского, а впоследствии В. Н. Смольянинова.

Огромное значение имеет Архив гр. Н. С. Мордвинова для изучения политико-экономической и финансовой жизни России в первую половину XIX в.

---

[1]) Для истории революционного движения октября 1917 г. имеют первостепенное значение журналы Пролетарская Революция (Москва 1922 г.) и Красная Летопись (Петербург 1922 г.).

Для дворянской общественности первостепенное значение имеет Остафьевский Архив кн. Вяземских (1899—1913), изданный гр. Шереметьевым. Наконец во время революции вышел первый том Архива декабристов, где собраны бумаги и письма кн. С. Г. Волконского, имеющие огромное значение, как для истории самой фамилии, так и для выяснения генезиса декабризма. Конечно этими указаниями не исчерпывается все достояние архива. К сожалению во время революции 1917—1918 г.г. не мало фамильных документов погибло. Кое-что удалось спасти, и открытие к ним широкого доступа делает возможным использовать их большому количеству ученых и подвергнуть объективной обработке, а также приступить к изданию наиболее ценных из них так, как этого требует научное издание документов. При Архиве Министер. Юстиции, в Румянцевском и Историческом Музеях, в учреждениях Петербурга, а также в каждом Губернском Архиве имеется не мало частных документов, ждущих своего исследователя.

Развитию исторической науки в значительной степени способствовало опубликование материалов учеными, снабжавшими текст своих исследований документальными данными в пояснение и подтверждение своих выводов. Некоторые из исследователей, как М. А. Дьяконов, С. Б. Веселовский издавали использованные ими документы в виде отдельных сборников, отличающихся большой полнотой. Так, первым изданы Акты тяглого состояния, второй опубликовал Акты писцового дела, в 2 томах, как приложение к своему исследованию Сошное письмо (2 т. М. 1917 г). Нуждами университетского преподавания вызвано издание ряда историко-юридических материалов, с целью дать в руки учащихся источник, от которого они могли бы отправляться и к которому они могли бы возвращаться в своих занятиях. Наибольшее количество изданий было выпущено под редакцией профессоров русской истории в Московском Университете В. О. Ключевского, М. К. Любавского, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского, Ю. В. Готье, А. И. Яковлева, С. В. Бахрушина, В. Н. Бочкарева, В. И. Пичета, изданных отчасти на средства университета и б. Высших Женских Курсов (Уложение

1649 г., Губные и земские грамоты, Законодательные акты Екатерины II, Учреждение о губерниях 1775 г. и Жалованные грамоты 1785 г., Положение 19 февраля 1861 г., (отчасти при помощи частного издательства), Русская Правда, договорные и духовные грамоты великих и удельных князей, памятники Великого Новгорода, Акты о Земских Соборах, Памятники Смутного времени, Памятники законодательной деятельности Петра, акты о крестьянах XVI—XIX в.в., основные законодательные акты, касающиеся Высших Государственных Учреждений в России XVIII и первой четверти XIX в., отрывки из сочинений Юрия Крижанича (политико-экономические его взгляды); отрывки из записок иностранцев о России XVI—XVII в.в., памятники политической литературы XVI в.). В Петербурге были изданы М. А. Дьяконовым Сводный текст порядных грамот XVI в., Законодательные Памятники Петра В. под редакцией В. М. Грибовского, в Харькове Судебники 1497 г. и 1550 г. под редакцией М. В. Клочкова. Сводный текст наместничьих уставных грамот издан в Киеве под ред. М. В. Довнар-Запольского. Так в основных чертах представляется собирание и издание материалов по истории северо-восточной Руси.

2. Белоруссия.

Археографическая Комиссия. Московский Архив Министерства Юстиции. Издание документов исследователями. Виленская Археографическая Комиссия. Московское Общество Истории и Древностей Российских. Архив Юго-Западной России. Витебская Старина А. П. Сапунова. Историко-юридические материалы Витебского Центрального Архива. Архивные книгохранилища. Польские библиотеки и книгохранилища. Губернские статистические сборники. Фамильные архивы.

Архивные документы, касающиеся Белоруссии, значительное время политически связанной с Польско-Литовским Государством, разбросаны по архивохранилищам и книгохранилищам России, Украины и Польши. Собиранием документов, их хранением, а также их изданием интересовались как польские, так и русские ученые. Работа тех и других шла параллельно. Однако долгое время впереди шли польские

историки, так как Белоруссия, перешедшая к России после разделов Польши, долгое время была вне ученого внимания историков русских.

Поэтому издание и собирание документов производилось польскими исследователями, освещавшими исторический материал с несколько односторонней польской точки зрения. С возникновением Петербургской Археографической Комиссии было обращено особенное внимание на опубликование материалов, имеющих отношение к истории Белоруссии. Арх. Комиссией изданы акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, (14 томов) и Акты, относящиеся к истории Западной России (5 томов). Все эти документы касаются разных сторон политической, сословной, религиозной, дипломатической, отчасти экономической жизни Белоруссии. Для истории Белоруссии это источники первостепенной важности, без которых не может обойтись ни один исследователь прошлого Белоруссии. Той же Комиссией были изданы Западно-русские летописи (1907), дневник Люблинского сейма 1569 года. В Русской Исторической Библиотеке изданы памятники полемики православных с униатами и католиками и документы из Литовской Метрики: книги Публичных дел, книги Записей и Судных дел. (Истор. Биб. VII—XIX—XX—XXVII—XXX). В изданных томах помещаются материалы, необходимые для изучения внутренней истории Белоруссии. Начавшаяся в 1914 г. война временно приостановила издание документов. В Архиве Министерства Юстиции имеется Отделение Литовской Метрики, Государственный Архив Великого Княжества Литовского, основной документ для всестороннего изучения внутренней истории Белоруссии. Начало изданию документов Литовской метрики было положено проф. М. В. Довнар-Запольским. Изданный последним сборник материалов под заглавием Документы Московского Архива Юстиции, том I (1894 г.) заключает в себе важные и интересные документы: инвентари, сеймовые рецессы, книги пожалований; этим изданием был пущен в оборот материал первостепенной важности. Кроме этого им же были изданы Акты Литовско-Русского Государства, т. I (1897). Оживление интереса к истории Белоруссии вызвало целый ряд исторических работ

по истории литовско-белорусского государства, причем исследователи снабжали свои работы приложением обильного количества документальных данных. Так, С. А. Бершадский издал Документы и Регесты по истории евреев в Литовско-Русском Государстве, 1888 г., Ф. И. Леонтович—Акты о крестьянах, 2 в. (1896—1897 г.). Труды М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского, М. А. Максимейко, А. И. Лаппо снабжены приложениями документов из Литовской Метрики. Исследования проф. И. А. Малиновского сопровождались опубликованием 2-х томов ценнейших материалов по истории Рады в. княжества литовского. На использование документов Литовской Метрики Археографической Комиссией уже было указано. Наконец, Архивом Министерства Юстиции при участии С. К. Шамбинаго и Н. Г. Бережкова было приступлено к научному описанию Литовской Метрики. Пока вышел только первый том (1916 г.). С образованием в Вильне Археографической Комиссии и Комиссии Учебного Округа для издания документов ими были изданы Археографические сборники (XIV в.), Акты Виленской Археографической Комиссии (38 в.), в состав которых вошли ценнейшие документы по истории крестьянства, городов, церкви, сословий, землевладения, уголовного и гражданского права Белоруссии в эпоху Литовско-Польскую. Далее ею были изданы Акты борьбы за Малороссию и Акты о войне 1812 г. Кроме того изданы Писцовая книга Пинского Старосты 1561—66 г.г. (2 тома), Ревизия Кобринской экономии 1563 г., Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, 1552—1555 г. Все эти издания—источники первостепенной важности, хотя далеко не всегда аккуратно изданные. Московское Общество Истории и Древностей в Временнике (18—19—23) издало Литовский Статут в трех редакциях (1529—1566—1588), Полоцкую ревизию 1552 г. и др. Киевская Археографическая Комиссия издавала Архив Юго-Западной России, в котором находится большое количество документов по истории гражданско-правовых отношений в Литовско-Белорусском Государстве. Витебский Центральный Архив издавал Историко-юридические материалы в 23 томах, А. П. Сапунов Витебскую старину, в которой собраны документы, характеризующие историческую жизнь Витебщины и необходимые для изучения Белорусской истории

вообще. Как уже сказано выше, первостепенное значение для истории Белоруссии имеет Литовская Метрика, вывезенная из Вильны в 1793 г. и находящаяся в архиве Министерства Юстиции. Часть ее помещена в архиве Министерства Иностранных Дел и Публичной Библиотеке в Петербурге. Очень много исторического материала самого разнообразного характера хранится в польских библиотеках и книгохранилищах Красинских в Варшаве, Чарторыйских, и Оссолинских во Львове, Рачинских в Позпани. Архивы учреждений, действовавших после разделов Польши (сословные, городские, межевые, нотариальные и др., казенные палаты), имеют также богатый исторический материал. В издававшихся Губернских Статистических сборниках и Памятных Книгах собрано много материала по финансово-экономической истории дореформенной и пореформенной эпохи. В различных помещичьих гнездах сохранились домашние архивы, имеющие огромный обще-исторический и культурный интерес.

Большой ценности Архив находился в Несвиже и принадлежал семье кн. Радзивиллов. Очень важен для хозяйственной истории архив гр. Хребтович-Бутенева (Шорсы, Минской губ.). Таковы хранилища документов по истории Белоруссии.

3. Украина.

Место хранения документов по истории Украины. Археографическая Комиссия. Киевская Комиссия. Общество Истории и Древностей. Архивные Комиссии. Киевская Старина. Издания частных лиц. Польские издания.

Документы по истории Украины разбросаны по разным городам, что в значительной степени затрудняет изучение истории украинского народа. Так, в Петербурге в библиотеке Академии Наук хранятся часть Румянцевской описи. Остальные части находятся в Чернигове и в Киеве, в библиотеке Университета Св. Владимира. В Москве в Румянцевском Музее и отчасти в Археографической Комиссии в Петербурге хранится Архив Генеральной Войсковой Канцелярии. В Московском Архиве Министерства Иностранных дел хранятся дела Коллегии Ин. Дел по Малороссийским делам и отчасти

Приказа Малой России, в Архиве Министерства Юстиции—дела Сената по Малороссийскому департаменту, дела Приказа Малой России, дела разрядов Киевского, Белгородского и Севского.

О местах хранения Литовской Метрики уже говорилось выше; Коронная Метрика хранится в Варшаве. В Чернигове и Харькове находятся Архив Малороссийской Коллегии, в Лефортовском Архиве в Москве—дела по постройке Украинской Линии. Архив Военной Коллегии хранится частью там же, частью в Петербурге. Кроме того в каждом губернском городе еще имеются архивы действовавших ранее губернских учреждений. Рядом с архивами сословными, духовных консисторий, церквей, монастырей и казенных палат провинциальные архивы дают богатейший материал для изучения областной истории. Особенно богаты документами по истории Украины: Библиотеки Университета св. Владимира и Киевской Духовной Академии, Киевской Комиссии для разбора древних актов, библиотеки общества Нестора Летописца. Софийского Собора, Киево-Печерской Лавры, Харьковского Университета, Нежинского Историко-Филологического Института и мн. др. Среди этой массы материалов лишь весьма немного изданных документов, зато неиспользованных — сплошное море, в котором легко захлебнуться и потонуть исследователю.

Издание документов по истории Украины было начато Археографической Комиссией в Петербурге. Об этих изданиях приходилось говорить выше. Большую деятельность проявляла Киевская Комиссия для разбора древних актов. Ею издавался Архив Юго-Западной России, разделенный на 8 частей. Ею же изданы документы, относящиеся к истории церкви, казачества, крестьянства, местного упразления, землевладения, украинской администрации, брачного права, семейного быта и кроме того 4 тома памятников, в которых собран разнообразный исторический материал. С 1911 г. Комиссия издает Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Пока вышел только выпуск первый. Довольно значительное количество документов издано Московским Обществом Истории и Древностей, в особенности когда

редактором его изданий был О. М. Бодянский. Им изданы Украинские летописи и хроники, реестр всего Войска Запорожского и не мало других материалов, имеющих большое историческое значение.

Русское Историческое Общество издало Наказы в Комиссию 1767 г. от украинской шляхты и городов, а также от населения Слободской Украины. В деле опубликования материалов журнал Киевская Старина проявил особенно интенсивную деятельность. В течение многолетнего его существования в каждом номере появлялись ценнейшие материалы, без которых не может обойтись ни один исследователь. После 1905 г. в Киеве издавался журнал Украина, правда не долго, и выпускались Записки Наукового Товариства, в которых публиковались важные историко-литературные материалы; тоже следует сказать и о Записках Наукового Товариства имени Шевченко в Львове, издании незаменимом для исследователя, так как в нем печатались документы, которые сплошь и рядом не могли появиться в России в силу драконовских цензурных мероприятий. Тем же Товариством под редакцией М. С. Грушевского изданы Жерела до истории Украіни, Руси, 8 томов. Благодаря пробуждению глубокого интереса к познанию исторического прошлого Украины в связи с выявлением ее национального лица множество документов издано частными лицами. Так Еп. Филарет издал Историко-Статистическое описание Черниговской Епархии в 5 частях (1875) Им же издано описание Харьковской Епархии, в 5 частях. А. М. Лазаревский и Н. А. Константинович издали Обозрение Румянцевской Описи (4 в.) с приложением пояснительных документов (1866—1885).

Кроме того, А. М. Лазаревским издано большое количество важнейших документов, а именно Описание Старой Малороссии в 3 томах (1888—1893), архив Сулимы (1884), архив гр. Милорадовичей, Очерки и заметки и др. документы в 56 выпусках.

Публикации этого неутомимого издателя имеют большую ценность. М. С. Судиенко издал материалы для Отечественной Истории, 2 тома (1855). Н. П. Василенко опубликовал Генеральное Следствие о местностях Нежинского и

Черниговского Полков (1909), Д. И. Багалей — Материалы для истории колонизации и быта Слободской Украины (1892), Материалы для истории г. Харькова (1890). А. Ф. Кистяковский опубликовал с предисловием очень ценный памятник: Права, по которым судится малороссийский народ, сведенные в граде Глухове, лета от Р. Х. 1743 (1879). Большую активность по изданию документов местной истории проявляли архивные Комиссии в Полтаве, Чернигове, Екатеринославе, Симферополе, а также церковно-археологический Комитет в Каменец-Подольске. В местных Епархиальных ведомостях часто находятся сведения бытового и церковно-исторического характера. Тоже следует заметить о сборниках Губернских Статистических Комитетов, в особенности в Полтаве и Чернигове, в которых помещены ценнейшие историко-юридические и экономические материалы.

Польской исторической наукой много сделано по опубликованию документов. Краковская Академия Наук издавала: Arhivum komysii prawniczei в 7 томах. А. И. Яблоновский совместно с А. Павинским издал Zrodla dziejowe, в 22 томах, Гельцель и Бобржинский—Pomniki Starodawnego prawa polskiego, в 9 томах. В последнее время изданы: Akty grodzkie i zemskie, 19 вып., Archivum kniazat Lubowichow Sanguszków в VI томах, Acta Tomiciana, в 12 томах, и много других. В польских библиотеках и архивохранилищах сохраняется множество ценнейшего материала, одинаково важного как для истории Белоруссии, так и Украины. Революция 1917—1918 г. положила начало Украинской Академии Наук, которая конечно займется изданием документов по украинской истории.

Груды архивных документов колоссальной важности еще ждут своего исследователя.

III. Источники Северо-Восточной Руси.

1. Археологические памятники.

Значение археологических памятников. Виды их и места хранения.

Прошлое каждого народа надо изучать не только на основании одних письменных документов. От более ранних моментов исторической жизни народа не осталось никаких письменных свидетельств, и чтобы проникнуть глубоко в историческое прошлое, необходимо обратиться за помощью к науке доисторической археологии, которая специально посвящает себя отыскиванию следов старинной культуры, классифицирует материалы, и тем самым позволяет ученым воспользоваться своими данными для научных выводов. В России археологией стали заниматься сравнительно поздно, и до сих пор не все ученые пользуются ее данными в своих книгах по русской истории. Такое отношение к данным археологии следует назвать научным анахронизмом. Родоначальником русской археологии надо признать гр. А. С. Уварова (1825—1884), его супругу П. С. Уварову и А. Н. Поля (1830—1890) в Екатеринославе. Ими много сделано и для пропаганды археологии и для производства раскопок. Гр. А. С. Уваров положил начало археологическим с'ездам в Москве, и затем эти с'езды повторялись каждые три года по разным центрам, благодаря чему явилась возможность изучения отдельных исторических районов с археологической точки зрения. Гр. А. С. Уваров интересовался финскими и кавказскими древностями. Древностями юга занимался проф. В. Б. Антонович (1834—1912) и его ученики. Много было сделано в области археологии также Д. Я. Самоквасовым. Параллельно развитию вкуса к археоло-

гии возникли археологические общества в Петербурге и Москве. В Казани было основано Общество Археологии, Истории и Этнографии, в Одессе — Общество Истории и Древности. Провинциальные ученые общества обратили свое внимание на изучение местного края в археологическом отношении. Казань занималась финско-болгарскими древностями, Одесса — древностями юга, главным образом скифскими и греческими. Губернские Архивные Комиссии, с своей стороны интересуясь местной археологией, много сделали в этом отношении (Екатеринославская, Рязанская и Смоленская).

Благодаря такому интересу к археологии явилась возможность осветить и изучить очень многие важные моменты прошлого русской равнины. Археологические раскопки знакомят с формами погребений, следами древних поселков, древней утварью, украшениями, орудиями, зачатками искусства, монетами и устанавливают основные этапы в развитии культуры народа. Археологические вещественные памятники нужны и для изучения тех эпох, от которых остались и письменные известия. И история быта, архитектуры, живописи, техники уясняется только при помощи вещественных памятников, к которым в России не всегда относятся с должным уважением. Археологические сокровища хранятся в Эрмитаже в Петербурге, в Историческом Музее, Оружейной Палате и Румянцевском Музее в Москве, а также в местных музейных собраниях.

2. Памятники устной словесности.

Былины. Исторические и обрядовые песни. Частушки. Сказки. Пословицы.

Памятники устной словесности нельзя считать объективным историческим документом, и притом первостепенной важности. История интересуется ими постольку, поскольку в них отражается то или другое бытовое явление, очищенное от разных посторонних примесей и влияний, неизбежных при устной передаче потомству соответствующих произведений. Всякий памятник устной словесности имеет индивидуальное происхождение. В нем отражается мировоззрение и оценка автором того или другого сохранившегося в устной пе-

редаче события. Благодаря памятникам устной словесности глубже уясняется быт народа, его взгляды на жизнь, на право и нравственность, все его мировоззрение, положенное в основу и оценку исторического явления. Произведения богатырского эпоса, былины, народные поэтические сказания о былом, очищенные от посторонних наслоений, являются ценным историческим материалом бытового характера, связанным с тем или другим историческим моментом, нашедшим в нем свое отражение. Исторические песни имеют ввиду преимущественно исторические события и лица. Для историка важна оценка последних народом, как документ первостепенной важности для понимания народной психологии и отражения последней в явлениях и фактах прошлого. Все наиболее важные исторические события, как то: татарщина, время Грозного, Смутное время, бунт Стеньки Разина, эпоха Петра, нашли то или другое отражение в исторических песнях. Обрядовые песни отражают в себе народный быт и очень ценны для знакомства с разными сторонами народной жизни. Устное творчество постепенно умирает. Оно сохраняется только в деревнях, как пережиток весьма далекого прошлого. Городская культура с развитием индустрии создала фабричную частушку, не отличающуюся особыми поэтическими достоинствами, но крайне важную для оценки психологии и настроении рабочей массы. Под влиянием разных текущих событий создаются солдатские и деревенские частушки и устное творчество как будто временно возрождается. Народная сказка переживала несколько исторических моментов в своем развитии и в каждом из них, несмотря на вымысел, фантастику, описание событий, никогда не имевших места, всегда отражала общепринятый взгляд на право и мораль, добро и зло. В пословицах, также отражается то или другое жизненное явление, выраженное в отвлеченной форме. Историку не следует их игнорировать. Пословицы—ключ к пониманию народной мудрости и психологии, отчасти взгляда народа на право, поскольку в них можно заметить отражение старинных процессуальных формул. (Русская устная словесность: Былины, т. I под ред. проф. М. Н. Сперанского, 1916—1919, Былины в изд. Задруга, 1916).

3. Летописи.

Древнейшие летописные своды. Областные летописи. Обще-русские летописные своды. Хронографы.

Летописи, погодный рассказ о событиях, сохранились в большом количестве списков. Уже в 1846 году количество последних доходило до 168. Древнейшими списками являлись Лаврентьевский и Ипатьевский. Первый список был написан монахом Лаврентием для Суздальского князя Дмитрия Константиновича. Написание его относится к 1377 году. Второй список относится к XV в. и найден в Ипатьевском монастыре в Костроме. До 1110 г. между обоими списками нет различий. После этого года в Лаврентьевской летописи излагаются события Киевской и северо-восточной Руси до 1206 г., а затем исключительно последней. Ипатьевская летопись имеет продолжением летописи, исключительно занятые южнорусскими явлениями и фактами, как Киевская, Волынская и Галицкая.

Летопись до 1110 г. называется Начальной Летописью. Она состоит из трех частей: 1) сказания о начале древней Руси, 2) сказания о Св. Владимире и крещении Руси, 3) древнейшей Киевской летописи. Кроме того в состав летописи вошли разные документы, как то: а) древнейшие летописные записи, б) монастырские церковные летописи, в) жития святых, г) государственные акты, д) поучения и назидания, е) извлечения из болгарских и византийских хроник, ж) отдельные сказания и предания и з) личные заметки редактора.

Кто был составителем свода, этот вопрос вызывает много споров в исторической литературе. Быть может, составителем ее является Сильвестр, игумен Михайловского монастыря в Киеве, но и это мнение вызывает в настоящее время сомнения, и вопрос остается открытым. Где и как началось на Руси летописание, на этот вопрос определенного ответа дать нельзя, и приходится довольствоваться более или менее удачными гипотезами. Академик А. А. Шахматов († 1920) думает, что летописное дело началось в Новгороде в начале

XI века, а затем, благодаря усилению политического значения Киева, сосредоточилось в последнем. В Начальной Летописи нет прагматизма в рассказе, но чувствуется определенное историко-философское мировоззрение, видящее в событиях и явлениях прошлого отражение то карающего, то благословляющего Промысла Божия. К областным летописям относятся Новгородские летописи. Их насчитывается четыре. Впрочем последняя летопись является позднейшим Московским Сводом, составленным на основании трех Новгородских летописей. Все они неоднородны по своему составу и значению. Наибольшее значение имеет первая Новгородская летопись, охватывающая события с 1016—1444 гг. В начале обращает на себя внимание сходство с Начальной Летописью, но скоро Летопись начинает говорить только о Новгороде. Изложение очень сжатое. Вторая Новгородская Летопись обнимает собою промежуток времени с 911—1587 г., третья с 989—1693 г. и четвертая с 1113—1496 г. (Полн. Собр. Лет., т. III и IV). Для истории Новгорода летописи — ценнейший материал. Псковских летописей сохранилось две (Полн. Собр. Лет., т. V и VI). Первая начинается с 859 г. и продолжается до 1609 г., вторая приблизительно с того же времени до 1650 г. До начала XIII в. изложение отрывочное. С XIII в. Летопись носит исключительно областной характер.

К областным летописям относятся летописи северо-восточной Руси и Тверская (Полн. Собр. Лет., т. XV). Первые сохранились в виде продолжения Лаврентьевского Свода, а вторая, составленная малограмотным человеком в 1461 году из более ранних летописей, не исключая и местных, доводит свой рассказ до 1487 года, начиная с 1285 г.

Образование Московского государства привело к централизации летописного дела в Москве, где появились летописные сборники, как то: Софийский Временник, Летописи Воскресенская и Никоновская (Полн. Собр. Лет., тт. V—XIII). Во всех этих сводах в оценке исторических событий отражается московская точка зрения. Названные летописи касаются событий до половины XVI века. К московским летописям тесно примыкает и Степенная Книга Царского родословия. Это литературное произведение, в котором события изложены

по великим князьям и расположены, в свою очередь, по степеням (Полн. Собр. Лет., т. XXI). В основу ее положено сказание о князьях Владимирских. Давая обзор важнейших событий; составители старались связать родословную московского князя с мифическим предком Прусом и тем оправдать политические притязания московских князей. Рядом с московскими летописями появляются хронографы, т. е. обозрения по всеобщей и русской истории. Первый хронограф составлен Пахомием Логофетом (1442). Этот хронограф подвергся переработкам, из которых одна, относящаяся к 1512 г., была составлена Филофеем, старцем Елеозарова монастыря, а другая, относящаяся к 1617 г., использовала кроме византийских источников также польские и латинские. В хронографе помещены статьи, имеющие отношение к Смутному времени. Третья редакция относится ко времени 1620—1646 гг. (А. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, Спб., 1908. М. И. Сухомлинов, О древней русской летописи, как памятнике литературном. Спб. 1856. П. Г. Васенко, Книга Степенная царского родословия. Ч. I, Спб. 1904).

4. Жития святых

Ранние жития святых. Представители новой школы.

Жития святых стали писать весьма рано. Наиболее ранние списки относятся к XIII—XIV вв. В течение XIV—XV веков появляется большое количесво житий, дающих ценные сведения как о деятельности самого святого, так и о современной ему эпохе. Ранние жития отличаются краткостью сообщаемых сведений, безискусственностью изложения, отсутствием риторико-литературных вставок и прикрас. Все это делает их ценным первоисточником. Жития XV века исторической ценности не имеют. Это сочинения, написанные по литературному шаблону, в которых отразилась византийская манера писания житий. В них много вставок, авторских измышлений, литературных условностей. Они ценны, как историко-литературные произведения, но отнюдь не как исто-

рический источник. Представителями нового направления были иеромонах Епифаний Премудрый, митрополит Киприан и серб Пахомий Логофет, появившийся в России около 1440 г. Все авторы составили несколько житий: житие св. Петра, Сергия Радонежского, Стефана Пермского, игумена Никона, митрополита Алексея, Варлаама и др. Эти составители житий создали целую школу последователей, перещеголявших своих учителей. Жития XVI — XVII вв. — сплошная реторика, превратившаяся в церковное нравственное поучение; в ней не чувствуется ни литературного вкуса, ни литературного дарования, и поэтому она лишена всякой исторической ценности.

Особенной краткостью отличаются северные жития, необходимый источник для изучения монастырской колонизации; таковы жития Зосимы и Савватия. Северные жития святых образовали сборник под названием Патерик Соловецкий (XVI в.), составленный по поручению арх. Геннадия Новгородского. (Общая характеристика житий святых, как исторического источника, дана В. О. Ключевским в его труде Древне-русские жития святых, как исторический источник. М. 1871. Е. В. Петухов, Русская литература. Древний период, изд. 2-е. Юрьев, 1912. М. Н. Сперанский, Древне-русская литература, М. 1922).

5. Путешествия.

Путешествия-паломничества. Путешествия в Константинополь. Путешествия на Запад. Путешествия в Индию. Поездки в XVIII—XIX вв. на Запад.

Русские люди в старину не были домоседами, никогда не покидавшими русской территории. Под влиянием религиозного влечения они совершали паломничества в Святую Землю, направляясь туда через Константинополь. Некоторые из таких путешественников оставляли после себя записки. Наиболее ранним является Хождение Игумена Даниила, бывшего в Иерусалиме после 1102 г. (издание Арх. Ком. 1864 г. под ред. А. С. Норова). В XIV веке посещает Иерусалим Игнатий, иеродиакон Смоленский (1389—1391 гг.), проехавший туда

Доном, Азовским и Черным морями (Сахаров, Сказания русского народа, т. II). В XV в. попал в Иерусалим гость Василий (1465—1466), написавший Хождение (Правосл. Палестин. Сборник, вып. 6). В XVI веке Московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков посетили по приказанию Грозного Иерусалим, Египет и Синай, для раздачи подаяния в поминовение души убитого Грозным сына (Правосл. Палест. Сборн., вып. 27). В 1634 г. в Египет, Иерусалим и на Кавказ ездил казак Василий Гагара (Сахаров, Сказания, том II). В 1651 г. Восток посетили Арсений Суханов и иером. Иона (Сахаров, Сказания, в. 2). Параллельно ездили и в Царьград. Из Хождений наиболее древним является путешествие арх. Новгородского Антония (1200 г.) (С. Саввантов, Хождение арх. Новгородского Антония, 1872). Для XIV в. интересно Хождение Новгородца Стефана (Сахаров, Путешествия русских людей по святой земле, 1839). Для XV в. имеется Хождение иеромонаха Зосимы (1420) (Сахаров, Сказания, в. 2). Поездка митр. Исидора во Флоренцию на Собор (1437) побудила иеромонаха Симеона, сопровождавшего митрополита, описать эту поездку (Сахаров, Сказания, в. 2). Наконец Тверской купец Афанасий Никитич совершил Хождение за три моря в Индию (1466—1472). (Сахаров, Сказания, в. 2). С открытием Сибири начинаются поездки в Сибирь. Наиболее древними являются Хождение атаманов Ивана Петрова и Бурнаша-Елычева (1567) и описание посольства в Китай Федора Байкова, сибирского воеводы (1654). (Сахаров, Сказания, в. 2). Все эти Хождения интересны как культурно-исторический материал, и пренебрегать ими нельзя.

В XVIII в. стали особенно часты поездки на Запад. Поездки были вольными и невольными. Последние совершались по приказанию правительства в целях выполнения того или другого поручения. Некоторые из путешественников оставили после себя записки, представляющие материал первостепенной важности для истории ознакомления русских с Европой. И вольные и невольные поездки начались в XVII в., но только в XVIII в. стали особенно частыми. Из описаний путешествий в XVII—XVIII вв. наиболее известны: Путешествие стольника П. А. Толстого, 1697—1699 гг. (Русский Архив, 1888 г., №№ 2—8),

Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина (Архив кн. Куракина, том I), Описание поездки графа А. А. Матвеева в Париж в 1705 году (Современник 1856 г., № 2), Заграничные впечатления И. И. Неплюева (Записки И. И. Неплюева). Все эти записки и воспоминания относятся к эпохе Петра и дают полное представление о тех впечатлениях, которые уносили с собой русские путешественники при возвращении домой из-за границы.

Для второй половины XVIII века имеется ряд записок о заграничных поездках, составленных лицами, ездившими заграницу для получения или окончания образования. К таковым относятся Записки графа А. Р. Воронцова (Русский Архив, 1883 г., № 2), Житие Федора Васильевича Ушакова, А. Н. Радищева (Полное собрание сочинений А. Н. Радищева, под редакцией П. Е. Щеголева, Бороздина и Лапшина, том I, Спб. 1907 г.). Воспоминания князя А. Б. Куракина (Архив князя Ф. А. Куракина, томы V—VI). Заслуживают внимания записки А. Т. Болотова (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, 1738—1793). Автор был в Пруссии во время семилетней войны и несмотря на военное время весь был охвачен жаждою знания и любовью к чтению. Кн. Е. Р. Дашкова, бывшая заграницей в 1770—1771 гг., описала свое путешествие в Записках, изданных под ред. Н. Д. Чечулина (Спб. 1907 г.). Ее наблюдения и замечания однако не отличаются глубиной и тонкостью. Подробное описание Франции, впрочем далеко не всегда объективное, и отчасти описание Германии дают письма Д. И. Фонвизина (Полное собрание сочинений Фонвизина, изд. Ефремова, Спб. 1888 г.). Показателем серьезности и разносторонности интересов образованного русского, попавшего заграницу, могут служить Письма русского путешественника, Н. М. Карамзина и Дневники и письма Н. И. Тургенева, томы I—III (изд. Академии Наук). Большинство декабристов в своих записках знакомят читателя с теми впечатлениями, которые производила на них Западная Европа, а также с теми запросами, которые появлялись у образованных военных под влиянием событий и идей западноевропейской жизни. (См. Мемуары). В Николаевскую эпоху различные стороны западноевропей-

ской жизни нашли отражение в сочинениях А. И. Герцена, в частности в Былом и Думах, С того берега, в Письмах из Италии и Франции (Полное собрание сочинений А. И. Герцена, изд. Государственного Издательства, 1918 — 1922). Отношение А. И. Герцена к Западной Европе, преимущественно к Франции, глубоко отрицательное. В 30—40 годах уже ставится вопрос об отношении России к Западу; его изучают и анализируют все побывавшие заграницей дворяне-интеллигенты (П. Я. Чаадаев, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев). Это изучение идейной и социально-политической жизни Западной Европы является показателем того сознательного критического отношения к Западной Европе, которое так характерно для современников эпохи Николая I. (Е. В. Петухов, Opus cit., В. А. Келтула, Курс истории русской литературы, т. II. 1913 г., А. Н. Пыпин, История русской литературы, изд. 3-е, 1906, К. В. Сивков, Путешествие русских людей заграницу в XVIII в., 1918).

6. Политические сочинения.

Общие источники политических идей. Моление Даниила Заточника. Новгородские сочинения. Московские политические произведения XV—XVI вв. Юрий Крижанич. Феофан Прокопович. Посошков. Наказ Екатерины II. Князь М. М. Щербатов. А. Н. Радищев. М. М. Сперанский. Н. М. Карамзин. Конституция Никиты Муравьева. Русская Правда П. И. Пестеля. Россия и Русские Н. И. Тургенева. La vérité sur la Russie князя Долгорукого. Самодержавие и Земство Витте. Революционно-социалистические издания.

Общие источники политических идей в России прежде всего: а) книги Св. Писания, Ветхий Завет, Евангелие, Деяния, Послания ап. Павла, б) Чтения Отцов Церкви: Василий Великий, Афанасий Великий, Иоанн Златоуст и в) Византийское Законодательство в виде Пандект, Институций, Новелл, Эпанагоги и Эклоги, а также г) византийская политическая литература, развивавшая различные учения о характере власти императора и ее пределах. В эпоху X—XIII вв. на Руси не появилось ни одного политического трактата определенного характера, что в значительной степени объяс-

няется неопределенностью княжеской власти и ее несходством с властью византийских басилевсов.

Моление Даниила Заточника XII—XIII вв. (Русск. Беседа, 1856) можно считать первым политическим трактатом, в котором обсуждалась важная тема об обязанностях князя перед подданными. Для эпохи удельно-феодальных отношений трактат является ценным источником. Политическая мысль глубоко пустила корни и разделилась на несколько направлений на территории Новгорода и Московского Княжества. В первом на развитие политической мысли оказали влияние изменчивые политические судьбы Новгородской республики. Во втором планомерный рост княжества и постепенные изменения в характере власти Московских государей явились толчком для развития политической мысли. Из Новгородских политических произведений известны Сказания о Белом Клобуке и Жития Новгородских Владык XV в., Моисея, Ефимия и Ионы (Н. И. Костомаров, Памятники Старой Русской Литературы, томы I и II). Московская политическая литература зарождается в поучениях Митрополита Петра (превосходство духовной власти над светской), Митр. Алексея (та же тема), а также и Митр. Киприяна и Фотия. Все эти писатели затрагивают вопрос о взаимоотношениях церкви и государства, священства и светской власти. Отношения эти не вполне определенны. Однако превосходство остается за священством. После Флорентийской Унии (1439) церковно-политическая литература несколько изменяет свое содержание. Митр. Иона считает князя покровителем и защитником церкви и православия, и вопрос о взаимоотношениях церкви и государства рассматривается в иной плоскости. К этому направлению примыкают Арх. Новгородский Геннадий, Иосиф Волоцкий со своим Просветителем, Митропол. Даниил в своих поучениях. Свободу церкви отстаивал и Нил Сорский в Уставе о жительстве Скитском (1849) и вся его школа. Отчасти сюда примыкал и Максим Грек со своими многочисленными богословско-политическими трактатами. Часть его сочинений, весьма неполная, была издана в трех томах в 1859—1862 гг. Политическая победа Москвы отразилась в политических произведениях, содер-

жащих в себе идею всемирно-исторического значения Руси. Сюда относятся: а) Повесть о Древнем Вавилоне, о трех Отроках, О происхождении рода Рюрика от Кесаря и Августа, б) Сказания о регалиях и Родословия русских царей, составленные около 1523 г. (Н. И. Костомаров, Памятники, том 2, Древне-Российская Вивлиофика, том VII), в) Два послания от старца Филофея (Маликин, старец Елеозарова монастыря Филофей, приложения (К. 1901).

Борьба царской власти с боярством нашла отражение а) в переписке князя А. М. Курбского с Грозным (А. Курбский, Собр. сочин. том I, 1913) и в) в Беседе Препод. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев (Летопись Арх. Ком., 1899 и школьное издание б. В. Ж. Курсов в Москве). Оправдание единства власти и ее нераздельности отразилось в сочинении Ивашки Пересветова (Ржига, В. И. Пересветов, 1909) Политические теории эпохи Смуты отчетливо представлены в повестях: Иное сказание (аристократическая), Временник дьяка Ивана Тимофеева, с его учением о ложных и настоящих царях, в повестях кн. М. Катырева-Ростовского и кн. И. А. Хворостинина (Рус. Ист. Биб., том 13). Возобновление спора об отношениях государства к церкви с подчинением первого последней нашло отражение в письмах и посланиях Патр. Никона (Записки отд. Русской и Славянской Археол. том II, 1861. Дело Патр. Никона, 1897 г.). Оправдания полицейского государства и обоснование богоустановленности власти с учением об истинной и не истинной политике проводится в сочинениях серба Юрия Крижанича (Безсонов, Русское Государство во второй половине XVII в. М. 1859 и В. Пичета, Экономические и политические взгляды Юрия Крижанича, Спб. 1913). Теоретическое оправдание абсолютизма Петра нашло отражение в трактате Ф. Прокоповича, Правда воли монаршей, М. 1722 (Гурвич, Правда воли монаршей и ее западноевропейские источники, Юрьев, 1912 г.). Критика деспотического абсолютизма и оправдание абсолютизма просвещенного проводится в сочинении Посошкова, Книга о скудости и богатстве (Изд. под ред. А. А. Кизеветтера, М. 1910). Для времени Екатерины II имеет первостепенное значение так

называемый Наказ, в котором отразились идеи западноевропейской просветительной литературы (Наказ Екатерины в изд. Академии Наук, 1910).

Взгляды крупно-поместного дворянства на власть и на задачи управления с особенной отчетливостью выразились в сочинениях кн. М. М. Щербатова. Путешествие из Петербурга в Москву, А. Н. Радищева, является трактатом первостепенной важности для характеристики крепостного права и внутреннего состояния России в эпоху Екатерины II. В лице этого писателя выступал на историческую авансцену буржуазный либерализм. Политические взгляды последнего нашли отражение в проэкте М. М. Сперанского (изд. Русской Мысли), а взгляды крупного поместного дворянства, сторонников неизменяемости государственного и общественного строя—в Записке о древней и новой России Н. М. Карамзина (Изд. 1914 г.).

Направления политической мысли декабристов с их разветвлением на буржуазно-либеральное и буржуазно-радикальное отразились в Конституции Никиты Муравьева (Якушкин, Государственная власть и проэкты государственной реформы в России, Спб., 1906) и в Русской Правде П. И. Пестеля (изд. Щеголева Спб. 1906). Сочения Н. И. Тургенева, Россия и русские (М. 1906), давая верное изображение николаевской России, очень важно для характеристики политической идеологии буржуазной интеллегенции эпохи Николая I.

Крайне важные для русской общественности того же времени славянофильство и западничество нашли отражение в Сочинениях Чаадаева (М. 1911), А. И. Герцена (изд. Лемке 1917 г.), К. С. Аксакова (Спб., 1912) А. С. Хомякова (М. 1900), Ю. Ф. Самарина, (М. 1877—1896), в статьях В. Белинского (Полн. собр. соч. под ред. Венгерова) и А. Н. Кошелева (Н. Колюпанов, Биография Кошелева, 1889—1892) и в письмах А. Черкасского (Материалы для биографии кн. А. М. Черкасского, М. 1907).

Напечатанный заграницей в 1859 г. трактат кн. Долгорукова La vérité sur la Russie, в трех частях, очень важен для характеристики либерализма крупно-поместной знати. За-

писка гр. Витте, Самодержавие и Земство, М. 1907 г. является ценнейшим политическим трактатом, вышедшим из правительственных сфер и обрисовывающим их политическую идеологию. Демократическое либерально-буржуазное течение представлено в газете П. Б. Струве, Освобождение (Штутгарт), а революционно-социалистическое—в партийных органах, среди которых первостепенное значение имеет социал-демократическая Искра. Множество материала для характеристики социально-политической революционной идеологии помещено в журналах Былое (1906—1907—1917—1922), Минувшие годы (1908), Голос минувшего (1911—1922) Красная Летопись (1922), Пролетарская революция (1922). Не мало материала дает партийная политическая литература, вышедшая в эпоху революции (1917—1919 г.). Особенное значение имеет сборник статей В. И. Ленина и Зиновьева, Против течения, В. И. Ленина, За 12 лет (1919), Н. Бухарина и Преображенского, Азбука Коммунизма (1919 г.), отражающая идеологию крайне-левой революционной струи в марксизме. Сборник Большевики в изд. Задруги (1918) отражает взгляды полиции и жандармерии на деятельность большевиков. Сборник В. Чернова, Земля и Право, (М. 1918 г.) важен для характеристики идеологии социалистов-революционеров.

(Вл. Вальденберг: Древне-русские ученые о пределах Царской власти, Пт. 1916 г., В. Вальденберг, Государственные идеи Крижанича, Спб. 1912 г., В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, Спб. 1909 г., Е. П. Тарасов, Декабрист Н. И. Тургенев, Самара 1918 г., М. Н. Покровский, Очерки истории русской культуры, ч. II. М. 1918, П. Н. Милюков, Очерки по истории русской культуры, в. III, ч. I и II, Спб. 1903).

7. Памятники историко-юридические.

а) Памятники государственного права и истории внешних сношений.

Договоры с греками и немцами. Мирные трактаты и торговые договоры XV—XIX вв. Статейные списки. Дворцовые разряды. Разрядные книги.

Самым древним договором, сохранившимся в документальном виде, является договор Олега с греками, регуляр-

вавший торговые взаимоотношения Византии и Руси заключенный в 911 г. Договор является развитием соглашения 907 г., подлинный текст которого не сохранился. Он был несколько изменен в 945 г. при Игоре. Победа, одержанная над Святославом Иоанном Цимисхием в Болгарии повлекла за собой заключение нового договора в 971 г. Договоры являются памятниками первостепенной важности для характеристики византийско-русских торговых отношений, а также для изучении древнего славянского права.

Торговля славян на севере и на западе с иностранцами повлекла за собой заключение договоров, выявлявших взаимоотношения и правовое положение обеих договаривающихся сторон. Такие договоры заключались Новгородом, Полоцком, Смоленском.

Договоры заключались с Готландом, Ганзейскими городами, Ригой, немецким орденом и Швецией. Самым ранним является договор 1195 г. Подробнее регулирует торговые отношения и гражданско-правовое положение обеих сторон договор 1229 г. (М. В. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. I).

Подобные договоры неоднократно заключались вплоть до конца с немцами. Они представляют ценный источник для изучения как характера славяно-немецкой торговли, так и господствующих правовых воззрений. Образование Московского Государства расширило область международных сношений России. С половины XV в. начинается эпоха интенсивной внешней политики. Москва воюет с Литовско-белорусским государством, Речью Посполитой, Швецией и Турцией, поддерживает дипломатические сношения с государствами всей западной Европы. Заключаемые, по окончании войны договоры представляют акты первостепенной важности для истории международной политики России.

Международная политика России освещается также соглашениями, которые правительство заключало с теми или иными государствами. Начало таким соглашениям было положено вечным миром между Россией и Польшей 1686 года, возложившим на Россию ряд чисто военных обязательств. С половины XVIII в. Россия начинает принимать более

активное участие в международной политике, а потому и соглашения с европейскими державами становятся обычным явлением ее внешней политики. В XVIII в. появляется новый тип договоров, а именно торговых, имеющих огромное значение для изучения торговой политики России и ее отношений с Западом и Востоком. Первый договор, касающийся торговли, был заключен с Пруссией (1726), второй с Англией (1734). Огромное значение имеет торговый договор с Германией 1904 г. Торговые договоры заключались и с Востоком, Ближним и Дальним. Первый договор с Турцией был заключен в 1788 году, а с Китаем в 1689 году. (Пол. Собр. 3). Для изучения внешней политики допетровской Руси большое значение имеют так называемые статейные списки, описания посольств, отправляемых за границу, а также описания приемов иностранных послов. В первых весьма отчетливо выступает детальная картина происходившего обмена мнений. Описание посольств встречаются также в разрядных книгах и дворцовых разрядах. Для XVIII и XIX в.в. имеют большое значение инструкции русским представителям заграницей, выдаваемые руководителями иностранной политики, а также соответствующие донесения заграничных представителей при том или другом европейском дворе. Эти документы не изданы и до революции 1917 г. в значительной своей части были совершенно недоступны для исследователя.

(Собрание Государственных Грамот и Договоров; Полное Собрание Законов; Бантыш-Каменский, Памятники дипломатических сношений, т.т. I—IV; Сборник Русского Истор. Общ. тт. XX, XXIV, XXXV, XXXVIII, XLI, XLVIII, LI, LII, LVII, LIX, LXV, LXVII, LXXI, LXXVII, LXXXII, LXXXIII, LXXXVII, LXXXVIII, XCV, XCVII, CXII, CXVI, CXVIII, CXXIX, CXXXV, CXXXVII).

б) Источники истории организации верховной власти.

Княжеская власть. Земские Соборы. Высшие правительственные учреждения в XVIII в. Положение о Государственном Совете. Конституционные акты. Приказы. Коллегии. Министерства.

Для эпохи династического государства соответствующий материал находится в летописях, благодаря которым вы-

ясняется сущность взаимоотношений князя и веча. Развитие феодально-удельных отношений повлекло за собой заключение договоров между князьями, регулировавших их взаимные права. Для изучения феодально-удельных отношений XIV—XVI вв. — это первостепенной важности источник. Наиболее ранние из них относятся к XIV в. (С. В. Бахрушин, Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей. М. 1911).

Для той же эпохи большое значение имеют договоры с князьями, приглашаемыми Новгородским вечем на княжение, из которых древнейший относится к 1265 г. Это договор Новгорода с князем Ярославом Ярославичем (С. В. Бахрушин, Памятники Великого Новгорода. М. 1911).

Большое значение для характеристики той же эпохи имеют духовные князей (С. В. Бахрушин, Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей. М. 1911). Наиболее ранняя из них принадлежит великому князю Ивану Калите. Последним составлено два завещания, раннее, перед отъездом в Орду, и последнее, накануне смерти. Для Московского периода имеют большое значение завещания Ивана III и Василия III.

Крестоцеловальные записи или подкрестные записи, которые брались как с отдельных лиц, так и с целых областей, имеют важное значение для изучения характера власти Московских государей.

Сюда же следует причислить и окружные грамоты, которыми области извещались о вступлении на престол нового царя, а также „грамоты избирательные", составляемые при избрании на престол нового царя. Первая такая грамота была составлена при избрании на царство Бориса Годунова, а вторая при избрании Михаила Федоровича Романова (Акты Археографической Экспедиции; Акты исторические; Собрание Государственных грамот и договоров).

Для истории верховной власти в эпоху Смуты имеют первостепенное значение: Запись Василия Шуйского (1606) и Договоры 4 февраля 1610 г. и 17 августа 1610 г. с поляками по поводу избрания на московский престол королевича Владислава (Ю. В. Готье, Акты о Смутном времени, М. 1911).

Для истории верховной власти в XVIII в. важнейшими документами являются: Воинский Устав 1716 г., Манифест от 3 февраля 1718 года об устранении царевича Алексея от престола и Устав о наследии престола от 5 февраля 1722 года, предоставляющий государю право назначить наследником престола „кого он хочет“ и проводящий взгляд на власть государя, как на самодержавную, Об'явление Государя Императора, 20 октября 1721 года, Завещание Екатерины 1727 г., Ограничительные пункты, предложенные Верховным Тайным Советом Анне Ивановне (1730), Манифест Елизаветы Петровны о вступлении на престол (1741), Манифест о назначении герцога Голштинского Петра наследником русского престола (1742), Наказ Екатерины II, характеризующий ее взгляды на власть, и Закон о престолонаследии 5 апреля 1797 г., коим устанавливается определенный порядок престолонаследия, основанный на принципе первородства и предпочтении мужского пола перед женским (Полн. Собр. Зак. томы I—III).

История самодержавной власти заканчивается актами об отречении от престола Николая II и Великого Князя Михаила Александровича (5 марта 1917 г.). К истории верховной власти относятся и Акты о Земских Соборах, созывавшихся в течение XVI — XVII вв. В акты входят указы о созыве Соборов и приговоры последних. Время функционирования Земских Соборов относится к эпохе так называемой сословной монархии. Самые акты дают отчетливое представление о взаимоотношениях верховной власти и Земских Соборов, а также выясняют компетенцию самого учреждения. Первый акт о Земских Соборах относится к 1566 г. Последний Собор был созван в 1653 г. по вопросу о присоединении Украины к Москве (Ю. В. Готье, Акты Земских Соб., М. 1920).

Постоянным учреждением при Государе была Боярская Дума. Для изучения ее истории и деятельности первостепенное значение имеют доклады, поступавшие в Думу от центральных учреждений, и состоявшиеся по ним боярские и царские приговоры. Боярская Дума через Ближнюю Канцелярию сменяется Сенатом. Для характеристики состава и дея-

тельности Ближней Канцелярии имеют первенствующее значение материалы, напечатанные в Описании документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции, том V.

Внешняя история Сената представлена в законодательных актах: 22 февраля 1711 г., 2 марта 1711 г. и в последующих указах. В указах 1715 и 1722 годов представлена организация контроля и надзора за деятельностью Сената (М. М. Богословский, Законодательные памятники Петра I, М. 1912 г.). Перемены в положении Сената в XVIII веке определяются указами 8 февраля 1726 г., 4 марта 1730 г., 18 октября 1731 г., 10 ноября 1731 г. 9 июня 1735 г., 12 декабря 1741 г., 1763 г. и 5 июня 1801 г. Последний издан в целях восстановления Сената на прежнюю степень, ему приличную (Полн. Собр. Зак., томы I—V). Для изучения внутренней деятельности Сената необходимы документы Сенатского Архива. Часть документов, относящихся к эпохе Петра, уже издана под заглавием Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Наконец, указ 8 сентября 1802 года определяет отношение Сената к вновь учрежденным министерствам.

В XVIII веке возникают советы при Государе: Верховный Тайный Совет (Указ 8 февраля 1726 и начала 1727 гг.). Деятельность этого учреждения представлена в его протоколах, изданных Русским Историческим Обществом под редакцией Н. Ф. Дубровина (томы 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101). Для истории Кабинета Министров имеют значение указы 10 ноября 1731 г. и 9 июня 1735 г., а также Бумаги Кабинета Министров, изданные Русским Историческим Обществом, под редакцией А. Н. Филиппова (томы 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130). Для истории Конференции при Высочайшем Дворе первостепенное значение имеет изданный тем же обществом 136 том с документами о ее деятельности. Внешняя история Государственного Совета представлена в указе 30 марта 1801 г. об учреждении Непременного Государственного Совета и в Положении о Государственном Совете от 1 января 1810 г. (А. А. Кизеветтер, Законодательные акты, касающиеся центральных учреждений в XVIII—XIX вв.).

Внешняя история конституционной эпохи представлена в соответствующих законодательных актах 1905—1906 гг.

Наконец, деятельность центральных учреждений, приказов, характеризуется докладами Боярской Думе, указами царя, памятями, которыми сносились приказы между собой, указами и приказами по разным поводам и документами делопроизводства, в значительной части не изданными. Большое значение имеют Указные книги приказов, сборники главных постановлений и распоряжений законодательного характера по ведомству. Организация Коллегий и внутренний в них распорядок представлены указами 1717—1719 годов об открытии Коллегий, а также и Генеральным Регламентом Коллегий от 28 февраля 1720 г. Для исторических судеб Коллегий первостепенное значение имеет законодательство Екатерины II о губерниях (1775). Указы 8 сентября 1802 г. и 1 января 1811 г. выясняют введение министерского начала в центральном управлении (М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, ч. III; М. Грибовский Памятники русского законодательства XVIII столетия, 1907. Законодательные памятники Екатерины II, под ред. Шмелева. 19).

в) Памятники истории местного управления.

Жалованные грамоты. Уставные наместничьи грамоты. Губные и земские грамоты. Челобитные населения. Земские и общинные приговоры. Судные грамоты. Воеводские наказы. Воеводская инструкция при Петре. Регламент Главному Магистрату. Учреждения о губерниях и жалованная грамота городам. Земские положения 1864 и 1890 гг. Городовые положения 1870 и 1892 годов.

В эпоху удельно-феодальную князья выдавали землевладельцам, духовным и светским, жалованные грамоты, предоставлявшие их держателям ряд привилегий судебно-финансового характера. С территориальным объединением северо-восточной Руси во второй половине XVI в. выдачи таких грамот прекратились. Выдаваемые с этого времени грамоты жалованные—только документы, подтверждающие право собственности или право владения на тот или другой земель-

ный участок. В эпоху образования национального государства для управления посылались „на кормление“ наместники. Для предотвращения возможных злоупотреблений московская власть выдавала так называемые наместничьи уставные грамоты. Последние определяют порядок провинциального правительственного управления. Древнейшие грамоты—Двинская (1397) и Белозерская (1488).

Реформа местного управления при Грозном повлекла за собою опубликование ряда грамот, определявших порядок местного управления. Такие грамоты делятся на два разряда: на губные и земские. Первые определяют право местных общин по преследованию, суду и наказанию лиц, виновных в разбоях. Наиболее древней считается Белозерская грамота (1539). Вторые регламентируют самоуправление и суд той местности, которой дана грамота. Древнейшей следует считать грамоту, данную крестьянам Плесской волости (1552), а также посадским людям и крестьянам Важского уезда (1552).

В XVII веке выданные грамоты утверждались правительством по просьбе населения. Памятниками земского самоуправления являются „челобитья“, подаваемые государю с изложением местных нужд и потребностей, а также земские и общинные приговоры, столь важные для изучения практики самоуправления. Сюда же относятся и „поручные“ грамоты лицам, избранным на ту или другую должность по местному самоуправлению.

Иногда правительство посылало местным органам инструкции для отправления суда. Последние назывались „судными грамотами“.

Переход к воеводской власти вызвал появление „воеводских наказов“, в которых весьма детально регламентировалась деятельность воеводы по местному управлению. Указы государя воеводам и отписки последних иллюстрируют отношение как правительства, так и самой администрации к вопросам местного управления. Переход к новому губернскому и провинциальному делению при Петре I повлек за собою опубликование „воеводской инструкции“, определяющей компетенцию воеводы на местах. Учереждение о губерниях

(1775) определяет новую реформу губернского административного деления, а инструкции губернаторам—компетенцию последних. Городское самоуправление в XVIII—XIX в. определяется Регламентом Главному Магистрату (1722), Жалованной грамотой городам (1785) и Городовыми положениями 1870 и 1892 годов. Реформа местного самоуправления представлена в Положениях о земских учреждениях 1864 и 1890 годов, а также в законе об учреждении должности земских начальников (1889). Эти акты сохранили свое значение вплоть до Революции 1917 года. (М. В. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. II; Акты Археограф. Экспедиции; Акты исторические; Полное Собран. Зак.; М. М. Богословский, Законод. Памятники Петра В.; Шмелев, Законодательные памятники Екатерины II; Положение о Земских учреждениях под редакцией А. И. Яковлева; М. 1912).

г) *Памятники законодательные.*

Русская Правда. Псковская и Новгородская Судные грамоты. Судебники Ивана III и Ивана IV. Судебник Федора Иоанновича. Указные книги приказов. Уложение 1649 г. Дополнительные статьи. Регламенты Петра I и законодательные акты Екатерины II. Кодификация права в XIX в.

Наиболее древним памятником русского законодательства является Русская Правда, открытая в 1738 г. В. Н. Татищевым и изданная акад. Шлецером. Издания Русской Правды неоднократно повторялись. (Н. В. Калачевым, В. И. Сергеевичем, А. И. Яковлевым). Сама Русская Правда подвергалась тщательному изучению как со стороны русских, так и иностранных ученых. Исследователи считают Русскую Правду памятником неофициального происхождения, характеризующим правовые воззрения в эпоху XI—XIII в. в. Самый памятник сохранился во многих списках по двум редакциям, краткой и пространной. Первая относится ко времени Ярослава, вторая—ко времени Ярославичей, причем она объединяет несколько законодательных сборников эпохи XI—XIII в. в. В первой редакции допускается кровавая месть, во второй она заменена системой компенсаций. Таким

образом две редакции Русской Правды рисуют два момента в истории древне-славянского правосознания.

Памятниками права вольных городов являются Новгородская и Псковская Судные Грамоты. От первой сохранился только отрывок из 42 статей. Сама она составлена в половине XV в. до подчинения Москве. Сохранившийся отрывок посвящен регулированию процессуальных форм. Псковская грамота была издана в Одессе проф. Мурзакевичем. Время ее составления в точности установить нельзя, но во всяком случае грамота составлена не в одно время. Она состоит из нескольких сборников, из которых первый составлен в 1397 г. (статьи 1—76) второй, заключающий статьи 76—108, составлен до 1467 г., третий (статьи 108—120) составлен после 1467 г. Псковская грамота представляет памятник вечевого законодательства. Содержание грамоты отличается широтой и разнообразием материала (М. Ф. Владимировский-Буданов, Хрестоматия, вып. I).

С образованием московского государства при Иване III был составлен в 1497 г. Судебник. Главным источником его являются Уставные грамоты наместнического управления. Неполнота Судебника вызвала необходимость его дополнения. При Иване IV был составлен новый Судебник (1550), утвержденный на Стоглавом Соборе 1551 года. Судебник 1497 г. является главным источником этого Царского Судебника. Последний был дополнен новыми статьями, однако содержание его сходно с содержанием Судебника Ивана III. При Федоре Иоанновиче был составлен новый Судебник в 1589 году, открытый С. К. Богоявленским, но его надо признать памятником неоффициального происхождения, в котором кодифицировано обычное право Северной России.

Продолжавшаяся правительственная деятельность, выражавшаяся в издании указов, создала путаницу в законодательстве. Необходимо было кодифицировать право для облегчения практического его приложения по отдельным приказам. Вследствие этого возникли сборники указов, известные под именем Указных книг приказов. Из них сохранились: 1) Указная книга ведомства Казначеев; 2) Указная книга Холопьего суда; 3) Указная книга Земского приказа; 4) Указная книга

Поместного приказа и 5) Указная книга Разбойного приказа.

После Смуты необходимость кодификации права и устранения процессуальных злоупотреблений стала очевидна. Служилый класс и посадские люди настойчиво выдвигали эту мысль. Под их давлением была образована в июне 1648 г. комиссия под председательством князя Одоевского для составления проэкта Уложения. Для его утверждения на 1 Сентября 1648 года был созван Земский Собор. Источниками Уложения были: 1) Выписки из правил св. отцов и св. апостолов, а также из памятников византийского законодательства; 2) Царские указы и боярские приговоры. 3) Судебник, 4) Указные книги Приказов; 5) Челобитья участников Собора; 6) Литовский Статут третьей редакции. Уложение было принято в Январе 1649 г. В нем XXV глав и 967 статей. Оно шире по содержанию, чем судебники, и касается не только процессуальных форм, но и явлений и актов публичного и гражданского права. После 1649 года были издаваемы дополнения к Уложению, так называемые Ново-Указные статьи, а также отдельные уставы, напр. Новоторговый устав 1667 г., который является отражением определенных теоретико-экономических взглядов. (М. Ф. Владимирский—Буданов, Хрестоматия, вып. III; Уложение, издание Моск. Универс.; Полн. Собр. Законов т. I.).

При Петре I были составлены Воинский Устав (1716) и Морской Устав (1722). В 1782 г. при Екатерине II был издан Устав благочиния. При Петре I было издано множество законодательных актов—регламентов как то: Коллегий, Главного Магистрата, Генеральный Регламент, Духовный Регламент. При Екатерины II были изданы Учреждения о губерниях (1775) и Жалованные грамоты городам и дворянству (1785). Новую эпоху в жизни крестьянства составляет Положение 19 февраля 1861 г. В XVIII—XIX в. в. правительственная законодательная деятельность отражается в опубликовании манифестов, наказов, уставов, положений, сплошь и рядом вносивших в жизнь новые юридические понятия.

Законодательство в XVIII в. порвало с законодательством XVII в. Необходимость согласования и кондификация законов была очевидна, но соответствующие попытки при

Петре I, Анне Ивановне, Екатерине II (Комиссия для составления нового уложения 1767 года) и Александре I не увенчались успехом. Право было наконец кодифицировано при Николае I М. М. Сперанским. Собранные им законы с 1649 г. до 12 дек. 1825 г. составили в 46 томах Полное Собрание Законов. Следует заметить, что Полное Собрание далеко не отличается полнотою. В нем пропущено не мало важнейших законодательных актов. Сперанский приступил к изданию Второго Полного Собрания с 12 декабря 1825 г., но оно было окончено позже и доведено до 1881 г. в 55 томах. Третье полное собрание законов содержит законы, изданные в царствование Александра III и Николая II, и еще не вполне закончено. Вся внешняя правительственная деятельность нашла в них свое отражение.

д) *Памятники гражданского права и процессуальные.*

По мере усложнения гражданско-правовых отношений частные лица выдавали от себя грамоты, которые по тому или другому поводу регулировали их отношение к третьим лицам. К таким актам относятся духовные грамоты, рядовые грамоты, купчия, заемные кабалы, меновые данные и т. д., имеющие огромное значение для изучения гражданского быта того времени, в частности для истории землевладения. Таких актов сохранилось огромное количество. Рядом с ними сохранилось не мало грамот, характеризующих внутреннюю структуру судебного процесса в допетровское время. К ним относятся: челобития, жалобницы, по которым вчинялись иски, приставные, срочные, заказные грамоты, по которым ответчик и истец вызывались в суд, судные списки, — протоколы суда, сказки (показания свидетелей), обыски, допрос, поручные записки, по которым те или другие лица давались на поруки, правые и бессудные грамоты, в которых излагалось судебное решение. В XVIII в. многие из этих грамот потеряли свое значение вследствие перемен как в характере судебного процесса, так и в самой структуре гражданско-правовых отношений. (Акты юридические; Акты, относящиеся до юридического быта древней России).

е) *Памятники церковною права.*

Церковные уставы. Кормчая книга. Памятники византийского законодательства. Ханские ярлыки. Стоглав. Духовный регламент.

К памятникам церковного права относятся церковные уставы времени Владимира Великого и Ярослава Мудрого, определяющие юридическое положение церкви в Киевском государстве. Такое же значение имеют уставные грамоты Новгородского князя Всеволода Мстиславовича (1125—1137), Новгородского Князя Святослава (1137) и уставные грамоты Смоленского Князя Ростислава (1158).

С христианством стало проникать и византийское церковное право, известное под именем Номоконона. Наиболее ранняя кодификация церковного права относится к VI в. и составлена Константинопольским патриархом Иоанном Схоластиком. Вторая кодификация была начата вначале VIII в. и окончена при Фотии патриархе (IX в.). Первый Номоканон стал известен в болгарской редакции. Второй был занесен непосредственно из Греции и переведен на Славянский язык. Номокононы стали называться Кормчими. В Номокононы вошли: памятники византийского законодательства, Эклога, изданная в 741 г. Львом Исаврянином и его сыном Константином V Копронимом, Прохирон, составленный при Василии Македонском, и оффициальная переработка византийского права под названием Судебник Царя Константина.

В эпоху татарского ига юридическое положение церкви определяли ханские ярлыки. Первый ярлык был дан Михаилу, Киевскому митрополиту. Повторные ярлыки давались митр. Ионе, Петру, Феогносту, Алексею. Внутренний распорядок церкви устанавливался актами поместного церковного собора. Из сохранившихся соборных актов древнейшими являются постановления Владимирского Собора 1274 г. Большое значение имеют постановления Церковного Собора 1550 г., на котором был составлен юридический сборник, известный под именем Стоглава. Для знакомства с правовым и быто-

вым укладом церкви Стоглав—документ первостепенной важности. Из других актов соборов имеют особенное значение постановления собора 1667 года, приведшего к разделению единой церкви на две, старообрядческую и Никоновскую. Отмена патриаршества и реформа управления церковью, проведенная при Петре I, нашла отражение и оправдание в Духовном Регламенте и ряде указов, тесно связанных с последним (1721). Для XVIII и XIX в.в. юридическое положение остается формально неизменяющимся.

Указы и распоряжения Святейшего Синода регулируют внутреннюю жизнь церкви. (В. Бенешевич, Памятники Церковного Права, в. I, Птр. 1915 г.).

ж) Финансово-экономические памятники.

Писцовые книги. Акты писцового дела. Переписные книги. Ревизские сказки. Хозяйственные документы. Документы крепостного хозяйства. Таможенные тарифы. Документы финансовые.

Для ранней финансово-экономической истории первостепенное значение имеют жалованные грамоты иммунитетного характера. В них обыкновенно точно указывается, от каких доходных статей княжеская власть отказывалась в пользу иммуниста. С другой стороны, в тех же грамотах вскрывается и экономическая природа хозяйства того или другого иммуниста. С образованием Московского Государства появляются так называемые Писцовые книги. Раньше всего они появились по Новгороду, а затем стали охватывать все области государства. Небольшая часть писцовых книг была издана еще Н. В. Калачевым. Огромное количество их находится в Архиве Мин. Юстиции. Писцовые книги дают подробное представление о состоянии той или другой части территории, уезда, города, волости, деревни, в хозяйственном и финансовом отношениях. Составители последних описывали земельные владения, всякого рода угодья, дворы и лавки, а также и повинности, приходившиеся на долю их держателей. Переписи производились время от времени в зависимости от разных государственных соображений. Особенно этим занималось правительство царя Михаила.

Переписи были общие и частные. Последние назывались дозорами и предпринимались часто по просьбе заинтересованных сторон, когда финансовое обложение не соответствовало хозяйственным статьям описываемого города, уезда, волости, села или деревни. Из таких частных описаний составлялись Дозорные книги. Писцы получали наказы для руководства при производстве переписи, в которых была регламентирована вся предстоящая им деятельность. Такие наказы собраны в большом количестве С.Б. Веселовским в его Актах Писцового Дела, части I и II, М. 1914—1916.

Наказ для валового письма издан Седащевым в труде Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке, М. 1913 г.

Во второй половине XVII в. с переходом к новой системе обложения появились переписные книги. Последние заняты регистрацией дворов и составом их населения, и только на последнем месте отмечаются хозяйственные статьи.

При производстве переписи писец получал выписку из писцовых или переписных книг для руководства при описании наличных хозяйственных угодий или дворов. Такие выписки назывались приправочными книгами.

С переходом к подушной подати получают значение ревизские сказки, дающие подробное представление о составе податного населения вообще и о каждой деревне в отдельности. На протяжении XVIII и XIX в.в. было десять ревизий. Последняя была почти в конце крестьянской реформы (1858) Ревизские сказки не изданы и в большей своей части сохранились в архивах Казенных палат, ожидая своего исследователя.

Для истории народного хозяйства имеют большое значение документы по истории частновладельческого хозяйства. Сюда относятся всякого рода хозяйственная переписка, помещичьи наказы управляющим, вотчинные приходо-расходные книги, донесения управляющих и т. д. Для XVII в. имеется вотчинная переписка кн. Одоевского, изд. Ю. Арсеньевым (1902). Не мало документов по истории вотчинного хозяйства напечатано в Трудах Вольного Экономического Общества. Массой материалов

воспользовался В. И. Семевский для своей работы Крестьяне в царствование Екатерины II, том I. В Трудах Владимирской, Костромской, Рязанской, Нижегородской, Саратовской и др. Археографических Комиссий собрано много ценнейшего материала по истории крепостного хозяйства. Масса документов сохранялась при усадьбах, но теперь многое погибло навсегда. В губернских Архивах собраны документы частновладельческих архивов. Не мало хозяйственных архивов содержится в Хранилище Частных Архивных документов, находящемся в Архиве Мин. Юстиции. Помещичье хозяйство первой половины XIX в. еще ждет своего исследователя. Тоже следует сказать и о помещичьем хозяйстве второй половины XIX в. Для изучения народного хозяйства, и в частности сельского хозяйства, огромное значение имеют статистические описания, предпринимавшиеся Земскими и Губернскими статистическими Комитетами. Для истории русской промышленности имеют большую ценность документы, хранящиеся в центральных учреждениях (Архив мануфактур и берг коллегий), министерстве внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, а также и в архивах, находящихся при отдельных фабриках, разработка которых едва начата исследователями. Для финансового хозяйства и финансового управления имеют первостепенное значение таможенные книги, таможенные грамоты, таможенные тарифы с 1724 по 1914 гг., смета расходов и приходов на каждый год, разного рода финансовые документы. Они хранятся в архивах центральных учреждений. Незначительная часть материалов издана П. Н. Милюковым в работе Государственное хозяйство при Петре Великом, А. Н. Филипповым в Бумагах Кабинета Министров, Н. Ф. Дубровиным в протоколах, журналах и указах Верховного Тайного Совета и А. Н. Куломзиным для эпохи Екатерины II и отчасти Павла и Александра I (Сборник Русской Ист. Общ., томы 28 и 45). Для истории финансового хозяйства городов и земств источником являются городские и земские сметы, с пояснительными записками, отчеты по ведению финансового хозяйства, большею частью находящиеся при архиве б. городских и земских учреждений.

з) *Документы военного характера.*

Десятни. Разрядные книги. Строильные книги. Книги Засечные. Книги сеунчей. Послужные списки офицерских чинов. Рекрутские наборы. Документы по истории войны.

С образованием военно-служилой армии велась регистрация ее состава по городам. Списки служилых людей по отдельным городам и составляли так называемые десятни, в которые записывали не только имя и фамилию служилого человека, но и размер того земельного участка, с которого последний отправлял свою службу. Списки служилых людей с обозначением их служб велись в центре и составляли так называемые Разрядные книги.

При постройке города и городских учреждений составлялись Строильные книги. В Книгах Засечных описывались засеки, оборонительные сооружения по линии лесов на границе южной Украины. В них содержится не мало всякого рода хозяйственного, технического, бытового материала. Для истории войн до XVIII века имеют большое значение книги сеунчей, в которые записывались донесения гонцов, присылавшихся с театра военных действий. Со времени Табели о рангах велись для офицерских чинов послужные списки, хранившиеся в Лефортовском Архиве. Они имеют значение не только для характеристики того или другого офицерского чина. В них много разнообразного материала, важного для истории быта, войны, геральдики, дворянства и т. п. Данные о рекрутских наборах—первостепенные источники для изучения вопроса о грамотности населения и его физического состояния. Они хранятся в Лефортовском Архиве. Наконец, для военной истории важны документы, имеющие то или другое отношение к войнам, которые велись Россией в период XVIII—XIX веков. Все эти документы хранятся в Лефортовском Архиве.

8. Мемуары современников.

Мемуары XVI—XVII вв. Мемуары XVIII в. Мемуары XIX в.

Мемуары современников — весьма важный исторический источник, хотя несколько односторонний. Рассказы современников о виденном и слышанном нуждаются в критическом отношении, так как всякое описываемое событие, всякий рассказ о том или другом факте преломляется сквозь призму его миропонимания. Социальное положение, степень образования, умственный кругозор — все это надо принимать во внимание при оценке мемуара, как исторического источника. Как бы ни были односторонни мемуары, сколько бы субъективного элемента в них ни было, — все же как исторический источник, они имеют огромную ценность. Они дают массу бытового материала, сообщают множество сведений о тех или других современниках. Мемуары вносят жизнь в сухие факты, вырисовывают во весь рост то или другое лицо. В мемуарах много партийности, много односторонности, в особенности в выборе материала, однако это нисколько не мешает признать их ценными историческими документами. Самая субъективность в выборе и изложении разного рода материала является очень ценной, так как позволяет составить определенное представление о психологии, чувствах и настроении самого автора, что дает возможность подойти к самому мемуару и выяснить его значение, как исторического источника. Мемуары появляются в начале XVI века, когда политическая и общественная жизнь стала довольно обостренной; современнику приходилось высказать к ней свое отношение, между тем как политические условия не позволяли ему вмешаться в самую политическую борьбу.

Мемуары XVI—XVII вв. не могли быть значительными количественно. Умственный уровень верхов был довольно низок. Индивидуальность в среде общественных классов выявлялась очень медленно, а потому писание мемуаров для XVI—XVII вв. представляет не правило, а исключение. Зато в XVIII—XIX вв. появляется множество мемуаров, написанных глав-

ным образом представителями дворянского общества и сообщающих очень интересные и важные исторические данные, без которых история русской общественности и русской дворянской культуры обойтись не в состоянии. Оживленная внешняя политика также заставляла участника писать свои мемуары, и, конечно, в бытовом отношении это представляет большую ценность. Большое значение имеют мемуары, вышедшие из духовной среды и дающие много разнообразного материала для знакомства с бытом духовенства. Во второй половине XIX века мемуаров появляется множество. Последние пишут и государственные деятели, и представители господствующего класса, духовенства, чиновничества, разных профессий. Появляется множество мемуаров, вышедших из революционной среды и крайне важных для изучения революционного движения во второй половине XIX века. Мемуары могут иметь значение общее и частное. Они могут освещать явления и факты во всероссийском масштабе или касаться условий чисто местного характера, что нисколько не умаляет их ценности и значения, а скорее увеличивает их, позволяя проникнуть в жизнь и обстановку, скрытые от исследователя, и только приоткрытые мемуарами. Перечисление всех мемуаров и их критическая оценка потребовали бы много места, которым в настоящей работе мы не располагаем. Полный обзор всей вышедшей на русском языке мемуарной литературы дает труд Минцлова, Обзор записок, дневников, воспоминаний и путешествий, относящихся к русской истории и напечатанных на русском языке, вып. I—V.

Первым мемуаром в собственном смысле этого слова являются Рукописи старицы Игумении Марии, в мире княжны Серафимы Одоевской, принявшей монашество в 1515 году. Мемуар посвящен трагическим Новгородским событиям. В нем находится немного и семейного элемента. Записки не велики по объему. Самый кругозор автора довольно узок, но для своего времени записки представляют любопытное явление (Новгород. Губ. Ведом. 1849 г., №№ 41—42). Мемуарная литература появилась в Москве в эпоху Грозного, в разгар резкой политической и социальной борьбы. Автором первых мемуаров явился князь А. М. Курбский, написавший сочи-

нение История князя великого Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашима., Произведение князя Курбского дает биографию и историю царствования Грозного до 1578 г. Оно очень интересно, так как все события рассматриваются сквозь призму определенного политического миропонимания. (Сочинения кн. Курбского, изд. Арх. Ком., 1913 г. в Русск. Ист. Библ., том 31).

Великая московская революция начала XVII в. должна была способствовать появлению мемуаров. Слишком сильно задевала общественные классы происходившая в Московском государстве политическая и социальная борьба. Все известные Повести и Сказания о Смутном времени изданы Археографич. Комиссией в Русской Ист. Библ., том 13. Из этих повестей и сказаний отметим Иное сказание, рассматривающее все события до Василия Шуйского включительно с резко выраженной аристократической точкой зрения, что и вызвало слишком пристрастную и фактически неверную оценку Бориса Годунова и Василия Шуйского. Заслуживает внимания Повесть о Смуте князя Котырева-Ростовского, пытавшегося отнестись более спокойно и объективно и к лицам и к событиям, давшего интересные характеристики-портреты главных действующих лиц в эпоху Смуты. Большую ценность представляет Временник Дьяка Ивана Тимофеева, написанный уже после Смуты, в котором автор попытался рассмотреть причины смуты и обстоятельства, содействовавшие ее усилению. Временник написан тяжелым, не вполне удобопонятным языком, сильно затрудняющим его чтение, но зато во всем сочинении дьяка чувствуется сильная работа мысли, стремившейся к объективному познанию и оценке события. Очень тенденциозным является Сказание об осаде Троицкого-Сергиева Монастыря, составленное келарем монастыря, ловким политическим оппортюнистом Авраамием Палицыным. В начале второй половины XVII в. было составлено подъячим Посольского Приказа Котошихиным, эмигрировавшим в 1663 году в Швецию, чрезвычайной важности сочинение о России в царствование Алексея Михай-

ловича (изд. Арх. Ком.), дающее разностороннее и полное описание последней.

В царствование Алексея Михайловича была составлена хорватом Юрием Крижаничем рукопись под заглавием Политичные думы, изданная Бессоновым в 1860 году под заглавием Русское Государство в половине XVII века, сочинение очень ценное и во многих отношениях необходимое для изучения Московии во второй половине XVII века. Эпоха Петра I дала сильный толчек к писанию мемуаров. К ней относятся Записки А. А. Матвеева, сторонника Петра, и Созерцание кратких лет, написанное Сильвестром Медведевым, сторонником царевны Софии, казненным в 1689 г. Записки напечатаны И. Сахаровым в Сказаниях русских людей (1841). Эти записки дают представление о начале царствования Петра I. В это же время появились: записки Желябужского, относящиеся ко времени 1682—1709 (Изд. Сахарова), Поход боярина и большого полку воеводы А. С. Шеина к Азову (1773). Журнал Петра Великого о Шведской войне, написанный Макаровым и исправленный Петром, был издан в 1770—1772 г. Не мало записок, вскрывающих сложную картину социально-политических и бытовых отношений указанного периода появляется в первую половину XVIII в. Отметим сочинение Ф. Прокоповича под названием: История об избрании и восшествия на престол Императрицы Анны Ивановны (Москва, 1830). Автор-враг верховников и сторонник самодержавия, „птенец гнезда Петрова". И. И. Неплюев, колонизатор Оренбургского Края, дает описание своего времени с 1693—1773; оно издано Сувориным в 1893 г. К тому же времени относятся и Записки В. А. Нащекина (Русск. Архив, 1883). Ценные Записки фельдмаршала Миниха, изданные в 1871 г., и Записки кн. Нат. Борисовны Долгорукой касаются этой же эпохи. (Русский Архив, 1867 и Всеобщая Библиотека, 1910). Интересны, но очень тенденциозны записки Эр. Бирона (Арх. кн. Воронцова, том 24).

Ко второй половине века относятся записки Н. В. Данилова (1842 г. и Русский Архив, 1883) и Жизнь и приключения Ан. Болотова (1738—1798), источники крайне важные для изучения быта дворянства средней руки. Болотов очень

тонкий, умный наблюдатель жизни, превосходный сельский хозяин-практик. Записки изданы в 1871—1873 г.г. в 4 томах. Для Екатерининского царствования важны Записки самой Екатерины (изд. Акад. Наук в 1908 г.) и Записки Е. Р. Дашковой (изд. 1906), но автор последних слишком выдвигает самого себя, и потому этот источник требует очень критического отношения. Важны также Записки П. А. Порошина (1881), воспитателя Павла I, необходимые для понимания Павла I и для характеристики отношений между Екатериной II и ее сыном. К той же эпохе относятся Записки об императрице Екатерине Великой А. М. Грибовского (1864), Дневник Храповицкого (1862), Чистосердечное признание в делех моих и помышлениях Фон-Визина. Записки не раз переиздавались. Для истории Пугачевского бунта важны Летопись П. И. Рычкова (1868), Записки А. А. Бибикова (1865) и поэта Г. Р. Державина (Собр. сочинений, изд. Акад. Наук), а также Записки Сенатора Рунича о Пугачевском Бунте (Русская Старина, 1870). Для истории массонства интересны Записки Лопухина (Рус. Ар. 1884).

Очень любопытно, хотя и весьма односторонне и тенденциозно сочинение кн. М. М. Щербатова О повреждении нравов России (М. 1910 г.). Отметим еще мемуары В. Н. Головиной, интересные для изучения придворного быта Екатерининской эпохи (Спб., 1911). Для эпохи Павла I имеют значение Записки Н. А. Саблукова (Сборн. „Цареубийство“, 1906), Записки Н. О. Кутлубицкого, бывшего Коменданта Двора (Русск. Арх., 1886), а также мемуары кн. А. Чарторыйского (М. 1910). Для эпохи Александра I, в особенности начала его царствования, кроме записок А. Чарторыйского важны Мемуары Де-Ремюза (1802—1808, М. изд. 1912) и графа Шуазель Гуфье—Исторические мемуары об кн. Александре и его дворе (М. 1912). Оба издания хотя и писаны иностранцами, имеют большое значение. Для оценки царствования Александра I с консервативной точки зрения важны записки Адмирала А. С. Шишкова (1812), Ф. Ф. Вигеля (Пт. 1892), С. Н. Глинки (Рус. Стар. 1895). Обильно представлена мемуарная литература декабристов, начавшая издаваться после революции 1905—1906 г. Из мемуаров из-

вестны: И. Д. Якушкина, (М. 1906), Кн. С. П. Трубецкого (Пт. 1907), Д. И. Завалишина, (Пт. 1906), чрезмерно суб'ективные, А. Розина (Пт. 1907), С. Г. Волконского (Пт. 1902), кн. М. Н. Волконской (Пт. 1914), П. В. Бассаргина (Пт. 1917) Бестужева (М. 1917). В издании В. И. Семевского и П. Е. Щеголева, Общественное движение в России в начале XIX в. (1907), помещены записки Фон-Визина, Б. Штейгеля и др.

К движению декабристов относятся записки жены декабриста П. Е. Анненковой (1907). Из следственного дела о декабристах проф. М. В. Довнар-Запольским сделаны существенные извлечения и изданы под заглавием Мемуары Декабристов (М. 1906). Такого же рода издание представляет и книга А. К. Бороздина: Из писем и показаний декабристов (Пт. 1906). Интересны письма декабриста Каховского (Былое, 1906). Как важные для характеристики эпохи Александра I отметим еще записки Д. П. Свербеева, 1799—1826, томы 1 и 2-ой (1899).

Время Николая I чрезвычайно обильно представлено в мемуарах, написанных выразителями различных общественных течений; вся эпоха ярко и образно обрисована А. И. Герценом в Былом и Думах (томы 2 и 3 издания Павленкова и XIII—XIV Госуд. Изд.). Очень важны Воспоминания Н. А. Огаревой-Тучковой (М. 1903), Дневник Н. А. Огаревой (Русск. Пропилеи, том 2), Дневник В. С. Аксаковой (Пт. 1910); Из дальних лет Т. П. Пассек (М. 1909), Семейная хроника и воспоминания С. Т. Аксакова, Записки С. Н. Соловьева (1909), Д. Ахшарумова Из моих воспоминаний 1849—1857 (Пт. 1905), П. В. Анненкова Воспоминания (1906), и Докт. Белоголового Воспоминания (Пт. 1906). Огромное количество разного рода мемуаров, впрочем не одинаковой ценности, печатается в журнале Русский Архив, где они изданы без соблюдения элементарных научных требований, а также в Историческом Вестнике, Русской Старине, Старине и Новизне, Чтениях Моск. Общ. Истории и Древностей. Вторая половина XIX в. представлена в мемуарах, посвященных освободительному движению в России и помещавшихся в журналах Былое (1906—1907. 1917—1922 г.). Минувшие годы (1908), Голос Минувшего

(1912—1922). Красная Летопись (1922 г.) Пролетарская революция (1922). Из отдельных изданий заслуживают внимания особенно ценные Записки революционера Крапоткина, (1918), князя С. Д. Урусова Записки Губернатора (Пт. 1907), Н. У. Бунакова Моя жизнь 1837—1905 (Пт. 1909), Воспоминания Земского деятеля В. М. Хижнякова (Пт. 1916), Н. В. Давыдова Из прошлого, части первая и вторая (М. 1914—1917), Георгия Гапона (Пт. 1918 г.), Илиодора Святой чорт (М. 1917), Гершуни Из недавнего прошлого (1917 г.), Н. Морозова Тени прошлого. Последними по времени являются Воспоминания о пережитом Д. П. Шипова (М. 1918 г.), К. В. Левина Вооруженное восстание, изд. в сбор. Декабрьское восстание в Москве 1905 г. (1920), Н. С. Таганцева Пережитое и Учреждение государственной Думы 1905—1906 (Пт. 1919). Воспоминания отличаются документальностью. Большую историческую ценность имеют Воспоминания гр. Витте, изданные за границей, а также дневники Николая II, Александра II, В. К. Константина Николаевича и др., хранящиеся в Архиве Мин. Иностр. Дел в Москве.

9. Письма современников.

Письма XVI — XVII вв. Письма Петра I и Екатерины II. Письма Елизаветы Алексеевны и Николая I. Частная переписка.

Письма современников — источник первостепенной важности. Интимная беседа позволяла о многом говорить открыто, поднимать вопросы, которые публично поставить было нельзя, В письмах ярче, отчетливее выступает личность корреспондентов, глубже и яснее выявляются их индивидуальные интересы, умственные запросы, нравственное развитие, политические и социальные взгляды. Характер русской общественности резче всего очерчивается данными этого рода источников. Отсутствие элементарных условий для развития печатного слова заставляло отдельных лиц прибегать к помощи листа почтовой бумаги, писать целые диссертации, высказываясь в них по самым разнообразным политическим, литературным, философским и историческим вопросам. Переписка вскрывает борьбу мнений

взглядов, чувств и настроений. Она позволяет подойти к эпохе интимнее и ближе. Авторы писем не стоят на ходулях, как в мемуарах, они держат себя просто, непосредственно. Они не любуются собой, а показывают себя такими, какими они были на самом деле. Все это заставляет отнести письма современников к числу важнейших первоисточников. К счастью, многие из них писали многим и помногу, раскрывая как самих себя, так и потребности и настроения своего времени. До половины XVI в. частной переписки не существует. Она появляется впервые в эпоху Грозного, и образцом ее является переписка кн. Курбского с Грозным (Русск. Ист. В том 31), незаменимый во многих отношениях источник, отчетливо вырисовывающий политическую позицию обоих корреспондентов, видных людей своей эпохи, но стоявших на разных политических платформах. Для эпохи Смутного времени заслуживает внимания переписка Дмитрия Самозванца с Юрием Мнишек, а также переписка Марины со своим отцом, и письма бояр, принимавших активное политическое участие в событиях (Сборн. Госуд. Грам. и Догов., том II-ой, Акты Ист., том II).

Для XVII в. интересна переписка Михаила Федоровича с патриархом Филаретом (Письма русских государей, М. 1848), а также разнообразные и многочисленные письма Алексея Михайловича (Собр. писем Ал. Михайл. М. 1856). Очень много и своеобразно писал Петр I. Его письма изданы Берхом: Собрание писем имп. Петра I, 4 тома, 1829—1830 и Письма Петра Великого к брату Иоанну и патриарху Адриану, — 1788 г. Переписка Петра с Екатериной I, переписка царицы Прасковьи Федоровны и ее дочерей, переписка Алексея Петровича и Курляндской герцогини Анны Иоанновны собраны в издании Письма русских государей и других особ царского семейства, 4 выпуска, М. 1861—1862.

Особенно много писала Екатерина II. Она переписывалась как с русскими, так и с иностранцами. Переписка с Вольтером и Гриммом напечатана в изд. Русск. Ист. Общ. том. 22. В собрании сочинений Екатерины II напечатана переписка с Румянцевым, князем Волконским и другими. Для эпохи Александра I имеет значение переписка Елизаветы Алексе-

евны с ее матерью (Изд. вел. кн. Николая Михайловича, Пт. 1909), переписка очень интимная и ценная и для быта эпохи и для характеристики ее главных персонажей. Интересна переписка Александра I с Чарторыйским (М. 1910). Для характеристики политических взглядов Николая I и его отношения к польскому вопросу имеет первостепенное значение переписка последнего с братом Константином Павловичем (Сборн. Русск. Ист. Общ. т.т. 131—132).

Чрезвычайно обильно представлена частная переписка. Она частью издавалась в архиве кн. Воронцова, в архиве кн. Куракиных, в архиве гр. Мордвинова (I—IX), в Остафьевском архиве, в архиве гр. Шереметьевых, в архиве Раевских (I—V), в архиве декабриста С. Г. Волконского, т. I, (Пт. 1918). Масса писем помещена в текущих исторических и историко-литературных журналах, в издании „Старина и Новизна“. Для эпохи Александра I имеют большое значение Дневники и письма Н. И. Тургенева, томы I—III, под ред. Е. И. Тарасова, изд. Акад. Наук, 1909—1914 гг. Сороковые годы представлены чрезвычайно богато в письмах. В это время писали много и тонко. Все выдающиеся люди любили писать, так как переписка для них служила публицистикой, кафедрой, с которой они сообщали свои взгляды, свои радости и страдания. Без писем В. Г. Белинского, А. И. Герцена. П. Я. Чаадаева, И. В. Киреевского, И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, П. Станкевича, М. А. Бакунина, И. С. Тургенева, С. И. Самарина, А. С. Хомякова и других обойтись не может ни один исследователь. Переписка всех вышеназванных лиц, за исключением М. А. Бакунина, собрана в полных собраниях сочинений, в „Русских Пропилеях“, под ред. М. О. Гершензона, в издании Драгоманова, Письма И. С. Тургенева к А. И. Герцену, и в больших журналах. Переписка выдающихся лиц второй половины XIX и началла XX вв., писателей, государственных и общественных деятелей, большей частью не издана. Так, в Румянцевском Музее в Москве хранится переписка К. П. Победоносцева, в архиве Мин. Ин. Дел—письма его же к Александру III, бумаги Витте. Все это открывает перед исследователем широкие исторические перспективы и горизонты.

10. Записки иностранцев.

Византийские писатели. Арабские путешественники и географы. Европейские хроники и писатели до XVI века. Иностранцы о России в XVI веке. Записки иностранцев о Смутном времени. Иностранцы о России в XVII в. Иностранцы об эпохе Петра I. Записки и свидетельства иностранцев о России XVIII—XIX вв.

Записки иностранцев о славянах вообще и о русских в частности являются источником первостепенной важности. Конечно, наблюдения иностранцев очень субъективны и требуют от историка очень детальной и изощренной критики, но все же они касаются очень важных сторон русской жизни, которые в письменных памятниках отечественного происхождения представлены не совсем отчетливо. Иностранцы подходили к России с известной предвзятостью мысли и смотрели на нее сверху вниз, как культурные люди на дикарей, и благодаря этому во многом оказались неспособными разобраться, многое поняли ошибочно, так что часть русской жизни рисуется ими в самом неправильном освещении; тем не менее записки иностранцев остаются ценнейшим источником для изучения внутреннего состояния страны в тот или другой исторический момент жизни народа.

Соседями славян были византийцы. Им приходилось выдерживать натиск славян на Балканский полуостров в период VI—VIII вв.; им не приходилось сталкиваться с русскими славянами на почве торговых и культурных связей и интересов. Историк Прокопий (VI в.) в своей работе о Готской войне сообщает значительные сведения о быте славян. Его дополняет историк Маврикий, воевавший с славянами и лично наблюдавший их быт и характер поселений. Свои наблюдения он записал в сочинении Стратегика. Большое значение имеет Тактика имп. Льва Философа (IX в.) и сочинения Константина Багрянородного Об управлении империей и О церемониях Византийского Двора. Для истории христианства имеют большое значение послания и беседы патриарха Фотия (X в.) (Христ. Чтен. 1882 г., IX—X). Для

более позднего времени отрывочные известия находятся в сказаниях Льва Грамматика и Льва Диакона (X в.), Георгия Кедрина (XI в.), Иоанна Зонары (XII в.).

Византийские писатели собраны в „Corpus scriptorum hystoriae Byzantinae“ (1845 г., 3-е изд.). Еще в XVIII веке Стриттер сделал из хроник извлечения известий для русской истории и издал под заглавием „Memorial populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum.. 4 т., (Пт. 1771—1179). Мусульманские путешественники и географы, имевшие возможность бывать в Южной и Восточной Руси и поддерживать со славянами торговые связи, сообщали очень много ценных бытовых наблюдений над жизнью славян в период VIII—XI вв. С половины XI в. восточные известия отличаются краткостью. Из арабских писателей наиболее важны: Ибн-Хордадбе (IX в.), автор Книги путей и государств, Ибн-Фадлан (X в.), ездивший в столицу волжских болгар, Аль-Масуди (XI в.), написавший книгу Золотые луга и дающий много сведений о торговле, земледелии и погребальных обр я дах славян. Для более позднего времени интересны известия Эдрисси (испанского араба, жившего в XIII в.), Якута, Ибн-Аль-Атира, Эль-Махина (XIII в.). Для XIV века ценны показания Абульфеда. (А. Гаркави сделал извлечения из сочинений мусульманских писателей, в издании Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб. 1870 г. Д. А. Хвольсон, Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Ибн.-Даста. Спб. 1819 г. А. Гаркави Сказания еврейских писателей о хозарском царстве. Спб. 1874). Рядом с арабскими путешественниками для XII—XIII вв. дают важные сведения о юге России еврейские писатели Вениамин Тудельский (1160—1173), Рабби Петальх (XII в.), Византийские и арабско-еврейские писатели касались собственно Южной России. Последней также касаются описания путешествий лиц, ездивших к татарам в Орду. Среди них заслуживают особенного внимания Записка Марка Поло (7 т. Чт. Об. Ист. и Др. 1861—1862 гг.), Плано-Карпини (Спб. 1911). Среди мемуаров, касающихся Московии, видное место занимают Записки о Московских Делах барона Сигизмунда Герберштейна (Спб. 1908 г.), посла австрийского императора,

бывшего в России два раза в 1517 и 1525 гг. Его записки полны ценнейших сведений историко-географического, юридического, бытового и экономического характера, основанных на личных наблюдениях и сообщениях, полученных от тех или других лиц, с которыми послу приходилось сталкиваться. Для эпохи Грозного имеют громадное значение Записки о Московии, составленные англичанами. Они охватывают период от 1553—1591 гг. Английские сведения весьма разнообразны и касаются самых различных сторон жизни московского государства. Из записок англичан отметим Ричарда Ченслора, Джона Гарса, Антония Дженкинсона и Горсея, жившего в Москве с 1572—1590 г. (М. 1900). Сведения, сообщенные им о России после 1590 г., не заслуживают внимания. Вообще Горсей—автор, к которому надо относиться с большой осторожностью. Наибольшее значение имеет трактат Джильса Флетчера „О государстве русском", бывшего в Москве при Федоре в качестве посла Елизаветы Тюдор. Сочинение это—ценнейший исторический источник и состоит из 28 глав (Спб. 1906). Смутное время отразилось в сочинениях Жака Маржерета (1601—1606) Состояние Российской державы и великого княжества Московского, Исаака Массы (1874) и Конрада Буссова, записки неизвестного англичанина о кровавой Московской трагедии. Большую ценность представляют из себя записки Ст. Жолкевского, литовского канцлера Льва Сапеги, Петра Петрея „История о великом князе Московском" (Устрялов. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, 1859 г., 2 тома; Русск. Истор. Библиотека, т. I. Пт. 1874 г.; Муханов, Рукопись Жолкевского, 1835 г.; М. Любавский, Литовский канцлев Лев Сапега о событиях Смутного времени, М. 1901.; Д. Языков. Сборник путешествий к татарам, Спб. 1852, 2-е изд. Суворина, 1911 г.; Аделунг, Обозрение иностранных путешественников по России (Чт. Об. Ист. и Древн., 1847 и 1848 гг.); Библиотека сказаний иностранных писателей о России, Спб. 1852 г., т. I).

Эпоха Михаила Федоровича представлена в труде Адама Олеария: Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633—1636 и 1639 гг. (Спб. 1906). Это удивительно разнообразный и в то же время

совершенный источник для внутренней истории России. Время Алексея Михайловича представлено А. Мейербергом в его Путешествии по Московии в качестве посла австрийского императора в 1661—1663 гг., снабженном очень любопытными рисунками. Он так же ценен, как и Олеарий (Спб. 1906). Большую ценность имеет Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., написаное спутником патриарха архидиаконом Павлом Алеппским (М. 1897—1898 гг.). Заслуживают внимание сочинение С. Коллинса, врача Алексея Михайловича (1659—1667), под заглавием Нынешнее состояние России, изложенное к другу (13), а также сочинение Рейтенфельса, Сказания светлейшему Герцогу Тосканскому Козьме III о Москве (Чт. Об. Ист. и Др. 1905, III, 1906, III).

Для истории русской торговли имеют большое значение записки шведа Кильбургера (К. 1914 г.) и донесения де-Рудеса шведской королеве (Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1908). Необходимо отметить ценность и богатство содержания Политичных Дум хорвата Юрия Крижанича, изд. Безсоновым под заглавием Русское государство во второй половине XVII в. М. 1859 г. 2 тома. Для эпохи Петра имеет ценность: Дневник Корба, секретаря австрийского посольства 1698—1699 г., давшего описание стрелецких бунтов в России, сообщившего ряд сведений о московском государстве и снабдившего свой дневник планами и рисунками. (Спб. 1890). Необходимым источником для изучения Петровской эпохи являются дневники Патрика Гордона, который он вел с 1655—1698 г. К сожалению, до сих пор полностью они не изданы. (Изд. Суворина 1909 г.). Отрывки из описаний иностранцев, подобранные систематически, дает прекрасное издание В. Бочкарева, снабженное вводной статьей „Записки иностранцев о Россия“ Спб. 1913 г. (В. И. Пичета. Экономические и политические взгляды Юрия Крижанича Спб., 1913 г.).

Большую ценность представляют из себя записки датского посла Юста Юля за период 1709—1711 г. (М. 1900), капитана Пери, бывшего в России в 1697—1715 г. и написавшего Состояние России при нынешнем царе (Чт. Общ. Ист. и Древн., 1871) Обстоятельны и безпристрастны Записки бра-

уншвейгского резидента Вебера 1714—1720 (Руск. Архив, 1865). Имеют огромную ценность записки Голштинского министра Басевича с 1713 г. (Рус. Арх., 1865). Наконец, важен в бытовом отношении дневник камергера Беркгольца 1721—1725 Чт. Об. Ист. и Др. Росс., 1859—1860). Для эпохи XVIII в. иностранцы дают весьма богатый материал. Помимо записок, большую ценность представляют донесения иностранных представителей при русском дворе, опубликованные Рус. Ист. Обществом. Донесения английских представителей помещены в томах 12, 19, 39, 50, 61, 66, 76, 80, 85, 91, 99, 102, 103, 110, французских в томах 34, 40, 49, 52, 58, 64, 75, 81, 86, 92, 96, 100, 105, 112, 119, 127, 140, 141. Там же помещены донесения и других послов.

Правда, донесения являются источникам очень субъективным, но очень важным для внутренней и внешней истории, в особенности для придворной хроники XVIII в. Из записок заслуживают внимания для времени Петра II Записки испанского посла де Лирии, опубликованные в Русском Архиве. Отдельно изданы депеши его в издании Бартенева XVIII в., депеши английского посла Рондо, с характеристикой русской знати (Спб., Изд. Ист. Общества, том 66) и письма его жены леди Рондо, ценные для характеристики петербургского высшего общества. (Чт. М. О. Ист. и Др., 1861). Посол Рондо был аккредитован при Анне Иоанновне. Его депеши изданы в Сборн. Рус. Ист. Общест. томы 66, 76 и 80. Для эпохи Анны ценны записки Манштейна, изданные в 1879 г. (Отечественные записки), далее донесения французского посла Маньяна (Сбор. Русск. Ист. Общ., том 81), голштинского камергера Берхгольца (Сб. Рус. Ист. Об., том 71). Эпоха Елизаветы представлена в донесениях маркиза Шетарди, (Изд. Н. П. Пекарского под названием Маркиз де ля Шетарди в России, Спб., 1862 г. и Сборн. Русск. Ист. Общ. том 86), в донесениях датского посла Линара (Спб. Русск. Ист. Об. том 20), в донесениях Даллиона (Сб. Рус. Ист. Об. том 100) и в его же записках (Сборн. Руск. Ист. Об. том 100). Ко времени Екатерины II относится большое количество записок. Наибольшего внимания заслуживают Записки французского посла Сегюра, благожелательно настро-

енного к России. Записки изданы впервые в 1860 году. К той же эпохе относятся Писания и мысли де Линя (М. 1816). Путешествие в Сибирь Шаппа д'Отероша, враждебно настроенного против России, Рюльера Сказания и анекдоты о революции в России 1762 (М. 1907). К эпохе Екатерины и Павла I относятся Мемуары Массона, изданные в выдержках в журнале Голос Минувшего. Эпоха Екатерины II представлена весьма ярко в польских мемуарах. Они важны для характеристики польско-русской истории. Эпоха Александра I обильно представлена записками. Множество записок относятся к 1812 г. (Французы о России, т.т. I—III, изд. Задруга 1912). Имеют большую ценность автобиография Лагарпа (Сухомлинов, Ф. П. Лагарп), а также Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна (1816—1826) Спб. 1913 г. Для эпохи Николая I большую ценность представляют записки Кюстина, полностью еще не изданные и книги Гартгаузена о России (1848).

Для изучения России второй половины XIX в. иностранцы не являются первоисточником. О России говорится много в мемуарах государственных деятелей того времени, и для понимания отношений Европы к России мемуары Бисмарка, Гогенлое и др. представляют большую ценность.

IV. Источники Белоруссии.

I. Литовско-Белорусские летописи.

Так называемые Литовские летописи — первостепенный источник для изучения белорусской истории, и историческая наука уже давно воспользовалась тем материалом, который в них находится. Литовские летописи дошли в разных списках, которые по своему характиру делятся на три типа редакций, краткую, среднюю и полную.

Первая представлена так называемою Летописью Авраамки, сохранившуюся в списках XV—XVI в., Супросальскою рукописью XVI века и рукописью гр. Уварова середины XV века. Средняя редакция представлена Познанской рукописью XVI века и рукописью гр. Красинского также XVI века. Полная редакция представлена летописью Быховца. Краткая редакция касается исторических явлений до половины XV в. Полная редакция в своем изложении доходит до 1506 г. Литовские летописи—не погодный пересказ событий, а историческое повествование, преломленное сквозь призму определенного историко-политического миросозерцания, в основу которого положена идея независимости литовско-белорусского народа от поляков.

Литовско-белорусские летописи не являются сочинением одного автора. Это свод отдельных исторических повествований, заимствованый из украинских летописей со включением в них разного рода народных преданий и сказаний, а также погодных записей. Литовско-белорусские летописи — источник весьма ценный, но требующий очень осторожного отношения. Все летописи изданы в Полном Собрании Русских Летописей XVII.

2. Литовско-Белорусские привилеи.

Привилеи-пожалования. Привилеи льготные. Привилеи-шляхетские.

С заключением унии между Литвой и Польшей (1386) великие князья литовские стали проявлять весьма оживленную законодательную деятельность, которая выражалась в издании отдельных законодательных актов по разным поводам и соображениям. Некоторая часть этих актов называлась привилеями или господарскими листами, которые являются документами первостепенной важности для изучения внутренней структуры как литовско-белорусского государства вообще, так и белорусских земель в частности. Привилеи выдавались физическим или юридическим лицам (учреждениям, городам, церквам, монастырям), когда приходилось закреплять за ними какое либо недвижимое имущество. Господарев лист есть основание права на земельное владение. Исходя из мысли, что вся территория литовско-белорусского государства является их собственностью в. князья литовские широко раздавали привилеи на право владения землей. Генезис и рост земельной собственности могут быть изучены только на основании великокняжеских привилеев. Равным образом, подтверждение шляхетского звания или возведение в него кого либо сопровождалось выдачей соответствующего привилея-листа. Всякого рода великокняжеские решения обыкновенно заканчивались опубликованием привилея-листа, дававшего стороне, его получившей, возможность оправдать свое поведение или свои действия в том или другом отношении. В Архиве Великого Княжества Литовского, так называемой Литовской Метрике, находится огромное количество всякого рода привилеев, к которым уже неоднократно прикасалась исследовательская рука.

Второй вид великокняжеских привилеев касается разного рода финансово-экономических вопросов. Частичное или полное освобождение от уплаты налогов, разрешение открывать ярмарки и торги в частно-владельческих местечках или держать корчмы на больших дорогах с правом продажи спиртных напитков, предоставление судебных полномочий

над населением той или другой округи отдельному лицу, права патроната над церковью, разрешение на постройку новых местечек и мест с правом их заселения, все это вызывало необходимость опубликования соответствующего господарского листа. Последние опубликовываются обыкновенно после подачи челобитий, которые могли быть как индивидуальными, так и коллективными. Иногда с такими челобитьями выступали города и волости, указывавшие все причины, в силу которых они ходатайствовали о тех или других льготах. Мотивами дарования последних были разорение от неприятельского нашествия, стихийные бедствия, как пожары, неурожаи, голодовки, несоответствие повинностей экономическому состоянию просителей, первоначальное освоение земли или постройка местечка или места, эксплоатация администрацией, служебные заслуги, ходатайства влиятельных лиц, желание господаря сделать то или другое лицо еще более ретивым в несении господарской службы и т. д. Социальное положение челобитчика или челобитчиков, конечно, имело огромное значение. Привилеи выдавались на вечное время или условно. Срок в последнем случае был крайне разнообразен. К более знатным и удачливым власть была снисходительнее и щедрее.

Со времени заключения той же литовско-польской унии стали выдаваться отдельным общественным группам, привилеи определяющие их правовое положение в государстве. На первом плане идут шляхетские привилеи. Такие привилеи были опубликованы Великим князем Ягайлой 20 февраля 1387 г. и 2 октября 1413 г., Вел. князем Ягайлой и Сигизмундом Кейстуотовичем 15 окт. 1432 и 6 мая 1434 г., Великими Князьями Казимиром 2 мая 1447 г., Александром 6 августа 1492 г., Сигизмундом I 7, декабря 1506 г., и Сигизмундом II 18 октября 1529 г.

Первые привилеи имели ввиду литовское боярство в собственном смысле этого слова. Привилей 1434 г. обращен к литовскому и белорусскому боярству собственно литовских областей. С 1447 г. привилеи имеют тоже земское значение. Они распространяют свое действие на все земли, входившие в состав литовско-белорусского государства. Привилеи превра-

тили литовско-белорусских землевладельцев в господствующий класс, закрепив их положение определенными юридическими нормами. Благодаря привилеям упрочился социальный феодализм в литовско-белорусском государстве, задержавший процесс усиления великокняжеской власти илишивший ее возможности в своем развитии дойти до абсолютизма. Вся социальная и экономическая политика литовско-белорусского правительства находит свое оправдание в шляхетских привилеях. Экономическое и юридическое положение дворянства, как католического так и православного, определялось привилеями. Точно также и правовое положение еврейских общин основывалось на господарских привилеях, впрочем не всегда остававшихся неприкосновенными для великокняжеской власти (привилеи 1385, 1507 и 1541 г.г.). И татары, начавшие селиться в Литовско-белорусском государстве со времени Витовта, получили ряд привилеев, объединенных в привиле 1568 года. Большое количество самых разнообразных привилеев собрано в Актах, относящихся к истории Западной России, томы 1—5. Шляхетские привилеи вновь изданы М. К. Любавским в виде приложения к его книге Очерки истории Литовско-Русского государства М. 1910.

3. Памятники магдебургского права.

Литовско-белорусские города делились на привилегированные и непривилегированные, причем в начале первые представляли исключение, а вторые общее правило. Во второй половине XVI в. количество привилегированных городов быстро увеличивается. Превращение города в привилегированную городскую общину достигалось получением привилея на магдебургское право, исходившего от держателей верховной власти. Первые привилеи были даны Вильне и Трокам (в 1387 году), затем магдебургское право получили Гродно и Ковно.

В 1499 году привилеи получают Полоцк и Минск, а в 1516 г. Киев и пр. Все эти привилеи служили образцом для выдачи подобных же грамот другим городским общинам.

Привилеи на магдебургское право выделяли город в самостоятельную финансово-административную единицу. Предоставляя городу самоуправление, с течением времени несколько расширявшееся, привилеи определяли его финансово-повинностное отношение как к центральной, так и к провинциальной администрации. Привилеи фиксировали размер поступлений, шедших в великокняжескую казну, а также и доходов с тех или других статей, поступавших в общегородскую кассу; привилеи выясняли финансово-юридические отношения к местной великокняжеской администрации, устанавливали самоуправление и правосудие городских общин, предоставляли городам различные льготы, в виде полного или частичного освобождения от уплаты таможенных пошлин, в виде устройства еженедельных торгов и периодических ярмарок, а также право на заведение в городе складочных помещений. Разумеется, городское право далеко не всюду было одинаково. Это зависело от степени экономического развития и значения того или другого места. Первоначально изданные грамоты на магдебургии неоднократно дополнялись и подтверждались отдельными представителями великокняжеской власти. Вслед за государством и частные лица предоставляли самоуправление городам и местечкам, возникшим на их территории. Юридическое и экономическое положение частновладельческих городских общин и местечек отличалось большой пестротой и разнообразием. (Акты, относящиеся к истории Западной России, томы I—V, Собрание грамот и документов, относящихся к истории городов Вильны и Трок. М. Ф. Владимирский-Буданов, Немецкое право в Польше и Литве, Спб. 1867).

4. Областные привилеи.

Литовско-белорусское государство в противоположность Московскому было федерацией областей, имевших значительную политическую самостоятельность и пользовавшихся обширной внутренней автономией. Правовое положение каждой области, входившей в пестрый состав территории литовско-белорусского государства, регулировалось так назы-

ваемыми областными привилеями, бывшими своего рода местными конституциями, которые определяли права и полномочия земли как во внутреннем самоуправлении, так и по отношению к верховной власти. Областные привилеи—источник первостепенной важности для изучения особенностей областной жизни в финансово-правовом отношении. Содержание привилеев далеко не одинаково. Оно зависело от характера той или иной области, вошедшей в состав литовско-белорусского государства. Областные привилеи стали выдаваться с начала XV в. со времени Витовта. Подлинники последних не сохранились. Имеются на лицо только подтвердительные привилеи, выданные верховной властью на имя области по просьбе соответствующих общественных групп. Привилей Белоруссии (Полоцкий, Витебский, Смоленский), указывают, что в момент опубликования ее области имели более демократический уклад жизни в сравнении с областями Украины. Подтвердительные привилеи для Белоруссии были опубликованы в начале XVI века. Белорусские привилеи касаются разнообразных вопросов, а именно: отношения области к верховной власти, избрания администрации, организации местного управления, правового положения церкви и других общественных групп, финансово-податного положения земель, норм гражданского и уголовного права. Для изучения местной истории областные привилеи—отправной источник. Все областные привилеи изданы в виде приложений к вышеупомянутой книге М. К. Любавского. Издание—полное и безукоризненное. (М. Ясинский, Уставные земские грамоты литовско-русского государства, Киев, 1888; Якубовский, Земские привилеи в. к. Литовского, Ж. М. Н. Пр., 1903, кн. 4 и 5).

5. Памятники литовско-белорусского права.

До половины XV века литовско-белорусское право не было кодифицировано. Такая попытка была предпринята при вел. князе Казимире, который 29 февраля 1468 г. издал свой Судебник. Судебник имеет всего 25 статей и довольно беден по содержанию. Он касается уголовных преступлений и наказаний, а также заключает ряд постановлений, определяющих форму

судебного процесса. (М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, ч. II). Законодательная деятельность литовско-белорусского правительства выражалась в издании „устав" или „ухвал" обязательных для всего государства. Таких ухвал накопилось очень много. (А. З. Р., I—III). Необходимость их кодификации была очевидна. Широкое распространение обычного права требовало либо юридического его закрепления, либо изменения. На Виленском сейме 1522 года его станами был поднят вопрос о составлении статута. Последний составлялся в течение 1522—1529 г.г. Окончательно он был принят на сейме 29 сентября 1529 г.

Источником Статута были Русская Правда, шляхетские привилеи, обычное право, Судебник Казимира 1468 года, законодательные уставы и постановления, памятники польского права. В статуте 1529 года 13 разделов, делящихся на артикулы. Статут имеет в виду только одно сословие землевладельцев. Он кодифицирует права его с сильным уклоном в сторону крупных землевладельцев-аристократии, закрепляя правовыми нормами их бытовое положение.

Шляхетское движение 40—60-х г.г. поставило на очередь вопрос о пересмотре Статута в целях демократизации права в сторону шляхетизации. Этот вопрос был поднят на Берестейском сейме 1544 г., но только в 1566 году шляхта добилась опубликования нового Статута, хотя последний был составлен еще в 1563 г. Во втором Статуте 14 разделов. Он полнее, подробнее первого Статута, но характер его прежний. Это—право землевладельцев с уклоном в сторону шляхетской демократии, закрепляющее правовое и политическое положение народа-шляхты. В 1569 году Люблинская Уния положила конец отдельному существованию Литвы и Польши. Оба государства слились в одно политическое целое, Речь Посполитую. На сейме была выбрана Комиссия из 14 лиц для пересмотра Второго Статута. Новый Статут был опубликован в 1588 г. В последнем нашло большое отражение польское право.

Оригиналы Статутов не сохранились. Имеются более поздние копии. Статут в трех редакциях издан Московским Обществом Истории и Древностей. Второй Статут с латинским и польским текстом издан в Archivum comysii prawnyczei, т. VII.

6. Финансово-экономические документы.

Для истории хозяйства и хозяйственной политики литовско-белорусского государства первостепенное значение имеют разного рода хозяйственные документы. К таковым относятся прежде всего хозяйственные уставы, дающие общее представление о той хозяйственной политике, которой литовско-белорусское правительство предполагало держаться. Уставы издавались для западных и восточных волостей. Для первых имеет значение устав 1514 года (М. К. Любавский, Област. Дел., прил. № 23), для Виленского и Троцкого поветов, а также Городенская Устава 1514 года. Затем нормы уставы 1514 года получили дальнейшие развитие в уставе 1529 года. Для Жмуди имеют значение три последовательно издававшиеся уставы 1527, 1529, 1530 годов. Все уставы изданы в А. З. Р., т. II. В 50-х годах была издана новая Устава замков, держав и дворов, подводящая итоги хозяйственной дореформенной политике (Р. И. Б. XXX). Наконец, переход к новым формам землевладения и землепользования ярко отражает „Устава на волоки", изданная при Сигизмунде-Августе в апреле 1557 года вместе с дополнительными статьями от 20 октября 1557 г. и 20 мая, 20 июня, 20 октября 1558 года. (Рус. Ист. Библ., том XXX). Эта устава являлась основой для всех устав последующего времени, вносивших в основную только некоторые поправки и дополнения. Прообразом уставы на волоки послужила устава, правда очень краткая, изданная королевой Боной для руководства при производстве аграрной реформы в Пинском и Клецком княжествах (Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества, составленная Хвольчевским, изд. Вил. Арх. Ком.). Хозяйственная политика по отношению к восточным областям выступает в тех уставах, которые правительство опубликовало в первой половине XVI века для населения поднепрских и подвинских волостей. Эти уставы опубликованы М. К. Любавским в Областном Делении и М. В. Довнар-Запольским в Очерках по организации западно-русского крестьянства в XVI в., К. 1907. Аграрная реформа сначала не коснулась

восточных областей; переход к аграрной реформе выступает в Уставе о подводной повинности (Устава на волоки) и в поравнении грунтов и установлении планов. (Кн. Зап. XXXVII т.). Аграрные мероприятия в восточных волостях отчетливо представлены Бобруйской уставой 1639 г. (А. В. К. Гл. XXV). Постановка дореформенного хозяйства в западных волостях выступает весьма ярко в сохранившихся в небольшом количестве инвентарях. Они изданы проф. М. В. Довнар-Запольским в документах Архива Министерства Юстиции, том I. Пореформенное хозяйство сохранило отражение в Писцовых книгах. Из числа последних известны: Ревизия Кобринской экономии (Вильна, 1876 г.), Писцовая книга Пинского староства (В. 1874 г.), Писцовая книга Гродненского староства (В. 1880 г.), Описание Берестейского староства, (Докум. Арх. Мин. Юстиции, том I). Описание Жмуди (Вил. Арх. Собор. VII). Состояние частновладельческого и Господарского хозяйства выступает отчетливо в сохранившихся инвентарях в изданиях В. А. К., томы XXXVII и XXXV. Наконец, лесное хозяйство представлено в лесной уставе, опубликованной 27 февраля 1577 г. (Рус. Ист. Биб. XXX), а также в Ревизии пущ и переходов, начатой с 1559 года. В XVII в. в 1631 году был издан новый устав для управления лесами, так называемая Ординация (Изд. В. А. К. В. 1871 г.). Финансовая и таможенная политика богато представлена проф. М. В. Довнар-Запольским в приложении к труду Государственное хозяйство Вел. княжества литовского при Ягеллонах (К. 1901), а так же С. А. Бершадским в Документах и регестах по истории евреев, 2 тома (1888). Огромное количество документов не издано и находится в актах Литовской Метрики.

7. Документы по истории и центрального и провинциального управления.

Большая часть материалов по истории центрального и провинциального управления не издана и находится в книгах Литовской Метрики. Но отдельными исследователями опубликовано значительное количество этих документов, позволяю-

щих составить весьма отчетливое представление об административной организации и характере ее деятельности. Документы по истории Вальных Сеймов напечатаны М. К. Любавским в прилож. к его труду Литовско-Русский Сейм (М. 1901) и Н. А. Максимейко в прилож. к его сочинению Литовско Русское Государство (Харьков, 1901). Кроме того документы по истории сеймов 40—60-х годов изданы в Русской Исторической Библиотеки, том XXX, М. В. Довнар-Запольским в Документах Моск. Арх. Мин. Юстиции, том I и в Актах Зап. России, том III. Отдельно издан Дневник Люблинского Сейма (Спб. 1860). История Рады представлена весьма полно Н. А. Малиновским в его Материалах по истории рады великого князя Литовского, 28 в.

Документы по организации провинциального управления изданы М. К. Любавским и М. В. Довнар-Запольским в приложениях к вышеназванным трудам, а также в Актах литовско-русского государства, т. I. М. 1898 г., под ред. М. В. Довнар-Запольского. Материалы по истории литовско-белорусского повета отчасти изданы И. И. Лаппо, в прилож. к труду Литовско-русский повет (Спб. 1911), и В. Стороженко, в Архиве юго-западной России, часть VI.

8. Записки иностранцев.

Из записок иностранцев для истории Белоруссии первостепенное значение имеют Ливонские хроники, составленные в период покорения немцами Прибалтийского края и перехода к усиленной насильственной германизации. Среди хроник первое место занимает Chronicon Livoniae Генриха Латыша, священника по профессии, написавшего эту хронику в XIII веке. Хроника Генриха Латыша охватывает события до 1227 г. и имеет значение для истории Полоцкой земли в период первой ее борьбы с агрессивным наступлением ливонских рыцарей.

Продолжением хроники Генриха Латыша является Лифляндская рифмованная хроника, касающаяся событий 1227—1229 годов. К обеим хроникам надо относиться весьма осто-

рожно, так как их авторы охвачены резко выраженным религиозно-национальным шовинизмом, и события в них преломляются сквозь призму вышеуказанного мировоззрения. Для истории Белоруссии и Литвы имеют значение польские хронисты, Мартын Галл (XII в.), требующий весьма осторожного отношения, Викентий Кадлубек (XIII в.), Ян Длугош (XV в.), написавший компилятивное сочинение Historia Polonica и Матвей Стрыйковский, автор большого труда под заглавием Kronica polska, litowska, zmudska i wsystkiy Rusi. Труд Стрыйковского очень важен для истории литовско-белорусских областей. Для конца XVI в. важен труд Гваниня под заглавием Z Kroniki sormacyi Europskiy, написанный первоначально по латыни (1578 г.) и переведенный на польский язык в 1611 году. Труд Гваниня дает описание Польши, в. княжества Литовского, земель русских, прусских, лифляндских, а также Жмуди; он важен также для истории Белоруссии в. вопросах исторической географии и хозяйственного быта белорусских областей.

———

V. Украина.

1. Летописи.

Ранняя история Украины это история так называемой Киевской Руси, для которой первостепенным источником является Начальная Летопись, представленная двумя списками: Ипатьевским и Лаврентьевским. Продолжением Ипатьевского свода является Киевская Летопись, доводящая рассказ до 1200 г. К собственно-украинским летописям относится Галицко-Волынская, начинающая изложение событий с 1202 года и доводящая его до начала XIV века. В противоположность другим летописным сборникам Галицко-Волынская Летопись написана образным языком и сравнительно мало обращает внимание на церковные дела и отношения, больше интересуясь внешними и придворными делами. Довольно большую историческую ценность имеет Густынская Летопись, охватывающая время от 1310 до 1597 годы и являющаяся в значительной части поверхностной компиляцией, составленной по русским и иностранным летописным сборникам и хроникам. Но части летописи, представляющие самостоятельный труд автора, имеют большую ценность. Автор сообщает интересные данные о начале казачества, об изменении календаря, о происхождении унии. В эпоху Хмельничины появляется большое количество летописей и летописных сборников, дающих отчасти представление об украинской революции второй половины XVII века. Некоторые летописные сборники имеют только местный интерес. К последней относится Хмельницкая летопись. Она касается по преимуществу Подолии в период 1636—1650 годов (изд. 1878 г.). Такой же местный интерес имеет Львовская Летопись, касающаяся событий с 1498—1649 год, имевших место на территории Западной

Подолии, Галиции, Киевской и Переяславской областей. Особенно интересна летопись становится с 1630 года, но преимущественно для истории казацких войн. Под влиянием событий, имевших место на территории Украйны, появляется ряд казацких или малороссийских летописей, являющихся скорее литературно-историческими произведениями с определенной политической тенденцией. В летописях сообщается множество ценных фактов, но не мало и авторского домысла. Казацкие летописи требуют весьма осторожного и критического отношения. Сюда принадлежит Летопись Самозванца (Чт. Общ. Ист. и Древн., 1846 г., тт. I и II), охватывающая события в период 1648—1702 годов. Написана она неизвестным современником столь важной в истории Украины эпохи. Летопись Григория Грабянки (1854) касается событий 1648—1709 годов. Это компилятивное историческое произведение по русским и польским источникам с внесением в них некоторого количества подлинных документальных данных. Местами труд требует осторожного отношения. Летопись Самуила Велички в 4-х томах (М. 1848—1864 гг.) тоже компилятивное произведение, составленное на основании весьма разнообразного материала и требующее сугубо критического отношения, так как автор сообщает множество фактов явно недостоверных. Являясь литературно-историческим произведением, казацкие летописи интересны, как материал, позволяющий составить довольно ясное представление о том, как вся эта революционная эпоха отразилась на современниках, и как была ими воспринята. Особый род летописей составляют Монастырские летописи, интересные не только для истории монастыря, но содержащие также и обще-исторические сведения. Особенного внимания заслуживают Летопись Густынского монастыря с 1600—1641 год и летопись Мгарского монастыря (Киевская Старина, 1889 г., книги 4—6).

2. Памятники историко-юридические.

Историко-юридические памятники литовско-белорусского права, как-то: шляхетские привилеи, памятники магдебургского права, литовские Статуты трех редакций, имеют отношение и к истории Украины постольку, поскольку последняя

являлась территориальной частью литовско-белорусского государства. Правовое положение областей, входивших в состав вышеназванной государственной формации, определялось для Киевской и Волынской земель уставными грамотами (М. К. Любавский, Очерк истории литовско-русского государства, Приложение). Акты магдебургского права, в большей части еще не изданные, дают полное отчетливое представление о сущности магдебургского права в левобережной и правобережной Украине. Разные актовые материалы хранятся в Архиве Литовской Метрики и в Киевском Центральном Архиве. Огромное количество самого разнообразного историко-юридического материала помещено в Архиве юго-западной России, в Актах, относящихся к истории южной и западной России, 5 томов, в Актах, относящихся к западной России и в Актах Московского государства, а также в сборнике П. Муханова.

Правовое положение Украины с 1654 года и взаимные отношения Украины и Москвы представлены целой массой официальных документов (Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. II), а также в Киевском издании Сборник статей и материалов по истории юго-западного края. Основные из них собраны в издании Бантыш-Каменского, в книге Источники Малороссии, 2 тома, М. 1849 г. Для XVIII века имеют первостепенное значение документы Верховного Тайного Совета и Бумаги Кабинета Министров, напечатанные в Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества, а также дела Малороссийской Коллегии, Дела Сената по Малороссийскому Департаменту, хранящиеся в Москве в Архиве Министерства Юстиции, еще не изданные и почти совсем не изученные.

Для изучения украинского права в XVII веке имеют значение поточные книги (процессы частных лиц), записовые книги (разного рода распоряжения), декретовые (приговоры судей и пр.). Поточные книги Полтавского суда изданы Модзалевским (Полтава, 1910). Для знакомства с правом в XVIII веке первостепенное значение имеет издание под редакцией и с предисловием А. Ф. Кистяковского, составленного кодекса законов, известного под заглавием Права, по которым судится малороссийский народ, сведенные в граде Глухове, лета от Р. Х. 1743 (1879).

3. Документы финансово-экономические.

Для изучения народного и государственного хозяйства Украйны в эпоху литовско-белорусского государства имеют значение разного рода акты, как то: сельско-хозяйственные инвентари, описание замков, ревизия замков и пр. (Арх. юго-западной России, часть VII, 1—3; Jablonowskiego „Zródladzieyówe", t. V, VI, XXI).

Последний издатель сообщает множество материала и для народного хозяйства правобережной Украйны в эпоху принадлежности ее к Польше. Для освободившейся Украйны основное значение имеют Лазаревского Описание Старой Малороссии, в 3 томах, и в особенности Генеральные следствия о маетностях полков, произведенные в течение 1829—1830 годов. Сохранились данные о полках: Стародубском, Черниговском и Нежинском. Последние два изданы Н. П. Василенко. Сведения о Прилуцком полке изданы П. А. Мякотиным (Чт. Сбщ. Нестора Лет. № XI), а о Миргородском полке В. Барвинским (Труды Полт. Арх. Ком. в. IX). Остаются неизданными генеральное следствие Киевского и Гадячского полков (Библ. Киевск. Унив.), а также и Переяславского (Моск. Румянцевский Музей).

Для Екатерининской эпохи первостепенное значение имеет Румянцевская Опись Малороссии, начатая в 1765 г. Сохранилось около 148 томов. Она хранится в библ. Унив. Святого Владимира, библ. Акад. Наук и в Чернигове. К той же эпохе относится и Шафонского Топографическое Описание Черниговского Наместничества (1851), дающее много экономического материала. Наконец, большое финансово-экономическое значение имеют ревизские книги, результат переписки полков с 1723 года. Сохранились к сожалению не все. Известны книги Стародубского полка 1723 года, Нежинского полка 1736 года и ряд ревизских книг Прилуцкого полка 1713, 1729, 1731 и 1740 годов. Множество рукописей хозяйственного характера имеется в библ. Киевского Унив. Св. Владимира, где находится собрание рукописей М. О. Судиенко и А. М. Лазаревского (С. М. Маслов. Обзор рукописей Библ. Ист. Унив. Св. Владимира, Киев. Унив. известия, 1910).

4. Записки иностранцев и мемуары.

Киевской Руси до XI в. касаются записки арабских путешественников. Для XIII в. интересны записки Плано Карпини, францисканского монаха, ездившего в 1245 году к хану Гаюку в Великую Монголию от имени папы Иннокентия III (изд. 1911 г.), Марко Поло (1250—1323 гг.), жившего довольно долго среди татар (Чт. Об. Ист. и Др., 1861 г., тт. III и IV, 1862 г., тт. I—IV). Историко-географическое описание Украины дает С. Герберштейн в своих Записках о Московских Делах (изд. 1908 г.). Французский инженер Боплан, бывший на службе у польского короля и строивший крепости от низовьев Днепра до низовьев Днестра, составил ценное Описание Украины, в котором он касается различных сторон ее быта (изд. 1901 г.). Для XVII века интересны Записки Павла Алеппского, приехавшего в Москву через Украину вместе с Антиохийским патриархом Макарием в 1653 году (М. 1897—1898). Для эпохи Руины заслуживают внимания Дневник Патрика Гордона, служившего с 1660 года в русском войске и принимавшего участие в борьбе против гетмана Дорошенко. Дневник полностью еще не издан. Наконец, эпоха казацких войн вызвала появление большого количества записок, написанных поляками. Они очень субъективны, подчас пристрастны, но с ними считаться необходимо. Отметим дневные записки шляхтича Мясковского, участвовавшего в посольстве к Хмельницкому в 1649 году (Памятники Киевской Комиссии, том I); Станислава Освецима (Киев. Стар. 1888 г.); мещанина Перетятковича, ездившего послом к гетману Выговскому (Киев. Ун. Изв. 1873 г.); Иеронима Каховского, составившего историю казацких войн Annalium Poloniae Climacteres, I—IV, изд. 1683—1698 гг. Среди мемуаров, написанных современниками, первостепенное значение имеют записки Михалона Литвина (середины XVI века), не дошедшие полностью и изданные в Мемуарах, относящихся к истории Южной Руси, выпуски I и II, куда вошли и другие второстепенные мемуаристы XVI века. Для

XVIII века интересны записки генерального писаря Ф. Орлика, сподвижника Мазепы, еще не изданные и находящиеся в Кракове. К тому же времени относятся и письма к И. П. Збелен и его жене (1683—1713), изданные В. В. Тарновским в Материалах по истории Малороссии, вып. I, Чернигов, 1913 г. Очень важны записки генерального хорунжего Николая Ханенки. Они доведены до 1754 года (Киев. Стар. 1884—1886—1896). Также ценны записки генерального подскарбия Якова Марковича с 1723 по 1771 год (Киев. Стар. 1891—1896). Некоторое количество мемуаров относится к эпохе колиивщины (Киев. Стар. 1883 г., III; 1882 г., XI, 1887 г., I). Вообще в Киевской Старине собрано много мемуарной литературы. Руководством по отысканию мемуаров может служить систематический указатель к журналу „Киевская Старина“ 1882—1906 гг. Мемуары, относящиеся к Запорожью и Новороссии напечатаны главным образом в Записках Одесского Общества Истории и Древностей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИОГРАФИЯ.

I. Историография Северо-Восточной Руси.

1. Начало Русской исторической науки XVII—XVIII вв.

История кн. А. М. Курбского. Степенная книга. Повести о смутном времени. Федор Грибоедов. А. Манкеев. В. Н. Татищев. Академия Наук и немецкая школа в русской историографии.

Первым опытом не летописного изложения событий русской истории можно считать Историю Княжества Великого Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашима Кн. А. Курбского. Правда, сочинение кн. А. М. Курбского напоминает собою обычный мемуар, в котором субъективная точка зрения доведена до крайности, но в то же время в нем заметна попытка дать прагматический рассказ о событиях, происходивших в царствование Грозного (Русск. Ист. Библ. XXX). К разряду исторических сочинений надо отнести и Степенную книгу (Полн. Собр. Летописей, том XXI). Конечно, это не научная обработка русской истории, но в то же время и не летопись в прямом смысле слова. Составитель Степенной книги был оффициальным историографом. Он широко воспользовался наличным историческим материалом и пытался расположить его в том порядке, какой оффициальному историографу представлялся наиболее соответствовавшим его заданию. Располагая великих и малых князей по степеням, автор в прошлом Московского Государства видит только историю княжеских фамилий, княжеских родословий, среди которых господствует княжеская ветвь, представляемая Московскими князьями.

Смутное время должно было весьма резко отразиться на отношении общества к историческим явлениям и событиям. Его события расширили кругозор современников и заставили их по иному отнестись к происшествиям, свидетелями которых они были. Прежнее наивное религиозно-философское мировоззрение стало разлагаться и заменяться более трезвой, реальной оценкой. Значительная часть авторов повестей и сказаний о Смутном времени (Русск. Ист. Библ. XIII) — не просто мемуаристы, повествователи того, свидетелями и участниками чего они были, но писатели, старавшиеся составить себе определенное представление о прошлом, отделить истину от лжи, правду от вымысла, обрисовать главных действующих лиц в объективном освещении. Правда, в их повестях встречается старая философско-историческая терминология, чувствуется отражение прежнего философско-исторического миропонимания, но все это только признаки живучести старины, а не показатель действительного отношения к историческим событиям и явлениям. Смутное время дало толчок к освобождению исторической мысли от влияния богословской науки и церкви. Оно заставило пристальнее всмотреться в происходившие на глазах автора события и попытаться найти им объяснение объективного характера, видеть во всем, что случилось, результат определенных политических и общественных отношений. В этом отношении особенно интересен Временник дьяка Ивана Тимофеева. Его автор упорно не хочет расстаться со старым философско-историческим миропониманием, но в то же время никто дальше его не ушел от этого понимания, ибо для него события Смуты есть следствие определенных условий и отношений. Он стремится быть объективным, говорить только правду, относиться критически к слышанному, давать правдивые отзывы о главных действующих лицах. Дьяк Тимофеев видит причину разрухи в нарушении общественно-политического союза, существовавшего между царем и подданными. Обе стороны были связаны определенными обязательствами и отношениями. Они были нарушены царем, что в свою очередь вызвало и со стороны народа нарушение лежавших на нем обязательств. Союз между царем и народом распался, перестал действо-

вать, и в этом заключается основная причина Смуты, весьма выпукло и резко выдвинутая автором.

В первой половине XVII века не появилось ни одного исторического труда в прямом смысле этого слова. Только во второй половине века (1669), по желанию Алексея Михайловича, дьяком Федором Грибоедовым было написано сочинение в 96 главах, под заглавием История о царях и великих князьях земли русской (Памятники древней письменности, 1896 г., № XXI). По своему содержанию эта работа тесно примыкает к Степенной книге. Для оффициального историографа, получившего щедрое вознаграждение за свой труд, русская история—это история царствующей династии в лице ее отдельных представителей. В сочинении Грибоедова резко выражена националистическая тенденция. Автор принимает на веру все легендарные рассказы, в частности легенду о происхождении московских государей от Пруса.

Отсутствие исторического сочинения о России особенно чувствовалось Петром I, который в конце концов, решил поручить написать русскую историю. Такое поручение было однако трудно выполнимо при отсутствии необходимого и критически просмотренного материала. Неудивительно, что из поручения, данного Поликарпову, практически ничего не получилось. К той же эпохе относится и сочинение Андрея Манкеева—Ядро Российской Истории (изд. 1770 г.), написанное главным образом на основании южно-русского Синопсиса и несколько дополненное по русским летописям. Ядро было составлено заграницей в шведском плену и доводило рассказ до 1612 г. Его научное значение не велико. Однако, заслуживает внимания намерение автора давать правдивое описание событий, и при том на основании русских источников. Отсутствие прагматизма и правильного понимания сущности исторического процесса составляют главные недостатки Ядра Российской Истории.

Эпоха Петра также взволновала общественное мнение, как и Смутное время. Она заставляла современников внимательнее отнестись ко всему тому, что происходило на Руси, когда, казалось, ломались создавшиеся веками бытовые и правовые отношения. Время Петра не только расширило кру-

гозор современников, не только давало толчек для интенсивной работы мысли, но и способствовало развитию исторической науки, которая позволяла бы представить все пережитое в точном, ясном и правдивом изложении. Превратиться в историка по необходимости и при том добровольно, пришлось В. Н. Татищеву (1686—1750), птенцу гнезда Петрова, государственному деятелю времени Анны и Елизаветы, суровому колонизатору Оренбургского края.

В. Н. Татищев был послан в 1704 году заграницу. Пребывание в последней, разумеется, оказало на него большое влияние. При Петре он занимал разнообразные административные должности, удачно выполняя все возложенные на него поручения, хотя, кажется, не всегда отличался личным безкорыстием, так как считал, что только „посул неправедных“ брать не следует, но благодарность „получать могут“, за что не раз приходилось Татищеву оправдываться перед судом. Свои занятия историей Татищев начал с того времени, когда Брюсс поручил ему составить географию России, но для Татищева было ясно, что составление географии без знания истории совершенно невозможно. Таким образом Татищеву пришлось обратиться к изучению истории России. Свои занятия он начал с собирания материалов. В этом отношении им сделано много, между прочим отысканы Русская Правда и Судебник Ивана IV, к которым Татищев дал весьма ценные примечания. Оба памятника были изданы Шлецером в 1767 г. и Мюллером в 1768 г.

Татищев занимался историей России около тридцати лет. Плодом его научных занятий явилась История России с самых древних времен. Этот труд, конечно, нельзя назвать историей в прямом смысле слова. Это ничто иное, как сводная летопись, составленная по разным источникам, часть которых не сохранилась, так как много материалов погибло во время пожаров. Погибла и Иоакимовская летопись, на которую не раз ссылается автор в своей книге. Знакомство с историей России, по мнению автора, необходимо для всякого практического работника, какого бы рода деятельностью он ни занимался. Предметом истории являются „деяния и приключения“, ибо „нет никакого

приключения, чтобы не могло деянием называться“. Историк должен быть правдивым, так как верность сказаний составляет сущность историко-описательных рассуждений. Поставив себе такую задачу, Татищев однако не всегда приводит ее в исполнение, так как, снабжая разные источники, по преимуществу летописные, критическими примечаниями, автор совершенно не подвергает их исторической критике, хоти зародыш такой критики, часто весьма наивной, у него имеется. Труд Татищева был напечатан только после его смерти Миллером и при том с сокращениями. Сначала было издано 4 части (1768—1774). Последняя часть была издана Бодянским в Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г. Современники Татищева рассматривали критические замечания и критическое отношение к источникам и фактам, как политическое и религиозное вольнодумство автора.

Под влиянием путешествия по Западной Европе Петру I пришла в голову мысль создать в России такое высшее учебное заведение, в котором разработка науки соединялась бы с преподаванием соответствующих предметов русскому юношеству. По предположенному уставу Академии при последней намечалось открытие исторического отделения, куда в качестве академиков были приглашены Иоганн Коль (1725), Готлиб Зигфрид Байер (1726), Герард Фридрих Миллер (1725). Первый из приглашенных академиков заболел и уехал на родину. На развитие исторической науки его деятельность не имела никакого влияния. Этого, однако, нельзя сказать об остальных двух. Байер был филолог, не знавший русского языка и не хотевший его изучать. Поэтому он мог заняться лишь тем периодом русской истории, для изучения которого были необходимы иностранные памятники. Байер касался вопросов о скифах, славянах, о происхождении варягов, о географии России и соседних с ней стран. Большой исторической заслугой Байера является исследование вопроса о происхождении варягов — Руси. Исследуя его, Байер склонился к признанию варягов—Руси скандинавами по происхождению, чем и положил начало Норманнской школе в историографии, вызвавшей в науке так много сторонников и не меньше противников и при том довольно ярких.

Второй академик, немец Миллер, также оказал существенные услуги русской исторической науке. С его именем связано собрание большого количества исторических документов, в особенности благодаря его участию в сибирской экспедиции, предпринятой Академией Наук и продолжавшейся десять лет (1733—1742). Привезенные им документы в подлинниках или копиях хранятся в Архиве Мин. Иност. Дел и составляют ценный вклад для исторической науки по изучению Сибири. С его именем связано открытие Сибирской летописи в Тобольске. На основании этих документов Миллером было составлено Описание Сибирского Царства (1750), отличающееся обилием фактического материала. Рядом с этим в период от 1732 по 1765 г. г. Миллер принялся за издание документов и статей о России, сначала на немецком языке ввиде сборников под заглавием Sammlung Russischer Geschichte, а с 1755 г. стал издавать исторический журнал Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. В течение 10 лет было издано 20 томов, в которых помещено много документов и разных статей по русской истории. Кроме того, Миллером были изданы: История Татищева, Судебник Ивана IV с примечаниями Татищева, Степенная Книга и „Ядро" Манкеева. Свои занятия русской историей Миллер мог вести по более широкому масштабу, так как изучил русский и славянский языки. Он превосходно понимал, что составление исторического сочинения о России невозможно без исторических, географических и этнографических материалов, собиранию которых была посвящена вся его жизнь. В вопросе о варягах-Руси и начале русского государства Миллер являлся продолжателем мнения, высказанного Байером и вызвавшего жестокие нападки на Миллера со стороны М. В. Ломоносова за его якобы непатриотические взгляды.

Рядом с Миллером надо поставить Августа Шлецера (1735—1809), вызванного Миллером в 1761 году в Россию Питомец Геттингенского университета, Шлецер превосходно знал классические языки и некоторые восточные. Впоследствии он изучил готский, исландский, лапландский и польский языки. Задумывая путешествие на восток, Шлецер

согласился ехать в Россию в качестве домашнего учителя в семье Миллера, где он довольно скоро познакомился с русским и славянскими языками. В 1761 году Шлецер был приглашен в Академию Наук на правах адъюнкта, и ему была поручена критическая разработка летописей. Еще будучи домашним учителем в доме Миллера, Шлецер указал последнему на ряд неправильностей, допущенных при издании Радзивиловского списка древней летописи. Не довольствуясь местом адъюнкта в Академии, Шлецер захотел стать профессором Академии и с этой целью составил план разработки и занятий русской историей. План отличается большой широтой и продуманностью. Шлецер предполагал собрать хроники и летописи и подвергнуть их критическому изучению с грамматической и сравнительно-исторической точек зрения. Для понимания хроник необходимо составить глоссарий славянского языка и приступить к исследованию славянских наречий. Шлецер был совершенно прав в своих взглядах на ближайшие задачи русской истории. Однако, его записки встретили весьма резкое отношение со стороны М. В. Ломоносова и довольно двусмысленную оценку со стороны Миллера. Все же, в 1765 г. Шлецер был назначен академиком с правом через пять лет уехать заграницу. В 1769 году Шлецер уехал в Германию, где получил в Геттингенском университете место профессора и где мог всецело посвятить себя научным занятиям. В течение 1805—1806 г.г. Шлецер издал труд коллосальной важности: „Nestor, Russische Annalen“, сейчас же переведенный на русский язык. Труд Шлецера—результат долголетней критической работы над летописями. Он воспользовался для нее 12 печатными и 9 рукописными списками. На основании сравнительно исторического изучения этих списков Шлецер стремился очистить Нестора от всякого материала, не имеющего никакого исторического значения, а также взять из русских летописей только то, что действительно имеет историческую ценность и значение. Кроме того Шлецер занимался изданием русских памятников. Он предложил также выбрать из византийских хроник и летописей все данные, которые касаются России и соседних с нею стран. Эта не-

обходимая работа была выполнена Иоганном Штриттером в течение 8 лет (1771—1779). Из 36 томов византийских летописей Штриттер составил 4 тома и издал их на латинском языке под названием: „Memoriae populorum". (Записки о народах, обитавших в древности при Дунае, Черном и Азовском морях, Кавказских горах, Каспийском море, и далее к северу, выбранные из писателей византийской истории). Это издание не потеряло своей ценности и до настоящего времени.

Немцы академики оказали громадные услуги русской исторической науке. В изучение памятников русской истории они внесли критические приемы и методы европейской науки и оживили материал старых русских и иностранных хроник; их попытка объяснить развитие культурных процессов в среде славянства влиянием германского племени вызвала со стороны русских историков XVIII в. резко враждебное отношение, подчас очень пристрастное и совершенно не заслуженное.

2. Русская историческая школа во второй половине XVIII века.

Зарождение русской исторической школы и ее главные представители. Историческая наука во второй половине века. Итоги.

Преобладание в историографии немецкой исторической школы, та борьба, которая происходила внутри Академии между ее членами, русскими и немецкими, вызвали появление русской исторической школы, очень далекой от методов немцев-академиков, но зато преисполненной преклонения перед всем русским, хотя бы это преклонение не имело за собой решительно никаких оснований. Так В. Н. Тредьяковский (1703—1769), мало подготовленный к филологическим и историческим занятиям, на основании случайного созвучия слов приходит к выводу о первенстве языка славянского перед тевтонским. На основании тех же филологических и при том крайне неудачных сближений Тредьяковский относит к славянству также кельтов и скифов. Считая, что славяне древнее германцев, Тредьяковский не мог принять и норманскую

теорию немецких академиков, причем его исторические доказательства относятся к области исторических и филологических курьезов.

Продолжателем Тредьяковского был М. В. Ломоносов (1711—1765), также убежденный противник немецкой академической науки. Стоя в центре внутренней академической борьбы с немцами, Ломоносов часто вступал в пререкания с последними, противупоставляя им часто не столько силу своих документальных данных, сколько простую грубость. Под влиянием этой борьбы Ломоносов сделался историком, хотя менее всего был подготовлен к этого рода деятельности. Получив от Елизаветы Петровны поручение написать русскую историю, Ломоносов принялся за выполнение столь деликатного поручения. Он довольно долго собирал материалы для своей работы, читал русские и иностранные источники. Составленный им том Древней Российской Истории был доведен до смерти Ярослава Мудрого и окончен печатанием только после смерти Ломоносова. В своей истории Ломоносов выступает продолжателем Тредьяковского, но только более освоедомленным и чуждым тех филлогических нелепостей, на которые Тредьяковский был таким неподражаемым мастером. Для Ломоносова задача историка заключается в прославлении главных исторических лиц, героев истории. Историк должен воздействовать на чувство своих читателей, дабы примеры доблестей древних героев оказали на последних соответствующее влияние. От Ломоносова нельзя было ожидать строгого отношения к источникам. Ненависть к немцам побуждала его смотреть на источники сквозь призу национального шовинизма, и потому в его толковании источников много фантазии, много выводов и наблюдений, вызывающих только улыбку. Главные мысли, положенные в основу его труда, это идея единства славянских народов, основанного на единстве славянской мифологии, а также отрицание призвания варягов из Скандинавии. Для Ломоносова варяги— это выходцы из Славянского Поморья. Свою мысль он пытался обставить всякого рода филологическими доказательствами, но следует признать его доводы необоснованными и потому мало убедительными. Но в то же время нельзя не

признать заслуги Ломоносова в том, что он поставил вопрос о варягах в качестве очередного вопроса исторической науки. Последняя неоднократно будет к нему возвращаться и между норманистами и их противниками не раз будут происходит горячие научные схватки.

Видным представителем исторической науки является кн. М. М. Щербатов, (1733—1790), ставший историком исключительно вследствие своей любознательности, не будучи подготовленным к научным историческим занятиям. Кн. Щербатову нельзя отказать в значительном общем историко-философском образовании. Ему хорошо знакомы корифеи просвещения XVIII в., Монтескье, Вольтер, Беккария, от которых он постоянно отправляется в своих исторических произведениях. Щербатов—видный политический деятель Екатерининского царствования, страстный защитник социальных и экономических привилегий дворянства, большой поклонник аристократического начала в государственном управлении. Обратившись к занятиям русской историей кн. Щербатов был поставлен в значительно лучшие условия в сравнении со своими предшественниками благодаря большему количеству как русских, так и иностранных источников. Кроме того, в распоряжении Щербатова находились и государственные архивы. В отношении источников положение Щербатова было благоприятнее, чем Татищева только начавшего собирать их. В результате многолетних трудов (1770—1790) кн. Щербатов написал Историю России в 5 т. и 15 частях, доведя свой раскаэ до 1610 г. На философско-исторические взгляды кн. Щербатова оказала большое влияние западноевропейская просветительная литература. Для него исторический рассказ должен быть прагматическим. Всякое историческое явление имеет свое собственное объяснение. Главным фактором исторического процесса является человеческая личность, которая может направлять ход исторических событий в желательную сторону. Стремясь дать своему изложению строго прагматический характер, а каждому явлению индивидуально-рационалистическое толкование, кн. Щербатов часто в своих объяснениях бывает курьезен до крайности: так, сватовство Константина Багрянородного к кн. Ольге Щербатов объ-

ясняет желанием императора вступить в союз с Россией; покорение Руси татарами объясняется чрезмерным развитием аскетического начала в древне-русской жизни. Являясь историком прагматистом, кн. Щербатов видит в истории „науку причин“, выясняющую внутреннюю связь явлений. И историк, думает Щербатов, изображает последствия деяний в их естественном порядке, восходит до тайных пружин и причин сокровенных и выводит их отдаленнейшие следствия. „Она—обильнейшая есть в полезных наставлениях, понеже она единая чинит нас властелинами приключений и дает нам некоторую власть над будущими временами“. И в своем отношении к источникам Щербатов ушел значительно вперед от предшественников. Его рассказ всегда основывается на источниках, снабжен ссылками на них и в качестве приложений дает материалы. Но в то же время Щербатов не пытается составлять рассказ на основании всех источников, имеющихся в его распоряжении. Обыкновенно, он в основу кладет какой либо один источник, который по своему пересказывает и объясняет. Наконец, для Щербатова сущность русской истории заключается в развитии государственности и самодержавной власти, основы ее величия. Российская история началась с самодержавия варягов. Затем с XII в. наступает раздробление государства и его ослабление. С Ивана III начинается снова рост самодержавной власти, и вместе с тем усиливается значение и величие государства. Эта схема, положенная в основу взгляда на сущность русского исторического развития, заимствована у Татищева. История кн. Щербатова, конечно, большой шаг вперед по сравнению с предыдущими исследованиями русского прошлого, но нельзя не отметить, что приступая к составлению истории, Щербатов был мало осведомлен в вспомогательных науках, в частности в географии. Только благодаря полному незнанию последней, Щербатов слово „вятичи“ производил от Вятки, а также перепутывал разные исторические события, происходившие в одном месте; он относил их к другому месту, только на основании случайного терминологического совпадения, которое вследствие скудости географических знаний не умел различить.

Таким же любителем истории был И. Н. Болтин, генерал в отставке. (1735—1792). В 1784 г. Леклерк выпустил в Париже большой труд под заглавием Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne, написанный в тоне, враждебном к России и представляющий прошлое и настоящее России в резко отрицательном освещении. Леклерк отчасти знал Россию, так как был домашним врачем гетмана Кирилла Разумовского. Задумывая писать русскую историю, он собирал выписки из разных источников, главным образом, из архива Коллегии Иностранных Дел, беседовал с Щербатовым и получил от него ряд указаний; он пользовался Опытом исторического словаря о российских писателях Новикова и хорошо ознакомился с трудом Левека, написанным на основании истории кн. Щербатова. Рассказ Леклерка весьма пристрастен. Для автора иностранца „Россия — страна невежества и деспотизма; народ пребывает в состоянии варварства и суеверия". Такой взгляд на прошлое России затронул Болтина, ставшего писать по мере чтения возражения на него. Попутно ему пришлось задеть и Щербатова, который ему отвечал, что вызвало со стороны Болтина пространный ответ, подвергавший историю Щербатова обстоятельному критическому разбору. (Ответ ген. М. Болтина на письмо Щербатова, сочинителя Российской истории. Спб., 1789). Статьи по поводу Щербатова и „Примечания на историю древния и нынешния Россия г. Леклерка". Спб. 1788, 2 тома, позволяют составить полное и отчетливое представление о Болтине, как историке. В своих работах Болтин обнаруживает прежде всего знакомство, и при том вполне основательное, со всеми известными тогда работами и источниками по русской истории. Последними Болтин пользуется несколько по иному по сравнению с его предшественниками, в особенности кн. Щербатовым. Болтин изучает источники и оценивает критически их. Он не следует какому либо одному источнику, но пользуется всей их совокупностью, исследует интересующий его исторический вопрос, располагая материалом во всей полноте. В этом отношении Болтин безконечно выше кн. Щербатова с его довольно кустарным способом использования известных ему

источников. Болтин проводит резкую границу между летописью и историей. Приличное для летописи может быть „непристойным“ для истории, на что историк, конечно, должен обратить внимание. Историк должен быть хорошо осведомлен в своем предмете, в знании источников и уменьи ими пользоваться, для чего требуется знакомство и с некоторыми вспомогательными науками, напр. географией. Разбирая Щербатова, он блестяще доказывает, к чему приводит невежество автора в географиии (Вятичи от Вятки; смешение Владимира Волынского и Суздальского, Переяславля южного и северного, Поросье и Порусь, Литвы с Польшей и т. д.). Историк, пишущий историю какого либо народа, должен обнаруживать „избрание приличных веществ, точность, беспристрастность в повествованиях, цельность и важность в рассуждениях, ясность и чистоту в слоге“. „Историк не должен закрывать или превращать истину событий по пристрастию к своему отечеству, к родственникам, к друзьям своим, но всегда и про своих и всех говорить правду без всякого лицеприятия“. Философско-исторические взгляды Болтина складывались под непосредственным влиянием западноевропейской литературы. Под влиянием словаря Бейля (Dictionnaire historique et critique) он проводит границу между областью веры и знания, защищает свободу исследования, относится отрицательно ко всему чудесному в истории. Вольтер своим „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations“ учил Болтина терпимости и заставлял верить в право и всемогущество человеческого разума. Дух Законов Монтескье заставил Болтина придать большое значение в истории влиянию климата, хотя он и не признает это значение универсальным. Болтин считает невозможным отрицать действие и влияние других „соответствующих причин“. Западноевропейские философско-исторические сочинения не только оказали большое влияние на выработку его теоретических взглядов, но давали ему также значительный культурно-исторический материал для сравнительной оценки явлений и фактов русской истории, которую он часто делает, противопоставляя одни явления другим.

Историки до Болтина изучали главным образом историю русской государственности. Болтин обращает внимание на изучение внутренней истории и в своих примечаниях сообщает множество необходимых для ее понимания фактов, в особенности из истории крестьянства. Он считает нужным при изучении истории народа отправляться от достоверных фактов, отбросив всякие легенды и сказания. Поэтому начало русской монархии он ведет от Рюрика. В противоположность Леклерку Болтин отстаивает славянскую древнюю цивилизацию и протестует против его одностороннего освещения. Сравнительно-историческая точка зрения позволяет Болтину смело настаивать на своем мнении. Бросая взгляд на прошлое России, он доказывает, что русский народ вплоть до нашествия татар был вольным, указывает на значительное развите правосознания в древнерусском обществе, отмечает незначительность влияния татар на русских, склоняется к признанию существования феодализма в России, придает огромное значение колонизации в процессе образования государства, старается дать объективную характеристику разных исторических лиц, напр. Дмитрия Донского. При оценке русского единодержавия Болтин становится на сравнительно-историческую точку зрения и доказывает, что Русь имела одного тирана, Запад же нескольких. Словом, по мнению Болтина, недостатки русских не являются врожденными, но зависят от степени культурного развития, как и у всякого другого народа. Подтверждение своих взглядов он находит в сравнительно-историческом изучении явлений и фактов западноевропейской и русской истории.

3. Н. М. Карамзин.

(1766—1826).

Историография XVIII в. несомненно обнаруживает значительное движение вперед русской исторической науки, хотя она и носит еще кустарный, домашний характер. Правда, историческое знание не особенно ценилось в России XVIII в., и собственно русская история была мало известна тогдаш-

нему образованному обществу. В начале XIX в. в дворянских кругах стал проявляться повышенный интерес к русской истории. Прошлым России интересовались и представители консервативной мысли, и представители либеральных взглядов. Но и те и другие не могли удовлетворить свои умственные запросы, так как под руками не имелось книги, которая могла бы ответить требованиям изысканного вкуса тогдашнего читателя и которая отвечала бы его политическому настроению. Н. М. Карамзин, ставший историографом и давший Историю Государства Российского вполне удовлетворил историческую любознательность тогдашнего дворянства. Однако его История вызвала массу самых разнообразных нападок со стороны всех недовольных его произведением. Карамзин стал заниматься русской историей только с 1803 г., когда ему было уже 37 лет, хотя по роду своей прежней художественно-литературной деятельности он был очень далек от тех научных интересов, которые стали его привлекать с тех пор, как он превратился в придворного историографа с окладом в 2 тысячи рублей.

Работа Карамзина подвигалась вперед поразительно быстро. В 1816 г. уже вышли в свет первые 8 томов его истории, а к 1824 году было выпущено 11 томов. Последний том, 12-й, вышел в 1829 г., уже после смерти автора. Быстрота работы, по мнению П. Н. Милюкова, удивительная. История обрывается на 1612 г.; она снабжена ссылками на источники и примечаниями в виде разного рода выписок из летописей, хроник, и актов, причем некоторые документы приводятся целиком. Дополнением к основному труду Карамзина является Записка о древней и новой России, весьма отчетливо представляющая сущность его философско-исторических взглядов и превосходно объясняющая как успех Карамзина, так и интерес к его многотомному произведению. Карамзин не указывает на своих предшественников, он только критикует их. Между тем он широко пользуется Шлецером и Щербатовым, которого обыкновенно литературно перерабатывает, и тем самым неуклюжую Щербатовскую речь заменяет своим изящным слогом. Эта зависимость от Щербатова была указана еще С. М. Соловьевым и блестяще и обстоятельно раз-

вита П. Н. Милюковым в книге Главные течения русской исторической мысли, том I. Эта же зависимость объясняет эту быстроту, с какой Карамзин, не будучи специально подготовленным для занятий историческими науками писал свой труд. Свои мнимые собственные научные изыскания Карамзин старался основать на новом историческом материале, который он обильно вводит в свое сочинение тем более, что к его времени и русских и иностранных источников накопилось значительно больше в сравнении с временем Щербатова. Наконец, и самому Карамзину посчастливилось найти полные списки летописей, в частности Ипатьевской. Широко воспользовался Карамзин Синодальной библиотекой, Архивом Минист. Иностранных Дел, рукописями Синодальной библиотеки, Иосифова и Троицкого Сергиева монастыря и записками иностранцев. Это позволило ему проверить и обновить некоторые суждения Щербатова.

И в своем вгляде на общий ход русской истории Карамзин связан с XVIII в. Он только более отчетливо, более ясно формулирует схему, которую можно было найти в трудах Татищева, Ломоносова и Щербатова. Карамзин дает историю государства российского, история же народа его не интересует. Он мало ее знает, и пренебрегает ею. Примечания Болтина в этом отношении на Карамзина не оказали никакого влияния. Для него отечество наше обязано величием своим счастливому времени монархической власти, деление же на уделы было виной всех бедствий России. Будучи раздроблена на мелкие части, она утратила силу, блеск и гражданское счастье. Возвышение Москвы и рост власти московских государей были источником нового величия государства. Зависимость величия и роста государства от самодержавия положена в основу его исторического памфлета Записка о древней и новой России. В самодержавии—счастье России. Таков историко-политический вывод, к которому пришел Карамзин, для чего ему пришлось установить преемственную связь между киевской и московской государственной властью, основываясь на соответствующих заявлениях московских государей и разного рода политических повестях

и сказаниях. Эта официальная схема была выработана еще в половине XVI в.

Таков взгляд Карамзина на общий ход русской истории. Он формулирован ясно, отчетливо и литературно, чего не доставало исторической литературе XVIII в. И в своих философско-исторических взглядах Карамзин с его рационализмом и взглядом на историю, как на полезность в моральном отношении, всецело стоит на точке зрения историков XVIII в. Он широко воспользовался трудами своих предшественников, обновил и значительно пополнил источники, придал бо́льшую отчетливость философско-историческому взгляду на ход русской истории и литературно изложил историю государства, которую он отождествляет с представителями и держателями верховной власти. Карамзин подвел итоги работе исторической мысли в XVIII в. В этом его главная заслуга и значение, новой эпохи его сочинение не открывает.

4. Противники Карамзина. Скептическая школа. Н. А. Полевой.

История государства Российского Карамзина была встречена представителями господствующего сословия весьма сочувственно. Сентиментально-патриотический тон изложения, резко выраженные охранительные политические взгляды обеспечили сочувственный прием его историческому труду. Но рядом с этим в обществе и среди представителей исторического знания намечалось резко-отрицательное отношение к Истории Карамзина, подрывались его основные выводы и предпринимались попытки несколько иного построения русской истории.

Методология исторической науки в том виде, как она была представлена на Западе, была мало знакома Карамзину и мало интересовала его. Критическое направление в исторической науке прошло мимо автора История Государства Российского. Даже Шлецер, впервые отнесшийся с недоверием к данным о существовании в древнее время просвещения, металлической монеты и разных письменных памятников, не вызвал в Карамзине более глубокого и кри-

тического отношения к источникам. Однако, для русской исторической науки, представленной М. Т. Каченовским (1775—1842), западноевропейский исторический критицизм не прошел бесследно. Окончивший курс в Харьковском Коллегиуме Каченовский, находясь на службе у попечителя Московского учебного округа, был назначен профессором Московского университета. В течение 1825—1830 гг. Каченовский издавал журнал Вестник Европы, в котором и поместил первые свои статьи по русской истории. В своих философско-исторических взглядах на задачи истории Каченовский резко расходился с Карамзиным. Историк должен отличаться беспристрастием. Описание разных событий и исторических лиц не должно преломляться сквозь призму любви к отечеству, что является долгом гражданина. С другой стороны, идя по следам историков критического направления в западноевропейской историографии, напр., Шлецера, Каченовский относился с большим недоверием к основным источникам древнерусской истории, отрицая самую возможность их появления при тогдашнем культурном состоянии народа. Отрицательное отношение к памятникам древне-русской истории заметно усилилось и стало смелее под влиянием критического анализа Тита Ливия, произведенного Нибуром. Каченовский отрицательно относится к Начальной Летописи и считает ее памятником более позднего происхождения, на котором никоим образом нельзя основывать выводы относительно древнейшей русской истории. Кроме того в Летопись попала масса известий, заимствованных из иностранных хроник, о фактах, которые до сих пор по недоразумению считались достоверными. Договоры Олега и Игоря с греками не являются подлинниками, да и существование таковых более, чем сомнительно, так как оно не согласуется с внутренней достоверностью истории и общими законами исторического развития. Юридический сборник Русская Правда — памятник более позднего происхождения, возникший не в Новгородской, а в Южной Галицкой Руси, притом испытавший на себе влияние Норманских Правд. Отрицание главных источников древнерусской истории привело Каченовского к мысли о признании недостоверным всего этого периода в том виде, как

он был изображен Карамзиным. За отсутствием же источников новая конструкция древнерусской истории является невозможной. Последняя мысль нашла вполне отчетливое выражение в статье О достоверности русской истории (1833).

Критические статьи Каченовского положили начало так называемой скептической школе в русской историографии и имели огромное влияние на развитие исторических взглядов студентов, побуждая их к более строгому и осторожному отношению к источникам. Отсутствие у Каченовского панегирического тона при анализе прошлого России оказывало большое влияние на научное мышление всех его учеников. Отрицая достоверность источников древне-русской истории, Каченовский придавал первостепенное значение правительственным оффициальным документам, как основным источникам для познания прошлого русского народа. В 1835 г. Каченовский был вынужден оставить Московский Университет, так как его непатриотические лекции не подходили для времени Николая I. Выводы и наблюдения главы скептической школы во многом отличались чрезмерной крайностью. Это показало дальнейшее критико-аналитическое отношение к источникам, но, конечно, это не исключает признания за Каченовским и его методом огромного научного значения. Через скептицизм Каченовского в русскую историческую науку проникали метод и направления исторической науки, принятые на Западе, что, конечно, должно было оказать огромное влияние на дальнейшее движение русской исторической науки.

Другой представитель скептической школы Н. А. Полевой (1796—1846) хотел пойти несколько далее Каченовского. Он задумал дать Историю русского народа в противоположность Истории Государства Российского, к которой он относился в высшей степени строго. Помещая в издаваемом им журнале „Московский Телеграф“ свои критические статьи, посвященные истории Карамзина, Полевой считает труд последнего не имеющим никакой исторической ценности, крайне искусственно построенным и устаревшим по методологическим приемам и философско-историческим взглядам вообще, и в частности по взглядам на задачи и цели исторического

знания. Вслед за скептиками Полевой требует от истории правдивости и объективности в отношении к историческому прошлому.

Являясь представителем скептической школы, Полевой в то же время во многом не сходится с ее главой. Купеческий сын, не получивший систематического образования, поверхностно усвоил „скептизм западноевропейской историографии“, познакомился со взглядами новой школы на сущность исторического процесса, но не прошел хорошей исторической школы, что заставляет Полевого с большим доверием отнестись к тем самым фактам русской истории, которые Каченовский признавал абсолютно недостоверными. Философско-исторические взгляды Полевого являются отражением соответствующего философского направления в западноевропейской историографии. История, по мысли Полевого, есть ничто иное как выявляющееся в отдельных событиях отражение жизни человечества и ее мировых законов. Поэтому история „не есть складно написанная летопись времен минувших. Она—практическая проверка философских понятий о мире и человечестве. История изображает ход человечества, общественность, нравы, понятия каждого века и народа, выводит производившие и производящие причины“. История—процесс закономерный. Каждый народ повторяет в своей истории определенные исторические моменты. Русскую историю нельзя рассматривать отдельно, но непременно сравнительно с историей других народов, исходя из представления о закономерности исторического процесса. В 1829—1833 г.г. Полевой стал выпускать свою Историю русского народа в 6 томах, доведенную до времен Грозного. Параллелизм явлений русской исторической жизни и Запада, на что постоянно указывал Полевой, является его основным методологическим приемом. Впрочем, параллелизм исторических явлений позволяет Полевому отрицать как особенность России сравнительно с Западом, так и специфически свойственную ей всемирно-историческую роль, которая заключается „во внесении духа в Европу“.

История русского народа есть постепенный органический процесс. Главной идеей в его жизни является развитие еди-

новластия и образование самобытного государства в эпоху роста Москвы и подчинение последней северо-восточной Руси.

Появление варягов Полевой не считает моментом возникновения государства. Завоевание Руси норманнами привело к развитию норманнского феодализма на принципе родового старшинства, который в своей постепенной эволюции перешел в семейный. Разложение Руси на отдельные феодальные владения привело к монгольскому игу, которое в свою очередь способствовало образованию государства. Такова схема исторического развития России, аналогичная истории западноевропейских народов. Но в то же время существует и разница. Русь приняла христианство из Византии, находившейся в упадке, благодаря чему нам не была передана классическая культура. Отсутствием последней объясняются многие явления в историческом прошлом народа. Исторический труд Полевого не есть история русского народа в собственном смысле слова. История Полевого—по существу также история образования русской государственности в ее исторической видоизменяемости под неуклонным воздействием тех или других исторических явлений и событий. В этом и заключается главная заслуга Полевого. Во всем остальном Полевой не имеет никакого значения. Весь фактический материал взят им у Карамзина, хотя труд Полевого ничто иное, как ответ Карамзину в виде попытки представить несколько иную схему исторического развития России и притом преломленную сквозь призму определенного философско-исторического направления.

5. Противники скептиков.

М. П. Погодин (1800—1875).

Скептическое направление в историографии вызывало в правительственных и консервативных общественных кругах отрицательное отношение; но временно, за отсутствием специалистов-ученых, могущих опровергнуть выводы школы Каченовского, приходилось считаться с научной критикой

основных русских источников, хотя бы эта критика приводила к отрицанию достоверности самих источников. Необходимость опровергнуть выводы и наблюдения скептической школы была очевидна в эпоху торжества оффициальной народности и в высокой степени оптимистического оффициального взгляда на прошлое, настоящее и будущее русского народа.

М. П. Погодин, бывший некоторое время профессором истории в Московском университете, поставил себе задачей защиту русской истории против выводов и наблюдений скептической школы. Научная деятельность Погодина началась с появления работы О происхождении Руси (1825), в которой автор выступил защитником норманнского происхождения варяго-руссов. Впоследствии Погодин доказывал значительное влияние норманнов на государственное устройство, обычаи и нравы славян и потому находил возможным весь период южно-русской истории от призвания князей до смерти Ярослава I назвать норманским. В своих многочисленных заметках и статьях Погодин выступил защитником достоверности главных источников древне-русской истории. В ряде статей, посвященных Нестору, Погодин, не отрицая легендарных вставок в летописи, считает ее достоверным источником, от которого исследователь древне-русской жизни должен отправляться. После оставления университетской кафедры (1845), Погодин собрал воедино все свои работы по русской истории и издал их под заглавием Исследования, лекции и замечания М. П. Погодина о русской истории (1846—1859), в 7 томах. Так называемый математический метод Погодина отличается большой примитивностью. Погодин выписывает из источников параллельные места и сопоставляет одно с другим, не делая никаких обобщающих выводов. Но вместе с тем такие выписки и сопоставления делают его Исследования настольной книгой для всякого, кто занимается древне-русской историей. Погодин занимался главным образом древним периодом русской истории; к другим историческим вопросам он возращался в своих публицистических статьях и заметках, в которых и раскрываются вполне отчетливо его философско-исторические взгляды.

Взгляд Погодина на древнейший период весьма близок к схеме Карамзина, и самая сущность русской истории для него заключается в развитии государственности. Не даром ее возникновение Погодин связывает с появлением норманнов на территории Новгородской Руси. Впрочем в удельном периоде эта государственность подвергалась всяким случайностям. Конечно, при таком взгляде на ход исторического развития идея закономерности исторического процесса совершенно стушевывается. Патриотические напыщенные чувства, оффициальность исторических лозунгов помешали Погодину превратиться в объективного историка. Не даром ему приходится не раз повторять, что ни в одной истории нет столько чудесного, и что Провидение в особенности руководит русской историей. Погодин восторгается огромными размерами территории, ее населенностью, разноплеменностью. Он спрашивает, „что есть невозможного для русского государства? Одно слово—и целая империя не существует, одно слово—стерта с лица земли другая, слово—и вместо них возникает третья от восточного океана до Адриатического моря“. Погодин верит в всемирноисторическую роль России. „Будущая судьба мира зависит от России“. Исторические судьбы России противоположны историческим судьбам Запада. Начало европейских государств есть завоевание, начало русского—добровольное притяжение. От этих начал зависит и дальнейшее развитие Востока и Запада. Под воздействием славянофилов Погодин указывает, что сущность исторического прошлого России—„любовь и единение“, тогда как в Европе—„вражда и рознь“. В сохранении этих основных начал он видит сущность исторического процесса. Замена „вражды и розни“ „любовью и единением“ возможна только при участии России. В этом выражается ее всемирно-историческая роль: Россия в своей истории выступает в качестве „охранительницы и блюстительницы общественного спокойствия“. Философия истории Погодина сводилась к оправданию охранительной внешней и реакционной внутренней политики в России, ибо „православие, самодержавие и народность“ являются основой „любви и единения в России“. Значение Погодина не в его философско-историческом мировоззрении,

проникнутом охранительными тенденциями. В этом отношении Погодин был не особенно удачлив, и его услужливое перо не могло склонить общественное мнение на сторону правительства. Главная заслуга Погодина—это борьба с выводами скептиков и защита достоверности древне-русских источников. В этом вопросе Погодиным сделано много. Отправляясь от него, исследователи и ученые могли итти далее в том же направлении. Его исследования укрепили достоверность древне-русской истории.

6. Немецкая историческая школа.

Г. Эверс. Ф. Рейц.

Профессор русской истории в Дерптском университете Г. Эверс (1781—1330) является родоначальником теории родового быта. Заговорив впервые о родовом быте в древней Руси, Эверс предпринял первую попытку объяснить русскую историю с точки зрения внутреннего развития. Родовые начала постепенно сменяются государственными, правда находившимися еще в зачаточном виде и в значительной степени еще зависящими от родовых связей и отношений. Князь является не столько правителем в собственном смысле слова, сколько родоначальником рода или семьи. Самый способ владения имел родовой характер. Оставшееся имущество поступает во владение всех детей при главенстве старшего над младшими. Всех этих вопросов Эверс касался в своих исторических и историко-юридических работах: Geschichte der Russen (1816), доведенной до Ивана IV, Vom Ursprunge des Russichen Staats (1808), Kritische Vorarbeit zur Geschichte der Russen (1819), Das aelteste Recht der Russen (1826), переведенное в 1835 г. на русский язык под заглавием Древнейшее русское право в историческом его раскрытии.

Говоря о начале русского государства, Эверс в противоположность немецким историкам XVIII века отказывается видеть в призвании варягов генезис русского государства. Эверс считает, что народы, призвавшие Рюрика и его братьев, до призвания составляли союз и управлялись потом сами

собой, когда варяги были изгнаны восставшими гражданами во главе с Вадимом. Кроме того, Эверс считает норманнами только варягов. Русь же — это отдельное племя, жившее раньше между Каспийским и Черным морями. Аскольда и Дира Эверс считает венграми. Наконец, в IX в. киевские поляне платили дань хозарам, так как находились от них в зависимости. Аскольд и Дир были данниками хозар. В древнейшем русском праве Эверс отмечает влияние русских обычаев и нравов и в то же время указывает на проникновение в памятники права, преимущественно церковного, более утонченного византийского права. Давая перевод и анализ Русской Правды, Эверс юридические аналогии объясняет тем, что у всех древних народов в период их гражданственности право совершенно сходно в главных своих чертах.

Продолжателем и учеником Эверса был Ф. Рейц (1799—1862). В 1829 г. им было выпущено сочинение под заглавием Versuch ueber die geschichtliche Ausbildung des russischen Staats und Rechtsverfassung, которое в 1836 году было переведено проф. Морошкиным на русский язык под заглавием Опыт истории российских государственных и гражданских законов. Развитие государственного начала из семейно-родовых отношений—вот основная мысль Рейца, положенная им в основу его Опыта, представлявшего первую попытку дать историю русского права в систематическом виде. Говоря о первоначальном характере славянского законодательства, Рейц отказывается видеть в нем только отражение одних германских начал. Тобин (1811—1866), также профессор Дерптского университета, продолжал заниматься историей русского права, работая преимущественно над его источниками. Его главный труд — Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechts (1844). Наконец, барон Розенкампф (1762—1832) в своем труде Обозрение кормчей книги в историческом виде (1829) пытался выяснить значение византийского права в русском праве, вопрос, которого Эверс и Рейц коснулись только отчасти и поверхностно.

7. Славянская школа.

Ю. Венелин и его продолжатели.

Отечественные и иностранные норманисты задевали патриотические чувства русских, рисовавших себе древне-русский быт в несколько прикрашенном виде. На почве борьбы с норманизмом создалась целая школа, сильная своим национально-патриотическим шовинизмом, но весьма далекая от настоящей науки. Сторонники славянской школы от крайностей норманнской школы бросились в другую крайность, т. е. везде и всюду видели славян, считали варягов-руссов славянами и указывали на большое влияние славянского элемента в великом переселении народов. Главная слабость этой славянской школы — отсутствие лингвистических знаний и нежелание оперировать теми методами, которыми руководились русские и иностранные норманисты.

Представители славянской школы в лице Ю. Венелина (1802—1832), австрийского славянина по происхождению, вносили в историческую науку много политического возбуждения и национальной ненависти славян к немцам. Это обстоятельство затемняло их сознание и делало их крайне пристрастными к выводам немецких ученых. Сочинения Венелина—часто сплошная фантазия. Венелин видит, ищет и находит славян там, где их никогда не было. Его филологические разсуждения вызывают только одную улыбку со стороны современного исследователя. Они наивны до детскости. Самому Венелину его наивность кажется верхом учености, побивающей немцев. У Венелина и его сторонников много задора, смелости, но нет знания, нет метода. Их борьба с норманистами — это покушение с негодными средствами. Единственное их значение в том, что норманизм они взяли под подозрение. Они с скептицизмом патриотов, отчасти исследователей, отнеслись к непреложным выводам немцев. Они поставили вопрос, и в этом единственная их заслуга. К поставленному ими вопросу еще возвратятся представители антинорманизма и с большой го-

рячностью будут продолжать борьбу с немецкими учеными, сильными не столько своими выводами, сколько научным методом.

К более поздним представителям славянской школы принадлежит Д. И. Иловайский (1832—1920), автор ряда статей о происхождении Руси, объединенных впоследствии в одном исследовании: Разыскания о начале Руси (1876). Выступая решительным противником норманизма в решении варяго-русского вопроса, Иловайский был сторонником теории туземного происхождения Руси. Кроме того, Иловайский выступил с теорией, не получившей признания в исторической науке, о существовании особой приазовской Руси. С другой стороны, Иловайский примыкал к скептической школе, отвергая достоверность древнейших летописных известий. Свой скептицизм Иловайский применил при составлении первого тома своей Истории России, т. 1 (1876). К славянской школе примыкал и И. Е. Забелин (1820—1913), доказывавший в своей Истории русской жизни с древнейших времен (1871—1879) происхождение варягов из балтийских славян.

8. Историко-юридическая школа.

Философия Гегеля и ее влияние на историческую мысль С. М. Соловьева. К. Д. Кавелин. Б. Н. Чичерин. А. Н. Никитский.

Историческая мысль в России получила значительный толчек к дальнейшему развитию от немецкой идеалистической философии в лице Гегеля. Философия истории Гегеля отличается большой простотой; в то же время своей отчетливостью она оказывала сильное влияние на современников. Для Гегеля сущность исторического процесса заключается в постоянном движении и развитии мирового разума Абсолютного Духа. Вся история человечества—только отдельные моменты в движении Абсолютного Духа, который непрерывно стремится к познанию самого себя, освобожденного от материальных определений. Развитие Абсолютного Духа ведет от „бытия вне себя“ „к бытию в себе“. Тот или другой мо-

мент исторического роста культуры народа является только известной стадией в развитии Абсолютного Духа, Однако, не все народы представляют этапы в этом развитии. Они делятся на две группы: на исторические и неисторические. К первым относятся только те, в которых проявлялся Абсолютный Дух. Народы же, оставшиеся вне движения мирового разума, и в частности славяне, являются неисторическими. Только восприятие последними германо-романской культуры может ввести их в среду исторических народов, и чем скорее они станут на этот путь, тем для них будет лучше. Раз исторический процесс есть отражение движения Абсолютного Духа к самораскрытию, то любой момент получает свое логическое оправдание, как один из этапов в этом непрерывном движении, что с наибольшей полнотой осуществимо только в государстве, которое и представляет для Гегеля ничто иное, как проявившийся Дух. Исторические судьбы народа находят наиболее ясное и полное отражение в государстве. Создателями последнего являются те или другие исторические лица, носители и выразители определенных государственно-правовых идей. Историк должен изучить идеи и их отражения в праве и государстве. Народная масса сама по себе не имеет никакого исторического значения, она только орудие в руках исторических деятелей. Исторический процесс отнюдь нельзя рассматривать как прямолинейное движение Абсолютного Духа по пути к самопознанию.

В этом движении отчетливо выступает диалектический процесс, свойственный формальной логике. Известное положение, тезис, вызывает в нашем сознании антитезис, противоположение, и только тогда можно притти к логически верному выводу — синтезу. Раз история человечества представляет этапы в развитии Абсолютного Духа, то история каждого народа—не случайное сцепление и соединение разного рода исторических явлений и фактов, а закономерный процесс, благодаря которому совершается развитие народного организма. Философско-исторические взгляды Гегеля оказали большое влияние и на историческую мысль в России. Исторический процесс, рассмотренный сквозь призму Гегелевской теории движения, получал совсем иное освещение. Оказы-

валось, что и в русской истории можно было подметить постепенное изменение государственных и общественных форм, в чем и заключалась сущность исторического процесса.

Философско-исторические построения Гегеля оказали огромное методологическое влияние на С. М. Соловьева (1820—1879), ознакомившегося с германской исторической наукой во время своей заграничной командировки. По возвращении из заграницы Соловьев занял кафедру русской истории в Московском университете. Соловьев—крайне плодовитый писатель. Он писал много и по русской и по всеобщей истории, интересовался движением русской исторической мысли, а также и методологией исторической науки. Соловьев был фактическим учеником Погодина и духовным учеником Карамзина. От первого он заимствовал норманизм и положительные его выводы относительно источников по древне-русской истории, от второго он усвоил представление, подкрепленное философско-исторической схемой Гегеля, о том, что сущность русского исторического процесса заключается в образовании государства. Германская наука в лице своих видных представителей давала Соловьеву образцы работ, показательных в методологическом отношении, которые формальным образом, конечно, оказали на Соловьева огромное положительное влияние. Рядом с этим и Полевой оказался не безполезен для Соловьева. Идея постепенности образования государства, и при том сравнительно позднего, была высказана Полевым и получила полное объяснение у Соловьева. Равным образом, мысли Полевого на задачи и сущность истории, и на необходимость изучения русской истории в сравнительно-историческом освещении не прошли безследно для Соловьева. Свои взгляды он высказывал в разных исторических статьях, но полное раскрытие они получили в его Истории России с древнейших времен.

Для Соловьева история есть наука народного самопознания. Народ есть живой организм, постепенно развивающийся и находящий наиболее полное и отчетливое выражение в государстве, так как только в последнем народ заявляет свое историческое существование, свою способность к исторической жизни. Но народ сам по себе не является субъектом исторического

процесса. История не может иметь дела с народными массами, она имеет дело только с представителями народа в какой бы форме ни выражалось это представительство. Духовные факторы являются основными двигателями исторического процесса. Народ, погруженный в материальные интересы, обрекается на гибель и вырождение. Носителем идей и их выразителем является личность в лице монархов и государей. Внешним образом на исторический процесс оказывают влияние географические условия страны, климат, почва, которые придают своеобразие русской истории, часто столь не похожей на западноевропейскую.

Началом, которое легло в основу дальнейшего развития, является начало родовое. В первые времена русской истории, родовые отношения представляют основной факт, определявший общественные и политические формы народной жизни. Родовые отношения в процессе развития постепенно разлагаются. В результате разложения наступает победа государственного начала. Родовые связи и отношения не допускают существования личности вне рода, который поглощает и прикрывает собою личность. На родовом принципе строились и отношения между князьями. На почве разрушения родового принципа происходят между князьями постоянные усобицы, путавшие родовые связи и отношения. Появление в северо-восточной Руси новых городов, созданных княжеской властью, привело к распадению рода на отдельные семьи. Наконец, из княжеских семей выделяется семья московского князя, которая собирает отдельные княжества в одно целое и закладывает фундамент для государственного начала, которое получило наиболее резкое и отчетливое выявление в политической деятельности Ивана III и Ивана IV. Образование государства не сразу победило антигосударственные начала. Борьба этих двух начал все время продолжала итти в обществе. Правительству, как носителю государственного начала, приходилось принимать меры к централизации власти и организации сословий в интересах и целях государства. Смутное время—результат борьбы этих двух противоположных начал, оно есть следствие временного ослабления государствености в русской жизни. Смута кончается победой го-

сударственного начала. Русская государственность нашла полное отражение в XVII в., но все же начала противоположные в ней еще не угасли окончательно.

Односторонность русского быта отчетливо стала чувствоваться уже в XVII в., но выразителем этой идеи, и ее исполнителем явился Петр Великий, вождь русского народа, осуществивший в стране радикальные реформы и укрепивший еще полнее русскую государственность, дав ей теоретическое обоснование, руководясь при этом западноевропейскими политическими мыслителями. Реформа Петра была весьма благодетельной для народа, но в XVIII в. преемники и преемницы Петра Великого неоднократно отступали от оснований реформы, внося смуту в государство и подрывая самую идею государственности. В лице Елизаветы и Екатерины II Россия опять получила достойных представителей власти, совершенно определенно ставших на путь, предуказанный еще Петром. Наконец, при Екатерине II благодаря разделам Польши окончательно завершается процесс национально-территориального объединения Руси.

Такова схема Соловьева. Итак, исторический процесс идет сверху. Власть в лице отдельных ее представителей является организующей силой, ведущей постоянную борьбу со всякими антигосударственными началами. Строя свою схему исторического процесса, Соловьев по существу возвращался к схеме Карамзина, но только давал последней несколько иное освещение и объяснение. Развивая эту схему, Соловьев высказал множество интересных взглядов, которые оказали большое влияние на исследователей. Соловьев первый указал на огромное значение колонизационного процесса в истории образования государства, на отличие северо-восточной Руси от южной, на единство Руси Киевской и северо-восточной. Главные работы Соловьева: Об отношениях Новгорода к великим князьям (1845), История родовых отношений между русскими и князьями Рюрикова дома (1847), История с древнейших времен (в 25 томах), написанная в большей своей части на основании огромного материала, извлеченного автором из московских архивохранилищ.

К Соловьеву близко примыкает историк-юрист К. Д. Кавелин (1818—1865). В начале господствуют родовые отношения. Личность поглощается родом; существует общая собственность. Выделение из рода мыслящих единиц, лиц, приводит к образованию семьи и торжеству семейного начала в общественных и политических отношениях. Этот процесс развивается естественно, а не вследствие случайного факта построения новых городов. Развивается частная собственность. Наконец, личность находит полное завершение в государстве. В истории во всем видна постепенность. Все делается к лучшему. Сама история — „источник и зеркало народного самосознания". (Взгляды на юридический быт древней России, Сочинения, т. I).

Б. Н. Чичерин (1828—1903) также является сторонником историко-юридической школы, однако, с некоторым отклонением от выводов и наблюдений и Соловьева, и Кавелина. Главная работа Чичерина, в которой с наибольшей отчетливостью отразились его философско-исторические взгляды— это Областные учреждения в Московском государстве XVII в., вышедшая в 1857 г. Кроме того Чичериным написан ряд других историко-юридических исследований, объединенных в сборнике Опыты по истории русского права (1858). Чичерин, большой знаток древне-русской истории и права, был вполне осведомлен в доступном ему историко-юридическом материале, который использован им с большою полнотой. Его философско-историческое мировоззрение тоже складывалось под влиянием гегельянства. В этом отношении он примыкает и к Соловьеву, и к Кавелину. Чичерин признает наличность рода и родовых отношений в начале русской истории. Затем родовые отношения разложились, и их место заняла личность. Личное начало определяло политические порядки и отношения. Частноправовые отношения заняли первое место, отношения же публично-правовые отошли на задний план. Весь наш удельный порядок есть отражение господства частноправовых отношений. Господство последних сближает удельную Русь с западноевропейским феодализмом.

Господство частного права, полное торжество вотчинного начала в политической жизни постепенно привели к уста-

новлению государственного порядка и явились залогом прочности последнего. Несмотря на то, что господство частного права устанавливает феодальные порядки, сходные с западноевропейскими, Чичерин все таки подчеркивает, что о тождестве феодальных отношений в России и на Западе говорить не приходится. Вотчинное начало не исчезло даже с образованием государства. Московские государи смотрели на свое государство, как на отчину. Усиление государственного начала заставило правительство принять ряд мероприятий к организации управления, с помощью которого правительство могло бы осуществлять свою волю и свои намерения. Пользе государства были подчинены все общественные интересы. Правительство всегда выступает впереди, как сила организующая, как элемент, направляющий течение всей политической жизни страны. Безсилье общества, его политическая беспомощность особенно сказались в деятельности Земского Сбора 1642 г. („О народном представительстве“), являющегося образцом политической немощи дореформенного общества. В связи с этим Чичерин отрицал древнее происхождение русской поземельной общины, считая ее более поздним образованием под непосредственным воздействием самого правительства.

К историко-юридической школе следует отнести А. Н. Никитского (1842—1886), автора Очерков внутренней истории Пскова (1873 г.), Очерков экономического быта Новгорода (1877 г.), Очерка внутренней истории церкви в Великом Новгороде (1879) и ряда статей, среди которых особенного внимания заслуживает статья под заглавием Взгляд на родовой быт в древней Руси. Никитский признает господство и значение родовых отношений в жизни человечества. Они живут долго и оставляют после себя следы даже тогда, когда становятся только одним историческим пережитком. Общественно-политическая жизнь начиает организоваться по типу родовой, принимая вид искуственной родовой организации, в которую входят и посторонние лица. Пользуясь своей родовой теорией, Никитский стремился объяснить многие явления жизни Пскова и Новгорода. Эта же теория позволила Никитскому сравнить вечевые города и их устройство с организацией городских республик в Греции и Риме.

9. Славянофильская школа.

Основы исторического мировоззрения славянофильства. К. С. Аксаков. И. Д. Беляев. В. Н. Лешков.

Философия истории Гегеля оказала большое влияние и на образование так называемого славянофильства и славянофильской исторической школы. Деление Гегелем всех народов на две категории: на исторические и неисторические с причислением славянства к последним заставило противников философии истории Гегеля создать общественно-историческую теорию, которая опровергла бы его философско-исторические построения. Славянофильство отрицает деление народов на две группы. Нет народов неисторических. Каждый народ имеет свою собственную историю, каждый народ проявляет в истории свое индивидуальное лицо, выполняет свое историческое назначение. История славянства противоположна истории Западной Европы. Славянству нет никакого основания отказываться от своих собственных основ быта и заимствовать чуждые ему западноевропейские основы. Славянство идет своей собственной дорогой, открывая в своей истории собственную правду. собственные нравственные начала и в тоже время подготовляя путь к всемирно-историческому единству и слиянности.

Противоположение славянской культуры западноевропейской нашло наиболее отчетливое и полное выражение в сочинениях II. В. Киреевского (Сочинения, том I 1914). Киреевский устанавливает следующие три логико-исторические аксиомы, которые он и его последователи кладут в основание славянофильского учения. Религиозная жизнь славянства иная, чем на Западе. Славянство получило христианство из Византии, а германцы из Рима. Византийское православие противоположно римскому католицизму. Благодаря соседству с Византией ее культура легла в основу славянского быта. Римская культура выработала свободу личности. Византийская культура растворила индивидуальное начало в общине, лишила его активного значения. Наконец, государственный строй создался совершенно противоположными пу-

тями. На Западе завоевание, борьба между победителями и побежденными легли в основание государственного строя и перешли впоследствии в борьбу сословий. Среди славянства государство возникло путем мирного договора через добровольное признание власти. Итак, исторические пути Европы и России различны. Славянофильская школа заимствовала от Гегеля понятие о едином начале, проникающем историю. Это начало имеет идейное содержание, так как историей движет идея. Правда, по внешности происходит страшная борьба материальных сил. Она бросается в глаза с первого взгляда, но это ничто иное, как призрак. Внимательный взгляд увидит только одну движующуюся силу, которая всюду присутствует, и эта сила — мысль. Поэтому история есть ничто иное, как выражение одной единой вечной правды. Идея общей истины должна быть основанием для понимания истории, которая раскрывается в народном начале, во внутренней, а не внешней жизни народа, для которого указания совести имеют бо́льшее значение, чем влияние и воздействие принудительного закона.

Наиболее видным представителем славянофильского направления в исторической науке был К. С. Аксаков (1817—1859), выступавший ярым противником школы Соловьева. Аксаков—противник родовой теории, принятой Соловьевым. В статье О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (Сочинения, т. I, 1861). Аксаков указывает на односторонность выводов немецких историков относительно ранней истории славянства. По мнению Аксакова, славяне в момент своей колонизации жили не родами, а общинами, составившимися из целого ряда семей. Родовое начало, первая ступень в развитии общества, уже была пережита славянами. Славянская община возникла благодаря наличию у соседей общих интересов и стремлений. Последние создали самоуправление, взаимную защиту, круговую поруку. Русская община является основой русской исторической жизни. Говоря о начале русского государства, Аксаков исторически обосновывает абстрактные соображения Киреевского. Народ признал власть добровольно. Поэтому мир и согласие, а не вражда явилось началом государства. Благодаря этому в

основу государства легло свободное чувство разумно и добровольно признавшего власть народа. Добровольное признание власти делало невозможным бунт против нее. В то же время на правление оказывало свое действие и восточное православие. Народ, признавший добровольно власть, никогда не интересовался ею, но свою свободу проявлял в вечевых собраниях, потом в Земских соборах, на которых он высказывал свои мнения правительству, отнюдь не пытаясь посягать на власть (Основные начала русской истории). История России противоположна истории Запада. В противность сложности последней, она отличается удивительной простотой, отсутствием всякой позы. Свои философско-исторические взгляды Аксаков положил в основу критического разбора отдельных томов Истории Соловьева. Большой заслугой Аксакова была попытка подойти к истории России не сверху, а снизу, пристально всмотреться не в историю власти, а в самую сущность народной жизни, ибо ее изучение составляет сущность исторической науки.

Среди представителей исторической славянофильской школы видное место занимает И. Д. Беляев (1810—1873), профессор истории русского права в Московском Университете. Беляев был очень плодовитым писателем. Им написано большое количество статей и исследований. Он широко воспользовался московскими архивными богатствами, на основании которых написаны его сочинения, разбросанные по разным изданиям, но главным образом, в Чтениях Общества Истории и Древностей Российских. Автор выступает сторонником общинного устройства быта славян, признает и поземельную общину явлением очень далекого прошлого. Общинными связями и отношениями Беляев объясняет многие стороны и явления русской исторической жизни. Вся история русского законодательства тесно связана с историей русского общества (Лекции по истории русского законодательства, 1888). В борьбе за общину Беляев неоднократно выступал против Чичерина во всеоружии, главным образом, архивного материала. Он стремился опровергнуть основные выводы Чичерина, указывая на историчность, живучесть и самоуправление общины. Беляев дал первую историю кре-

стьян на Руси (1860) на основании памятников законодательства с древнейших времен. Для Беляева крепостное право—продукт вмешательства государственной власти. Крепостные отношения вплоть до XVIII в. носили поземельный характер, нисколько не касаясь личности крестьянина. Последняя вплоть до XVIII в. оставалась юридически свободной. Главные его работы: Русские летописи по Лаврентьевскому списку (Временник, т. II); О разных видах русской летописи (Временник, т. I); О Несторовой Летописи (Чтения в Общ. Истор. и Древностей Российских, 1846—1847); О служилых людях в московском государстве (Временник, т. III); О русском войске в царствование Михаила Федоровича и до Петра (Чтения, 1858); О поземельном владении в московском государстве (Врем. т. XI); О сторожевой, станичной, полевой службе в польской украине (Чтен. 1846).

Наконец, В. Н. Лешков (1810 — 1881), профессор Московского университета, в труде Русский народ и государство (1850) также доказывал, что общность есть основная идея русской народности. Она проявляется в русской истории то в виде веча, то в форме Земских Соборов и наконец в общинном землевладении. Свои выводы Лешков основывает исключительно на памятниках русского права.

10. Юридическое направление.

Н. В. Калачев. Ф. М. Дмитриев. К. П. Победоносцев. С. А. Петровский. П. Н. Мрочек.—Дроздовский. А. Н. Филиппов. Д. А. Самоквасов. П. Пчелин. П. А. Беляев. К. А. Неволин. В. И. Сергеевич. В. И. Латкин. А. Д. Градовский. М. И. Горчаков. А. Н. Романович—Словатинский. М. Ф. Владимирский—Буданов. Н. П. Загоскин. Н. П. Дитятин. И. Е. Энгельман.

Славянофильское и западническое направления с их философско-историческими построениями оказали огромное влияние на возрождение историко-юридической мысли в России, стремившейся освободиться от всяких посторонних воздействий и пытавшейся делать научные выводы и наблюдения, только отправляясь от точного смысла историко-юридических данных. Эта здоровая реакция против излишнего фило-

софизма в истории и праве, появившаяся у нас в России под влиянием такой же реакции в Германии, имела свои достоинства и недостатки. Юристы, став на почву факта, стали заниматься изучением юридических материалов и через призму последних стремились представить себе эволюцию отдельных правовых институтов. Фактическое изучение юридического материала дало богатые результаты, оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие историко-юридических наук в России, приучая к объективности и обоснованности в выводах и заключениях. В то же время юридическое направление отличалось большой односторонностью. Юристы интересовались юридическими документами и их содержанием, мало считаясь с той средой, в которой появились эти документы. Благодаря этому изучаемые юридические институты были представляемы не в их исторической эволюции, но чисто догматически, абстрактно. На основании материалов давалась та или другая конструкция того или другого юридического института, но и генезис, и эволюция последнего оставались не выясненными. Юрист изучал памятники права, не интересуясь их бытовым происхождением и связанностью права с средой и бытом народа. Догматическое юридическое мышление, вполне понятное при анализе сложных юридических отношений в XIX в., будучи применено к примитивным юридическим памятникам прошлого, заставляло юристов неоднократно приходить к ошибочным выводам и наблюдениям. Ранним представителем юридического направления был Н. В. Калачев (1819—1875), преемник К. Д. Кавелина по кафедре истории русского права в Московском университете (1848). Его ранний труд, Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды (1846), показал Калачева, как вполне сформировавшегося ученого. Таким же самостоятельным научным трудом является его работа О значении Кормчей в системе древнего русского права (1851). Еще ранее им была выпущена работа о Судебнике Ивана Васильевича (1841). Став близко к Археографической Комиссии, Калачев принимал деятельное участие в издании и редактировании разного рода историко-юридических материалов, без которых не может

в настоящее время обойтись ни один исследователь. Им же были впервые изданы Писцовые книги по поручению Русского Географического Общества. К той же школе принадлежит и Ф. М. Дмитриев (1829—1884), автор Истории судебных инстанций (1859), работы, не потерявшей своего значения и поныне. Автору удалось блестяще конструировать внешнюю историю судебных инстанций в их юридическо-логической приемственности, но исследователь мало считается с конкретной исторической обстановкой, и потому самая эволюция инстанций, выступая вполне отчетливо, не получает исторического разъяснения.

К. П. Победоносцев (1827—1909), профессор гражданского права в Московском университете, — ученый крупного калибра с сухим юридико-догматическим умом. Изучение того или другого юридического института Победоносцева интересует только с формально-юридической точки зрения, поскольку в нем проявлялось волеизлияние государственной власти. Приоритет государства в создании того или другого юридического института—вот основная мысль Победоносцева, явившаяся фундаментом его историко-юридических трудов. Его главные статьи, в частности по крепостному праву, помещены в сборнике: Исторические статьи и исследования (1876); история институтов гражданского права полно и отчетливо представлена в его Курсе гражданского права 4 тома (1876). Той же дорогой шел и С. А. Петровский (1846—1898), автор исследования О Сенате при Петре Великом (1875). Автор стремится дать отчетливое представление о Сенате, его происхождении, канцелярии и делопроизводстве, составе и компетенции, мало обращая внимания на политическую обстановку, его породившую. Получилось безжизненное, мертвое описание учреждения, хотя и не бесполезное для науки. Сторонниками того же метода являются и бывш. проф. истории русского права в Московском унивеситете П. Н. Мрочек-Дроздовский, автор Исследовения о Русской Правде, вып. I—II (1881—1885) работы, имеющей значение своими отдельными замечаниями. К Русской Правде Мрочек-Дроздовский возвращался неоднократно, посвящая ей рецензии и заметки. В частности, им начат большой

труд по объяснению отдельных слов и выражений, встречающихся в Русской Правде (Чт. Об. Ист. и Др. 1918). Другая его работа, Областное Управление в России в XVIII в., доведенная до Учреждения о губерниях 1876 года, написана на основании законодительного печатного материала. Это сочинение, не обращающее внимание на влияние среды, не объясняет ни происхождения, ни эволюции областного деления. Большим схоластом, и притом мало вразумительнымъ, выступает Мрочек-Дроздовский в Курсе лекций по истории русского права.

А. Н. Филиппов, ставший впоследствии профессором по истории русского права и занимавший кафедру до 1919 г., является автором большого количества весьма ценных историко-юридических трудов. В отличие от своих предшественников Филиппов не довольствуется только одними печатными источниками. Он интересуется архивными материалами, и им опубликовано не мало ценнейших материалов, без которых ни один исследователь по истории XVIII в. обойтись не может. Знакомство с архивами, однако, не изменило взглядов Филиппова на право и его происхождение, которое его интересует не в динамическом процессе, а в состоянии статики. В своих работах, в отдельных статьях и введениях к изданию документов Филиппов дает много нового, но изучаемые им вопросы оторваны от жизни; при обилии фактических данных эти работы не выясняют истории того или другого института. Впрочем, в юбилейном издании Сената, т. I, и в других своих работах по история центральных учреждений в XVIII в. Филиппов стремится объяснить их генезис соотношением придворных партий, отнюдь не разъясняя их появления. Автор интересовался и изучал обычное право и кроме того некоторые юридические институты он стремился изучать в сравнительно-историческом освещении. Основная черта научной деятельности Филиппова — его неутомимость и большая научная любознательность, благодаря которой все его работы отличаются обилием нового материала, весьма ценного и необходимого для всякого исследователя. Филипповым выпущен и Учебник по истории русского права, вып. I—III,

очень хорошее руководство для первоначального знакомства с историей права, подводящее итоги всему тому, что было сделано в науке по истории русского права. Его главные работы: О наказании по законодательству Петра В. в связи с реформой (1891); История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета (1895, ч. I); К вопросу о Верховном Совете (Русская Мысль, 1896); Кабинет Министров и его сравнение с Верховным Тайным Советом (1898); Кабинет Министров и Правительствующий Сенат в их взаимных отношениях от 1731—1741. (Сборник правоведения, том VII), Издание Бумаг Кабинета Министров.

К той же школе надо отнести П. П. Числова, автора Истории русского права, вып. I (1916), ничего из себя нового не представляющей, Н. Г. Пчелина, профессора Ярославского университета, автора небольшой, но дельной работы Екатеринские наказы и их отношение к гражданскому праву (М. 1914), П. А. Беляева († 1919), преждевременно умершего автора ряда очень интересных, хотя и односторонних статей по истории русского права. Его статьи печатались в Журнале Министерства Юстиции, Юридическом Вестнике и Русском Историческом журнале (№ 5). Юридико-догматического метода в своих работах держался и К. А. Неволин (1864—1855), профессор энциклопедии права в Петербугском университете. Его работы сохраняют свое значение и по нынешнее время. Его историко-юридические домыслы и гипотезы в области допетровской эпохи не безполезны и для современного исследователя. Все его работы собраны в Полном собрании сочинений, 6 томов (1859).

Весьма видное явление в науке истории права составляет В. И. Сергеевич († 1909). Меткость и точность анализа, превосходное знакомство с опубликованным историко-юридическим материалом, сочувственное отношение к сравнительно-историческому методу в Опыте изучения Земских Соборов, острый критический ум, подмечавший слабые стороны исследователя и наносивший противникам серьезные удары—таковы положительные стороны Сергеевича. Догматический метод изучения историко-юридических институтов, доведенный в своем формализме до крайних пределов, и крайне враждебное отноше-

ние к новым историко-юридическим направлениям — таковы его главные недостатки. Сергеевич весь высказался в своих первых работах и таким застывшим оставался всю жизнь, но при всем этом он отзывался на все вопросы, ставившиеся исследователями, и своим научным анализам, вскрывал часто излишние увлечения авторов. Большой заслугой Сергеевича является выяснение взаимных отношений князя и веча в Киевской и северо-восточной Руси, но формальное юридическое истолкование их помешало автору объяснить причины как самых этих отношений, так и их эволюции. При всей односторонности его работа для историков и юристов является настольной книгой. Главные труды Сергеевича— это Лекции и исследования по истории русского права (1888) и Русские Юридические Древности (I — III, 1890 — 1896). Сергеевич издавал бумаги Екатерининской Комиссии и в предисловии к 123 тому Рус. Ист. Обозрения поддерживал взгляд Чичерина на сравнительно позднее происхождение поземельных переделов, как следствие фискальной политики правительства в связи с введением подушной подати.

Ученик Сергеевича, В. Н. Латкин, занимается историей права в XVIII—XIX в.в. Его работа Земские Соборы древней Руси (1885) интересна привлечением нового материала и попыткой сравнить Соборы с сословными учреждениями Западной Европы. Другая работа посвящена Законодательным Комиссиям в XVIII столетии (1887). Для своего времени она была ценным исследованием, написанным на основании архивного материала.

Почетное место в науке истории права занимает А. Д. Градовский († 1889) благодаря своим трудам: История местного управления в России (1868), Высшая администрация России в XVIII в. и генерал—прокуроры (1866) и ~~История~~ русского государственного права (т. I—III), а также благодаря многочисленным статьям по западноевропейскому и русскому государственному праву, политике и национальным вопросам, в которых он придерживается национально-либеральной точки зрения. Эти труды находятся в Полном собрании сочинений (8 томов, 1899—1904).

Формально-юридическая школа по мере движения вперед историко-юридического знания теряла свои позиции, на которых так твердо стал лишь сам Сергеевич исключительно благодаря своему таланту и знаниям. Но среди молодых представителей школы Сергеевича отметим Н. Дебольского, который в своей работе Гражданская дееспособность по русскому праву в XVII в. (1897) проводит и защищает все основные положения формально-юридической школы. Большую ценность имеют труды М. И. Горчакова (1838—1912): Монастырский приказ (1868 г.) и Земельные владения российских митрополитов, патриархов и Св. Синода (1871 г.). Ранним представителем юридического знания в Киевском университете был А. В. Романович-Словатинский (1832—1910), автор двух исследований: Исторический очерк губернского управления с первых преобразований Петра В. до учреждения губерний 1775 г. (1859) и Дворянство в России (1870 и 1912). Первая работа написана исключительно на основании законодательного материала, толкуемого довольно шаблонно. Вторая работа не потеряла своего значения и до сих пор. Автор стремится представить дворянское сословие в его истории и касается как его юридического, так и экономического положения. М. Ф. Владимирский-Буданов (1858—1916), многолетний представитель кафедры истории русского права, больше всего занимался белорусским и украинским правом. Им издана Хрестоматия по истории русского права в 3-х выпусках, текст которой сопровождается весьма ценными комментариями. Им же издан Обзор истории русского права (1886), который в новых изданиях постоянно дополнялся. Автор с большим вниманием следил за новыми работами по русской истории и истории русского права и в своем курсе определял то или иное к ним отношение. Формально-юридическое истолкование многих юридических институтов, в частности крепостного права, было им оставлено. Наконец, в работе Литовский Статут и Уложение царя Алексея Михайловича (1872), Владимирский-Буданов пытался определить то влияние, которое западнорусское право оказало на Уложение 1649 года.

Видным представителем историко-юридического знания является проф. Казанского университета Н. П. Загоскин († 1914 г.). Он много и весьма продуктивно работал, затрагивая разные вопросы истории русского права и привлекая к исследованию большею частью опубликованный новый материал. Его интересовала больше всего история того или другого института или учреждения, которое обыкновенно и представляется в историко-юридическом освещении, но отдельно от той среды, под влиянием которой создавался и видоизменялся тот или другой историко-юридический институт. Так им написаны: Очерк организации и происхождения служилого сословия (1876), Боярская Дума (1876), Земские Соборы на Руси, История права Московского Государства, (томы I—II, 1877), Уставные грамоты XIV—XVI в.в. (1875—1876). Им же задумана История права русского народа в 12 томах, но всего вышел один первый том (1899), составляющий только введение. Он посвящен науке истории русского права и формации народа и государства. Научно-методологические приемы Загоскина и в этом труде остаются прежними. Им же написана История Казанского университета (томы I—III). Преемником Загоскина по кафедре является Г. Г. Тельберг, автор исследования Государственные преступления и суд в Московском Государстве XVII в. (1912). В методологическом отношении ко всем вышеназванным исследователям примыкает И. И. Дитятин (1847—1892) с его двумя монографиями: Устройство и управление городов в России: города России в XVIII столетии (1875) и Городское самоуправление в России: Судьба Екатерининского городового Положения 1770 г. (1877). Им написано значительное количество статей по истории русского права, объединенных в сборнике Статьи по истории русского права (1896), и имеющих научное значение и в настоящее время. К этой группе историков-юристов следует также отнести И. Е. Энгельмана (1838—1906), автора трудов: Гражданские законы Псковской Судной Грамоты (1858), О давности по русскому гражданскому праву (1868) и История крепостного права в России (1892).

11. Сравнительно—историко-юридическая школа.

Н. Д. Иванишев. И. М. Собестианский. С. М. Шпилевский. Ф. Ф. Зигель. Ф. И. Леонтович.

Развитие историко-юридических знаний, расширяя горизонты исследователей, побуждало последних выйти за пределы национального права и стать при его изучении на сравнительно-историческую точку зрения. Славянофильская теория, создавая учение о единстве славянства толкала исследователей к изучению русского права в сравнительно-историческом освещении. Родоначальником этого направления был киевский профессор Н. Д. Иванишев (1811—1874). Его главные статьи: О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою (1840) и Идея личности в древнем праве богемском и скандинавском (1842). Все его статьи и исследования находятся в Собрании его сочинений (1876). К тому же направлению принадлежал и И. М. Собестианский (1856—1895) профессор в Харькове, проявивший себя в работах: Взгляд славянских ученых на институт круговой поруки (1886), Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства (1888) и Учение о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян (1892). Работы Собестианского страдают большими преувеличениями в выводах. Казанский профессер С. М. Шпилевский дал две мало оригинальные работы: Союз родственной защиты древних славян и германцев (1861) и Семейные власти у древних славян и германцев (1869). В обеих работах автор идет по пути, проложенном немецкими учеными, проверяя последних и привлекая для этого весь известный ему документальный материал. Все его выводы безусловно обоснованы. К этой же школе принадлежат А. Котляревский с его трудами Древности юридического быта Балтийских славян (1874) и О погребальных обычаях языческих славян (1869), А. Дьячан, проявивший себя в работе Участие народа в верховной власти в славянских государствах XIV—XV веков (1872), А. Н. Филип-

пов: Очерки по обычному праву южно-славянскому и русскому (1868) и Ф. Ф. Зигель (1845—1919): Законник Стефана Душана (1869).

Очень много ценного для сравнительной истории права сделано проф. Ф. И. Леонтовичем (1833—1906), отличавшимся поразительною продуктивностью. Благодаря сравнительному изучению права Леонтович мог создать целую теорию о Задружно-общинном характере политического быта древней России (1871). Им установлена связь между Русской Правдой и Литовским Статутом (1865). Наконец, он интересовался обычным правом русских инородцев. Научные интересы Леонтовича очень широки, но его планы не всегда удачно выполнялись. Юридико-догматический метод не всегда давал ему возможность разобраться в том явлении, которое им изучалось в сравнительно-историческом освещении. В последнее время интерес к изучению права на почве сравнительно-исторического метода затих. Но благодаря вышеназванной школе явилась возможность понять некоторые юридические институты древней русской жизни, хотя формально-юридический метод не всегда позволял правильно понять сущность изучаемого явления.

12. Естественно-историческая школа.

А. П. Щапов. Брикнер.

А. П. Щапов (1830—1883), сибиряк и бурят по происхождению, окончивший в 1856 г. Казанскую Духовную Академию, занимал кафедру русской истории в той же Академии и в университете до 1861 г., когда по поводу крестьянского возстания в селе Бездне, жестоким образом усмиренного, им была сказана речь, за которую он был отстранен от кафедры. Щапов является основателем своеобразной исторической школы. Несомненно, его философско-исторические взгляды являются реакцией против преобладавшего тогда идеалистического понимания истории. Выработка Щаповым определенного философско-исторического миросозерцания относится ко времени его пребывания в Петербурге, куда он был отпра-

влен в связи с речью по поводу событий в селе Бездне. В Петербурге до ссылки в Сибирь в 1864 г. Щапов имел возможность познакомиться с естественными науками, которые и легли в основу его позднейших философско-исторических взглядов. В противоположность историко-юридической школе Щапов считал, что предметом изучения истории должна быть русская народность, благодаря чему у него появилась некоторая точка соприкосновения с славянофилами. Не даром Щапов заинтересовался Русским расколом старообрядчества (1859), увидев в последнем движение не только религиозное, но и своеобразное политическое оппозиционное. Та же мысль легла и в основу позднейшей статьи Земство и раскол (1862). Не без влияния Ешевского, бывшего доцентом в Казанском университете, Щапов придавал огромное значение колонизационному процессу в образовании русского государства. Все разнообразие и своеобразие исторической народной жизни определилось и зависело от географического положения, а также речных бассейнов. Своеобразие естественно-исторических условий продолжало оказывать свое влияние и в последующее время. Область продолжала жить своей внутренней обособленной жизнью. Поэтому необходимо областно-племенное изучение истории. Наличность областного начала особенно отчетливо проявилась в эпоху Смуты (Великорусские области и смутное время). Говоря о колонизации русской равнины и характере эксплоатации последней населением, Щапов подчеркивал преобладание хищнического хозяйства над промышленным. Но благодаря увеличению плотности населения и истреблению лесных богатств население было вынуждено перейти к скотоводству и земледелию (Историко-географическое распределение населения). Все положения и мысли Щапова, отчасти обоснованные, отчасти высказанные мельком, заслуживают внимания. К ним впоследствии не раз вернутся исследователи. Наконец, статья Социально-педагогические условия умственного развития русского народа представляет собой попытку выяснить общие законы умственного и нравственного развития русского общества. Щапов обращает внимание вслед за славянофилами на незнакомство русских с античной культурой, благодаря чему славяне по-

пали в среду влияний византийских идей и понятий. Петровская реформа — величайший акт в жизни русского народа, акт, освободивший русских от тлетворного византийского влияния. Благодаря сильному преобладанию в нашей культуре византийского начала в характере русского народа преобладали непосредственные впечатления, в силу чего развитие общих начал шло крайне медленным темпом. С другой стороны взаимодействие славянского и татарского миров оказало огромное влияние на весь уклад жизни русского народа. (А. П. Щапов. Собрание сочинений, 1906, т. I—II). Мысль Щапова о влиянии Азии на исторические судьбы русского народа была усвоена проф. Брикнером. Россия была по преимуществу страной азиатской. Европеизация последней есть результат реформаторской деятельности Петра (История Петра Вел.). Эта европеизация должна итти под непосредственным влиянием немецкой культуры. В последнем случае Брикнер возвращается к философско-историческим взглядам Гегеля на взаимные отношения славянского и германского миров. Главные его работы: История Петра В.; История Екатерины II; И. С. Посошков, и ряд работ на немецком языке.

13. Историко-географическая школа.

Ее предшественники: Н. П. Барсов, Л. Н. Майков, Е. Е. Замысловский. Представители историко-географической школы.

Необходимость историко-географических знаний уже вполне определенно сознавал Татищев. Благодаря их недостаточности Щербатов перепутывал события в русском историческом прошлом. Щапов и Ешевский выдвинули этот вопрос на первый план, указав на настоятельную необходимость знакомства с исторической географией для понимания этого прошлого. Работа профессора Варшавского университета, Н. П. Барсова (1839—1889), под заглавием Очерки русской исторической географии. География Начальной Летописи (1873) является первой попыткой подойти к изучению историко-географических сведений в древней Руси. В своей работе Барсов пользовался и другими материалами, напр., областными ле-

тописями XII—XIII вв., в виду того, что географическая номенклатура отличается большим консерватизмом. Наконец, в силу своего консерватизма географическая номенклатура является источником, дополняющим и разъясняющим географические данные Начальной Летописи и позволяющими исследователю определить границы между отдельными племенами и княжествами. Иногда Барсов пользуется историко-археологическими данными, но сравнительно мало, недостаточно оценивая этот вид источника.

Труд Барсова встретил полное сочувствие в среде ученых. Л. Н. Майков признавал большие достоинства за работой Барсова, однако указал на ее односторонность и узость. Историческая география не должна ограничиваться только описательной частью географии, хорографией, топографией, топографической номенклатурой. Историческая география вслед за Риттером, должна рассматривать взаимные отношения человека и природы в их прошлом, чем и объясняются разные виды культуры народов. Такой взгляд на историческую географию следует признать безусловно правильным. Но Майков только поставил вопрос и, указав на пробелы в работе Барсова, не попытался свои общие замечания представить в виде работы, основанной на конкретном материале. Данными исторической географии широко пользовались все ученые, вышедшие из школы В. Б. Антоновича и составляющие украинскую школу в историографии. По пути Барсова пошел Е. Е. Замысловский (1841—1890), написавший основательную работу Герберштейн и его история географических сведений о России (1884), в которой автор стремится проверить и объяснить все географические сведения, которые встречаются в Записках Герберштейна.

Историко-географическое направление оказалось здоровым и неизбежным моментом в развитии русской исторической науки. Особенно много данных по исторической географии дают работы, посвященные вопросам колонизации различных окраин России. Большое место историко-географическим сведениям отводится С. Ф. Платоновым в его первоклассных исторических работах. Изучение писцовых книг и другого актового материала пополняют наши историко-географические

сведения. В этой области работало большое количество ученых: С. М. Середонин, С. В. Рождественский, В. Н. Сторожев, М. К. Любавский, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, Д. И. Багалей, П. Н. Перетяткович, Н. Д. Фирсов, Е. В. Сташевский, П. П. Смирнов, П. Н. Янишевский, Е. Белозерский и другие. Имеются и общие труды по исторической географии: С. М. Середонина, А. Спицына и М. К. Любавского. Большой труд последнего, который явится замечательным явлением в области исторической географии, в настоящее время ждет, когда изменятся условия печатного дела в России и явится возможность выпускать исследовательские работы.

14. Новая историческая наука.

В. О. Ключевский, К. Н. Бестужев-Рюмин.

Занявший кафедру русской истории в Московском университете В. О. Ключевский († 1911) явился основателем новой исторической школы, под влиянием которой за последнее время развивалась русская историческая наука. Не все историки и юристы порвали со старыми методологическими приемами, не все сумели понять и оценить революцию в методе, произведенную Ключевским, но даже и те, кто всю жизнь, как Сергеевич, оставались принципиальными врагами его методологических приемов и взглядов, должны были в своих историко-юридических работах отправляться от Ключевского и снова возвращаться к нему.

Ключевский — ученик Соловьева, оказавшего на него огромное влияние, но не подавившего его собственной индивидуальности, благодаря которой он, вдумываясь в характер исторического процесса русского народа и желая понять как сущность, так и темп органического развития последнего, сумел выйти на самостоятельную дорогу, порвав с некоторыми устаревшими взглядами и методами. Ключевский вырос под влиянием Соловьева, но с последними у него едва ли не больше точек расхождения, чем соприкосновения. Ключевский, конечно, не мог не заметить односторонности философ-

ско-исторических взглядов Соловьева. Для Ключевского история народа выявляется не только в одной государственности. В своих философско-исторических взглядах он отчасти примыкал к славянофильской школе, стремившейся познать действительную сущность истории русского народа, но не сумевшей или не успевшей дать полную историю русского народа в противовес истории Соловьева. Привычка последнего всегда стоять на почве фактов и не прибегать к каким бы то ни было выводам и наблюдениям, лишенным конкретного содержания, оказала на Ключевского положительное влияние, и потому Ключевский всегда фактичен и подобно Соловьеву избегает необоснованных выводов и суждений. Расходясь с Соловьевым во взглядах на задачи и цели исторической науки, Ключевский сходился с ним во мнении, что исторический процесс русского народа отличается заметным своеобразием, и его исторические судьбы мало похожи на прошлое народов Запада. И Ключевский держится теории своеобразия исторического процесса, находя в нашей истории те же элементы, что и в западноевропейской, но только в совершенно иных сочетаниях. Теории своеобразия Ключевский держался в течение всей жизни, хотя никто не сделал так много для разрушения этого взгляда. Ученые исследователи, идя по его следам, могли установить ряд параллельных моментов в истории Западной Европы и России. Благодаря этим трудам теория своеобразия стала историческим анахронизмом.

В то время, как Соловьев везде и всюду подчеркивает организующую культурную роль государства, Ключевский приходит к выводу совершенно противоположному, находя, что „жизнь изменяется усилиями и ошибками отдельных масс". В своем философско-историческом мировоззрении Соловьев совершенно игнорирует материальные факторы, выдвигая духовные в качестве монистического фактора в истории. Носителем последнего является человеческая личность, находящаяся под сильным влиянием внешней природы. Ключевский тоже придает огромное значение „внешней природе". В своей Боярской Думе он блестяще показал, какое влияние оказала природа на ход русской истории и на темп исто-

рического процесса. Географическое устройство восточно-европейской равнины в общем весьма неблагоприятно отразилось как на культуре самого народа, так и на политическом укладе страны. Под влиянием природы формировался хозяйственный быт населения, в зависимости от которого определялось общественное положение человека. Вслед за Соловьевым и Ключевский придает значение духовному фактору в истории, но в самом определении роли личности в истории между тем и другим огромное различие. Ключевский изучал строение общества и не интересовался личностью самой в себе, отдельно от общества; он наблюдал ее проявление в зависимости от общественной среды, частью которой она является и под влиянием которой формируются политические привычки и навыки. У него личности не выступают на историческую сцену с какими то телеологическими задачами и целями. Их мировоззрение постепенно меняется под влиянием фактов политических и экономических. Для Ключевского на первом плане не сознательно действующая личность, а общество, в котором личность растворяется и теряет свои индивидуальные черты. В курсе русской истории Ключевского мы встретим иную оценку, в сравнении с Соловьевым, политической деятельности московских князей, а также несколько другое освещение исторической деятельности Петра, подготовленной всем укладом XVII в. и намеченной просвещенными современниками, теоретические взгляды которых преломились сквозь призму московской действительности и на деле оказывались несколько иными по сравнению с тем, что было задумано. И Соловьев, и Ключевский сущность исторического процесса видят в постепенном изменении форм человеческого общежития. Но в то время как Соловьев, оставляя без внимания факторы материальные, главным образом интересовался факторами духовными, Ключевский придавал огромное значение явлениям экономическим, коими определяется политическое деление общества. Поэтому задача истории и состоит преимущественно в изучении экономических и социальных явлений, поскольку вместе с ними определялось политическое деление и общественное состояние страны. Такова мысль, положенная в основу Боярской Думы и других

работ и с отчетливостью проведенная в Курсе русской истории. Признавая за экономическими и политическими факторами чисто методологическое значение, Ключевский сосредоточивает на них все свое внимание и различными их сочетаниями объясняет основные этапы в исторических судьбах русской народности.

Уже в первой работе Сказания иностранцев о Московском государстве (1866) обнаруживается тяготение молодого ученого к экономическим и политическим факторам. Художественная манера изложения а также мастерской анализ явлений выступают в этом труде во всем блеске. Его магистерская диссертация Древне-русские жития святых, как исторический источник (1871)—блестящая работа, позволившая исследователю проявить свои замечательные критико-аналитические способности. Через 12 лет выходит его знаменитое исследование Боярская Дума древней Руси, работа вызвавшая много критических нападок на автора. Она очень важна для уяснения и философско-исторических взглядов исследователя и его методологических приемов. Для Ключевского история Боярской Думы есть история руководящего класса древнерусского общества. Перемены в исторических судьбах последнего влекут за собою перемены в политическом складе государства.

Для Ключевского изучение правительственных учреждений—„это изучение не только механизма частей машины, но и того, как они свинчены". Такой постановкой вопроса был брошен вызов всей формально-юридической школе во главе с Сергеевичем, долгое время не принимавшей взглядов Ключевского. Во всеоружии этого же метода Ключевский подошел к изучению генезиса Земских Соборов, что опять таки позволило ему пролить новый свет на эти учреждения, уже давно привлекавшие к себе внимание историков и юристов. Методологические приемы, примененные Ключевским к изучению Боярской Думы, обнаружили несостоятельность тех методов, с помощью которых объяснялось происхождение крепостного права в России. Ключевский не нашел в нем проявления одностороннего действия верховной власти; он увидел в нем бытовое явление, продукт влияния неблаго-

приятных экономических условий на жизнь крестьянства. Закрепощение на почве задолженности, с самого начала носившее личный характер, впоследствии нашло отражение и в законодательстве, но последнее санкционировало то, что сложилось, как бытовое явление, а не создало нового социального явления. Эти взгляды были положены в основу статей о происхождении крепостного права в России, что опять таки нанесло страшный удар юридической школе, и при том удар такой силы, от которого последняя не могла оправиться. Из других работ Ключевского отметим его Курс русской истории (тт. I—IV), в котором его философско-исторические и методологические взгляды нашли полное отражение. Все его статьи и критические заметки собраны в Сборниках статей, I—III.

С критикой старых исторических школ и требованием строгой научности и объективности выступил также и К. Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897), профессор Петербургского университета. В своих основных взглядах на исторический процесс русского народа Бестужев-Рюмин вполне примыкает к школе Соловьева. Смотря на историю, как на „народное самосознание“, Бестужев-Рюмин находил отражения этого самосознания в истории русской государственности. Но Бестужев-Рюмин выступал против всяких попыток философского истолкования истории. Из истории следует выделить всякую философию, всякую субъективность. Историческое знание должно быть объективным. Все выводы и наблюдения исследователя должны основываться исключительно на фактическом материале. Такой взгляд на задачи и цели исторической науки определял отношение Бестужева-Рюмина к его предшественникам. Вся работа последних, конечно, очень ценна, но она нуждается в критической проверке, так как историками было высказано не мало суждений, очень далеких от того конкретного материала, которым они располагали. Необходимо критическое изучение источника, без чего никакие выводы не могут быть обоснованы. Основное требование, предъявляемое к историку: последний может не иметь никаких философских взглядов, но источники, краеугольный камень для историка, исследователь обязан знать.

Пересмотр всех теорий, преломленных сквозь призму конкретности,—ближайшая и насущная задача для историка. И сам Бестужев-Рюмин в своей научной работе старался осуществлять свое стремление к конкретному в истории. В этом отношении заслуживает внимания его Русская История (I—II), начатая в 1872 г., в которой отразились все достоинства и недостатки его исторического метода. Его критико-аналитический метод нашел отражение в исследовании О составе русских летописей до конца XIV в. Продолжением Русской Истории являются статьи, рассматривающие события со смерти Грозного (Ж. М. Н. П. 1887).

15. Областное направление.

Н. А. Фирсов. Н. Н. Фирсов. С. М. Шпилевский. Г. Н. Перетяткович. Д. И. Багалей. М. Н. Миклашевский. Е. В. Сташевский. И. П. Смирнов. Н. Яницевский. Н. Г. Белозерский. М. А. Максимович. Г. М. Гневушев. Б. Д. Греков. Борзаковский. Д. А. Корсаков. Д. И. Иловайский.

Односторонность государственного направления в историко-юридической науке стала бросаться в глаза с момента зарождения самой историко-юридической школы. Государственность не поглощала в себе той или другой области. Последняя продолжала жить своей собственной жизнью, и стремление к самостоятельности, областности, как показал Щапов, было очень сильно и заметно в момент кризиса самой государственности. Нельзя было рассматривать историю русского народа сквозь призму государственного начала. Исследователи колонизации восточного края, происходившей внутри инородческих земель, обратили внимание на живучесть местных бытовых форм жизни. Необходимость детального изучения этих форм а также самых колонизационных процессов внутри каждой области, являвшихся источником русского влияния в крае, выдвигалась сама собой. В этом отношении впереди шли казанские профессора. Н. А. Фирсов написал труды: Обзор внутренней жизни инородцев пред вступлением их в состав Московского государства (1864); Положение инородцев северо-восточной России в Мо-

сковском Государстве (1866); Инородческое население прежнего Казанского Царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель (1869); Н. Н. Фирсов, который продолжал работать в том же направлении и занимался Историей Сибири, подчеркивал существование областных федералистических тенденций в русской истории (Разиновщина, Пугачевщина, История Сибири, в. I). Местной историей и археологией занимался и С. М. Шпилевский (Древние города и другие булгар-татарские памятники в Казанской губернии. К. 1877). Одесский профессор Г. И. Перетятkович занялся историей Поволжья (Поволжье в XV—XVI веках, 1877; Поволжье в XVII и начале XVIII в., 1882). Его работы дают отчетливое представление как о колонизации края, так и о жизни края в других отношениях. Д. И. Багалей изучал колонизацию южных окраин Московского Государства в ряде прекрасных работ, основанных на изучении свежего архивного материала (К истории заселения окраины Московского Государства, 1886; Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства, 1887). П. Н. Пущинский занимался Сибирью (Заселение Сибири и быт первых ее насельников, 1889). Группа киевских молодых ученых, учеников проф. М. В. Довнар-Запольского, приступила к изучению уездов Московского государства в XVI в. В. В. Сташевский занимался Московским уездом в XVI в., П. П. Смирнов—Орловским в XVI в., И. Янишевский—Тульским уездом в XVI—XVII в., Н. А. Максимович—Вяземским уездом. Изучение ранней истории Новгорода и Пскова представлена трудами Н. П. Костомарова (Северно-русские народоправства, 1863) и в трудах А. И. Никитского. Позднейшая история представлена в трудах Г. М. Гневушева, использовавшего писцовые книги XV—XVI в. в. и Б. Д. Грекова, специально занявшегося Новгородским Домом Св. Софии (1913). Оно оказалось методологически необходимым при изучении Удельной Руси. Борзаковский написал Историю Тверского Княжества, Д. А. Корсаков—Меря и Ростовское Княжество (1872), Д. И. Иловайский—Историю Рязанского княжества (1868). Областное направление нашло яркое отражение в трудах Архивных Комиссий. На почве областности

создалась целая школа местных историков, подчас дававшая первоклассные труды, но централистические тенденции в науке, все-таки преобладавшие, делали незаметными эти почтенные работы местных исследователей. Во всяком случае, областному направлению в историографии принадлежит большое будущее. Изучить историю русского народа следует и возможно только в областном разрезе.

16. Историко-археологическая школа.

И. Е. Забелин. гр. А. С. Уваров.

Историко-географическое направление в русской историографии выдвигало на очередь необходимость расширения историко-археологических знаний, что и привело к образованию особой историко-археологической школы. Развитие историко-археологической науки на Западе и ряд блестящих открытий указывали на настоятельную необходимость развития тех же знаний и в России.

Основателем археологической школы был И. Е. Забелин, историк самоучка, большой энтузиаст в вопросах изучения русского прошлого, но не вполне овладевший теми методами и теми приемами при разработке исторических источников, которыми обыкновенно пользуется исследователь.

Для Забелина история есть живой организм человеческого духа, как явление, как высшая ступень животного организма природы, над исследованием которого работают естественные науки. Изучение человеческой жизни в форме общества, народа, государства—вот задача истории. Взгляд прежних историков на задачи и цели истории, по мнению Забелина, узок и недостаточен. Благодаря им появилось не мало ценных монографических работ, но народная жизнь, народная психология долгое время оставались вне горизонта исследователей, и только в последнее время историки стали интересоваться такого рода вопросами, ранее затемнявшимися преобладанием во всем государственной точки зрения. Между тем, даже государственность, московское самодержавие, можно

глубже понять, если обратиться к изучению частного быта древней Руси.

Государство и народ для Забелина тождественны. Народ, как живая единица, сознающая жизненно свое единство, проявляет себя в элементах своей образованности и вообще в элементах умственной деятельности. Понять жизнь государства—народа невозможно без изучения жизни частной, ее мелочей и обстановки. Археологии приходится иметь дело со всякими обломками старины, развалинами, среди которых она отыскивает и воссоздает полноту единично индивидуальной жизни. Поэтому как бы ни был мелок и незначителен тот или другой археологический памятник, последний нужен для реконструкции и понимания прошлой жизни народа, которая должна исследоваться историком со всех сторон: материальной, духовной и нравственной. Таковы основные взгляды Забелина, получившие развитие в сочинениях Домашний быт царей и цариц, 3 тома, и История русской жизни, 2 тома. Последний труд впрочем мало удачен, ибо в нем безпомощность Забелина, как ученого, лишенного точных приемов исследования, чувствуется больше и резче всего. Работая в качестве историка-археолога, Забелин произвел не мало всяких археологических раскопок. Ему принадлежит раскопка Чертомлыцкого кургана, богатого скифскими древностями.

Гр. А. С. Уваров (1818—1885) был энтузиастом археологии. Еще в 1847 г. он предложил произвести ряд раскопок на берегах Черного моря, обратить все внимание на классические, скифские, татарские, генуэзские и русские древности, собрать все сведения о курганах и способах их раскопки, исследовать развалины различных поселений в Крыму, осмотреть музеи, проверить слухи о могилах скифских царей на северном берегу Черного моря.

Постепенно археологический кругозор Уварова расширялся. Его внимание было захвачено финскими древностями и Кавказом. Уваров—не только собиратель археологического материала. Он стремится на основании последнего дать ответ на те или другие исторические вопросы. Так, им написана прекрасная историко-археологическая работа Меряне

и их быт по курганным раскопкам, позволившая Уварову выяснить границы географического распределения этого племени и восстановить его быт. Для своей работы Уваров исследовал 163 местности и раскопал 729 курганов. Раскопки начались в 1854 г., а работа появилась только в 1871 г.

Археологический энтузиазм Уварова нашел продолжателей. Русская археология в 90-х годах имела много представителей. Не все археологи были на высоте положения. Среди них в значительной мере был распространен дилеттантизм. Тем не менее, историкам стало ясно, что „гробокопательство“ дает особенно ценные материалы для изучения прошлого, когда от последнего не осталось никаких письменных материалов. Археологические исследования нанесли удар немецкой школе историков, ставивших начало исторической жизни славянства в связь с появлением варягов. Славянские древности опровергли этот вывод немецких исследователей. Представителями современной археологии являются Ю. В. Готье, С. К. Богоявленский и В. А. Городцов.

17. Школа Ключевского.

П. Н. Милюков. А. А. Кизеветтер. М. М. Богословский. В. Е. Якушкин. В. Н. Сторожев. Ю. В. Готье. А. И. Яковлев. С. В. Бахрушин. В. П. Алексеев. В. Н. Бочкарев. В. А. Боголюбов. С. П. Мельгунов. А. Ф. Изюмов. Н. К. Никольский.

Ключевский создал новую историческую школу, показавшую себя в ряде блестящих работ монографического характера и давших возможность уяснить многие стороны русского прошлого. Ученики Ключевского разделились на два направления. Одно ограничивалось изучением отдельных вопросов истории прошлой жизни русского народа, выпускало в свет ценнейшие монографии, не пытаясь подойти к ним с какой нибудь философско-исторической точки зрения, но исключительно ограничивая свою задачу лишь конкретным изображением того или другого исторического явления. Другое направление усвоило мысль Ключевского о зависимости факторов социальных и политических от экономических и ста-

ралось пойти дальше в этом направлении и еще более углубиться в изучение социальных и политических явлений а также в их зависимость от экономических факторов.

Старшим представителем школы Ключевского является П. Н. Милюков, автор ряда блестящих работ по русской истории. Ключевский оказал на Милюкова сильное влияние, под которым развивалась и направлялась его исследовательская деятельность. От Ключевского Милюков усвоил идею своеобразия русского исторического процесса, хотя в понимании этого своеобразия Милюков возвращается скорее к Соловьеву, выдвигая на первый план организующую роль государства. Для Милюкова исторический процесс в России идет сверху, а не наоборот. И в других отношениях мысли и взгляды Ключевского оказали большое влияние на Милюкова. Это не только чувствуется в его сочинении Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого (1891), в котором несмотря на богатство фактического материала, нашли отражение многие суждения учителя, но и в его Очерках по истории русской культуры (вып. I—III), которые во многих своих частях являются развитием положений, выдвинутых Ключевским, хотя и с некоторым уклонением от мнений последнего и попыткой подвести все изучаемые явления под определенный философско-исторический фундамент. Милюков не отрицает влияния личности в истории, но ставит ее в зависимость от той среды, в которой она вращалась и развивалась. Не отрицая большого значения за экономическим фактором в истории, Милюков однако не склонен придавать ему универсальное значение, более выдвигая фактор духовный, который резче и полнее всего отражается и проявляется в государстве и государственном начале.

Милюков—многогранный исследователь, касавшийся разнообразных областей русского исторического прошлого, хорошо знакомый с методами западноевропейской исторической науки; он всегда конкретен и обоснован в своих выводах. Наблюдения над историческим прошлым народов заставило Милюкова впоследствии несколько изменить свой взгляд на своеобразие русского исторического процесса. Его своеобра-

зие сохраняется только до эпохи Петра; с этого же момента русский исторический процесс совершенно европеизируется. Ясно, что такой взгляд не мог превратиться в нечто затверделое, и последнее время Милюков был готов признать и феодализм в России, а вместе с тем отказаться и от своего взгляда на своеобразие исторического процесса. Примат государственного фактора перед явлениями социальными и экономическими отчетливо выступает в последней историко-публицистической работе о второй русской революции, изданной в Киеве пока в единственном выпуске.

33 А. А. Кизеветтер, второй представитель школы Ключевского, автор ряда ценных монографических исследований и большого количества мастерски написанных статей по истории русского прошлого. В своих монографических исследованиях Кизеветтер привлекает к изучению огромной ценности архивный материал, а в своих статьях и откликах дает блестящие характеристики лиц и отдельных исторических моментов. Большой исследовательский талант Кизеветтера соединяется с огромными литературными дарованиями, позволяющими автору в увлекательном виде представлять тщательно изучаемые им моменты. В этом отношении Кизеветтер ближе всего стоит к Ключевскому, как мастеру художественного слова. Монографические работы Кизеветтера были посвящены истории русского города в XVIII в. Сначала автором было написано исследование Посадская община в России в XVIII в. (1903), а потом Городовое Положение Екатерины II (1909) и Купеческие Гильдии (1912). В противоположность ранним исследователям Кизеветтер изучает город и его судьбы не только на основании законодательного материала, дающего мало представления о жизни города в действительности. Он интересуется вопросом, что же в действительности представляет из себя русский город в XVIII в., как действовало на практике городское законодательство, являвшееся результатом заимствования чужих образцов. В этом отношении Кизеветтер не имел предшественников. Изучая то или иное учреждение, он всегда интересуется теми социально-политическими условиями, которые вызвали к жизни последнее. Точно также историческая личность никогда не

выступает оторванной от среды. Умственный и нравственный облик исторических деятелей — результат влияния той среды, к которой последние принадлежат по своему происхождению, с которой они связаны бытом, привычками, образованием. Придавая большое значение экономическому фактору в истории, Кизеветтер, однако, не считает последний фактором универсального характера, но зависимость социально-политических явлений от экономики для него несомненна.

М. М. Богословский—третий крупный представитель той же школы, превосходный исследователь — монографист и в тоже время автор ряда блестящих научно-популярных книг и статей. Исторические исследования Богословского все написаны на основании свежего архивного материала. Он впервые дал всестороннее описание областной реформы 1719 г., о которой до его исследования почти ничего не было известно. (Областная реформа Петра В. Провинция 1719—1727, М. 1902). Рядом с этим его работа Земское самоуправление на русском севере г XVII в., т.т. I и II, (1909—11) вводит читателя в мало знакомые ему северные миры с их широким самоуправлением. Изучение архивного материала дало возможность исследователю показать всю ошибочность суждений историко-юридической школы в лице Чичерина о распространении бюрократического управления по всему Московскому государству с поглощением местного самоуправления. В Областной реформе автор блестяще показывает, как теоретически задуманные планы преобразований под влиянием конкретной обстановки на практике видоизменялись, приспособляясь к действительной жизни и потребностям. И в то же время исследователь склонен придавать большое значение планам, идущим сверху, ибо в них он видит отражение той идеи государственности, в которой раскрывается история русского народа. К Петру и Петровской эпохе Богословский неизменно и постоянно возвращается. Он дает большой очерк царствования Петра в издании под ред. Чечулина „Дом Романовых“ (1913), написанный со свойственным ему мастерством, собирает материалы для биографии Петра, хотя на самом деле биографические материалы пред-

ставляют из себя монографические этюды, рисующие отдельные моменты жизни Петра I. Автор — большой мастер анализа источников. Его критические замечания на примечания Владимирского-Буданова к Судебнику Царя Федора (Ж. М. Н. П., 1913), а также на работу Михайлова Об аренде по Псковской Судной грамоте (Истор. Известия, 1916) обнаруживают в нем подлинного знатока тогдашней народной жизни, что позволяет ему в юридические термины и понятния вложить конкретное жизненное содержание и тем самым юридическую формулу, иногда неудачно выраженную, истолковать конкретным жизненным материалом, легшим в ее основу.

К той же школе принадлежит и В. Е. Якушкин (1856—1913), автор исследования Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII—XIX в. в. (1890), написанного главным образом на основании законодательного материала, впрочем не позволяющего составить полное представление о том, во что в действительной жизни выливались законодательные опыты. На односторонность материала и на вытекающую отсюда неправильность выводов автора было указано Милюковым в статье, помещенной в Русской Мысли (1890). В. Н. Сторожев также принадлежит к старшим ученикам Ключевского. Увлеченный архивным энтузиазмом Сторожев издал большое количество документов. Им собраны материалы по истории русского дворянства, издан разный писцовый материал, столь необходимый для исследователя. Сторожев был деятельным участником археологических съездов, выступал на них с докладами археологического характера, имеющими большое научное значение. Его обширные знания особенно проявились в рецензиях на те книги, которыми он одно время увлекался. Все главные рецензии довольно обширны, и каждый исследователь, читая книжки журнала Образование, найдет в них полезный для себя материал. Сторожев рассматривает все исторические явления сквозь призму экономического материализма. Благодаря этому ему удалось представить в ином освещении выводы исследователей, не сторонников материалистического понимания истории. С 1918 г. интересы Сторожева направились на изучение подготовки русской революции 1917 г. Пока автор ограничивается собиранием

материалов и писанием соответствующих статей. В этих статьях имеется новый материал, бывший доныне недоступным для исследователя, и в этом их главное значение в настоящее время.

К младшему поколению учеников Ключевского принадлежит Ю. В. Готье, автор двух прекрасных монографий, открывших новые горизонты в исторической науке. Его исследование Замосковный край (1909), в котором использован огромный писцовый материал, вводит читателя в понимание хозяйственной жизни Московского государства в эпоху после Смуты. Второе исследование, посвещенное Областному делению до введения учреждений 1775 г. (т. I, 1912) касается совершенно не обследованного до сих пор вопроса и заполняет существенный пробел в историографии. Кроме того работа дает массу материала для истории быта дворянства, столь мало до сих пор исследованного. Готье в настоящее время закончил вторую часть своей работы, написанной также на основании архивного материала.

А. И. Яковлеву принадлежат две работы-монографии: Засечная черта (1917) и Приказ сбора разных денег (1917), написанные с большим мастерством и художественностью. Первая работа дает множество богатого материала и вводит читателя в круг вопросов, связанных с историей правительственной колонизации и государственной обороны. Вторая работа. давая полную картину деятельности приказа, недолго существовавшего и имевшего специфическое назначение, вводит в круг вопросов, связанных с изучением приказного строя в XVII в. С. В. Бахрушин обнаружил свое исследовательское дарование в статье Княжеское хозяйство (Сборник в честь В. О. Ключевского, в. II). Большая осведомленность в первоисточниках и изящество в конструкции работы составляют отличительные достоинства Бахрушина, как исследователя. Приготовленный к печати труд из Истории Сибири составит эпоху в изучении прошлого Сибири. Доложенные в научных обществах главы из этой работы заставляют желать скорейшего появления этого в высокой степени ценного и художественно-изобразительного труда. В. И. Алексеев занимается Земскими Соборами и историей

землевладения в XVII в. В. Н. Бочкарев интересуется вопросами истории XVIII—XIX в.в. Его главные статьи, обнаруживающие литературное дарование автора, посвящены XVIII в.: Культурные запросы русского общества, Дореформный Суд (в изд. История Суда, статьи в сборнике в честь Ключевского, в изданиях Три века, Великая реформа и пр.). В. А. Боголюбов дал две работы: одну о Новикове (1912), а другую об Экономическом положении русского крестьянства на севере по наказам 1767 г. (1909). С. П. Мельгунов занимается историей взаимоотношения церкви и государства, а также судьбами сектантства и старообрядчества. Параллельно этому автор является большим знатоком истории общественной мысли и общественных течений в XIX в. (Его статьи помещены в журналах Русское Богатство, Голос Минувшего, в издании Война 1812 года и русское общество и в Сборнике Церковь и Государство в России и пр.). А. Ф. Изюмов дал много специальных статей по истории русского севера и его торговли, а также специальную большую работу Жилищное землевладение в XVII в. (1912). Н. К. Никольский интересуется Земскими Соборами и составом их представительства (Статья в Исторических известиях, 1916, и в Трудах Рязанской Архивной Учебной Комиссии, 1917). Кроме того, им печатается специальное исследование о последних земских соборах в XVII в. Из школы Ключевского вышло огромное количество популяризаторов исторической науки, которые даже общедоступную популяризацию понимают, как изложение и переработку источника в доступном для читателя виде. Целая группа исследователей-популяризаторов объединилась вокруг так называемой Исторической Комиссии при Учебном Отделе Общества распространения технических знаний, в настоящее время уже несуществующий.

18. Новая историческая школа в Петербурге.

С. Ф. Платонов. С. М. Середонин. С. В. Рождественский. Н. Д. Чечулин. А. А. Лаппо-Данилевский. А. Е. Пресняков. М. А. Полиевктов. П. Г. Васенко. В. В. Вернадский. В. И. Веретенников. В. И. Строев. Е. Тищенко. А. И. Заозерский. П. Г. Любомиров. М. Д. Приселков. М. В. Клочков.

Новая историческая школа в Петербурге также представлена рядом блестящих исследователей. Все они не являются непосредственными учениками Ключевского, но тем не менее старшее поколение ученых—фактические его последователи, так как продолжали работать на путях исторической науки, впервые протоpенных Ключевским. Кроме того на петербургских историков оказывал огромное влияние В. Г. Василевский, сам всегда стоявший на почве научного реализма.

Блестящий представитель Петербургской школы, С. Ф. Платонов, считал себя учеником Ключевского не будучи им в действительности. Конечно, влияние Ключевского в методологическом отношении не могло ограничиваться только Москвой, где чувствовалось сильное значение самой его личности. Вся русская историческая наука должна была считаться с его исследовательскими и методологическими приемами. Платонов обнаружил свои большие дарования в замечательном исследовании Древнерусские сказания и повести о смутном времени, как исторический источник (1888), работе обнаружившей в молодом ученом изумительный дар критико-аналитического изучения источника. Мастером такого анализа Платонов оставался всегда. Блестящий анализ и критика источника соединяется у исследователя с изящным стильным изложением. Еще больше талант Платонова развернулся в его работе Очерки по истории смутного времени (2-е изд. 1910). Исчерпывающий анализ источников в этой работе соединяется с прекрасной изящной реконструкцией прошлой жизни, столь важной для понимания исторических судеб последующего времени. Историко-географическое и областное направления в исторической науке нашли отражение в этой работе. По своим историко-философским воззре-

ниям Платонов, остается государственником. Борьба за государственное начало — важный момент в истории русского народа. Государственность создается не сразу. Она не раз испытывает кризис. Временами она совсем исчезает. Наступает эпоха анархии, но наконец само общество в лице дворянства и земских миров выступает на защиту государства и спасает последнее. Победа государственного начала есть результат движения соответствующих общественных кругов. Государственная идея не явилась готовой и не была общепризнанной. Она родилась и крепла в мучительной классовой борьбе в московском государстве. Торжество государственно-настроенных общественных кругов влечет за собой глубокие изменения в социальных отношениях. Но самый принцип государственности твердо защищается сознательными общественными кругами. Платонов подобно Соловьеву в развитии государственности, увидел сущность русского исторического процесса, но торжество государственного начала явилось следствием движения не сверху, а снизу. Такова сущность философско-исторических взглядов Платонова. Придавая огромное значение социальному антагонизму, как видному фактору, оказывающему влияние на ход исторического процесса, Платонов недостаточно оценивает зависимость социально-политических факторов от экономических явлений. (С. Ф. Платонов—Собрание сочинений т. I—III).

С. М. Середонин († 1915) специализировался на критико-аналитическом изучении записок англичан о России в XVI в. (Английские известия о России во вт. пол. XVI в., 1885; Сочинение Д. Флетчера, как исторический источник, 1891). Большой мастер критики и анализа источника проявился в этих исследованиях.

С. В. Рождественский дал прекрасную работу, основанную на архивном материале, Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. (1894). Кроме того им написано несколько ценных статей, из которых особенно обращает на себя внимание статья о Земском соборе 1642. (Сб. статей в честь В. Ламанского). Последнее время С. В. Рождественский стал заниматься Системами народного образования в XVIII—XIX в.в. (1909). Н. Д. Чечулин дал несколько иссле-

дований, из которых наиболее ценными являются Города Московского Государства в XVI веке (1889), работа, основанная на изучении Писцовых книг XVI в. и Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II: 1762—1774 г.г. (1896). Последнее время Чечулин стал интересоваться историей дворянского быта в XVIII в. и источниками наказа Екатерины II, изданного Академ. Наук под редак. самого Чечулина с превосходным введением, необходимым для всякого, кто интересуется Наказом. А. А. Лаппо-Данилевский († 1920), автор ряда ценнейших работ по экономической и социальной истории Московского государства XVI—XVII в.в., в которых он обнаруживает обширное знание источников XVII в., и полную осведомленность в прошлой исторической литературе. Все работы Лаппо-Данилевского, основанные на новом архивном или свежем печатном материале, представляют крупный вклад в науку. Автор интересуется больше всего XVII веком, но и следующий за ним век не ускользает от его научного внимания. Круг интересов Лаппо-Данилевского необычайно широк. Он интересуется изданием первоисточников, специально изучает вопрос о прямом обложении в XVII в., изучает также положение иностранцев в России и судьбы землевладения в XVI—XVII в.в., погружается в историю крестьянства XVI—XVIII в.в., выпускает исследование о русских торгово-промышленных компаниях в первой половине XVIII в., погружается в изучение Новгородской экономической истории, следит за движением и ростом политической мысли в России, интересуется развитием юридических знаний в русском дворянстве XVIII в. и т. д. Неутомимость, трудолюбие, широта интересов, бросается в глаза всякому, кто познакомится с его, к сожалению, преждевременно окончившейся научной работой. При всем разнообразии научных интересов и любви к монографическому их изучению, Лаппо-Данилевский также интересовался специально философско-историческими и методологическими вопросами и читал в университете соответствующие курсы, изданные его слушателями и обнаруживающие и в этой работе творческий ум и глубокую оригинальность. (Методология истории, вып. I и II). Его привлекают по преимуществу со-

циально-экономические вопросы. История крестьянства — центр его внимания. Идя вслед за Ключевским, Лаппо-Данилевский в задолженности видит генезис крепостного права, дополняя мысли и выводы Ключевского новыми данными. В глазах Лаппо-Данилевского крепостное право также факт быта, а не права. Для XVII в. Лаппо-Данилевский развил мысль Ключевского о сближении порядной грамоты с ссудной записью. Монографическое изучение отдельных вопросов позволило автору отдельные исторические вопросы представить в новом освещении, но ему не удалось издать ни одной работы обобщающего характера, которая вполне отчетливо отражала бы его философско-историческое мировоззрение и его взгляд на ход русского исторического процесса. Несомненно только одно, а именно, что исследователь не интересовался историческими судьбами государственности, хотя следы влияния историко-юридической школы можно отметить прежде всего в его сочинении Организация прямого обложения. В области социально-экономических вопросов Лаппо-Данилевский пытался ставить и разрешать те-же проблемы, какие ставила себе западноевропейская историческая наука. Главные работы Лаппо-Данилевского следующие: Организация прямого обложения в Московском Государстве со времени Смутного времени до эпохи преобразования (1890); Иноземцы в России в царствование Мих. Федор. (1885); Выслуженные вотчины в Московском Государстве XVI—XVII в.в. (Ист. Обр. 1896); Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование Екатерины II (Ж. М. Н. П., 1895); Происхождение главных разрядов крестьянского сословия (Сборник „Крестьянский строй“); Русские торговые компании в первой половине XVIII в. (1912). (Полный перечень см. в Рус. Ист. Журн., выпуск VI).

А. Е. Пресняков — автор большой работы Княжее право в древней Руси, написанной в широком сравнительно-историческом освещении. Автор стремится показать, что в истории древнерусской общественности и государственности княжеский элемент не был так незначителен, как это обыкновенно предполагают многие из исследователей. В другой работе, под названием Образование великорусского государ-

ства (1917), Пресняков разделяет мнение М. С. Грушевского вопреки взглядам Ключевского и отказывается в северовосточной Руси видеть продолжение Киевской Руси. Исторические судьбы киевской Руси и Северо-восточной Руси развиваются параллельными путями. Это едва ли не первое признание со стороны великорусских исследователей правильности взглядов одного из украинских историков, Грушевского. Давая картину образования великорусского государства и пересматривая весь уже известный летописный материал, Пресняков сумел подметить много нового, сделать не мало новых сопоставлений, выдвинуть ряд очередных вопросов. Анализ источников дал ему возможность отказаться от взглядов Соловьева и Ключевского на образование московского государства и придти к выводу, что образование великорусского государства, а не возвышение Москвы, не шедший извнутри органический процесс разростания княжеской вотчины в государство, а сложное, изменчивое сплетение внешних интересов и отношений великорусской народности, приведшее к сплочению ее вокруг одного из центров борьбы за национальные интересы, объединение Великороссии великими князьями Московскими путем собирания не земли, а власти характерно для С.-В. Руси. Такова основная мысль, положенная в основу последнего труда Преснякова. Если даже местами автор увлекается и преувеличивает значение идеи велико-княжеской власти в истории образования Великорусского государства, то во всяком случае новая точка зрения заставляет историков пересмотреть вопрос, который, казалось, был давным давно решен, и при том окончательно.

М. А. Полиевктов интересуется вопросами внешней политики, однако они трактуются им по старому. Во внешней политике этот исследователь видит историю дипломатических отношений и только, не вскрывая реальных условий, которые побуждали правительство держаться той или другой ориентации во внешней политике. Главная работа Полиевктова Балтийский вопрос от заключения Ништадского мира до 1725 г. (1910). П. Г. Васенко изучал Степенную книгу и Повести и сказания о Смутном времени, идя по пути проложенному Платоновым (Временник дьяка Ивана Тимофеева).

В. В. Вернадский сосредоточил свои научные интересы на массонстве. Его работы — Русское массонство в XVIII в. (1917) и Новиков и его время (1919). Первая, дающая много нового материала, очень схематична и не выясняет причин, вызвавших появление массонства в России. Другая работа-научно-популярный очерк, подводящий итоги всему, что было написано по поводу Новикова и его кружка.

В. И. Веретенников интересуется судьбами Тайной Канцелярии при Петре и после него (1910), но изучает ее как юридический институт, вне связи с той средой и теми условиями, продуктами которых она явилась. Рядом с этим автор опубликовал Историю генерал-прокуратуры в России (1915). Привлекая к исследованию большой архивный материал, Веретенников слишком абстрактно изучает историю этого важного института.

В. И. Строев напечатал работу о Кабинете министров, в 2 вып. (1911). Е. Тищенко, убитый на фронте во время мировой войны, написал несколько изящных этюдов по истории торговли на крайнем севере (Статьи, 1915.). А. Н. Заозерский изучал Земские соборы в XVII в. (Три века, I и Жур. М. Н. Просв. 1911), а также дал превосходное исследование Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, 1917 г., содержащее много нового материала, как по истории быта и хозяйства, так и по истории государственной власти в XVII в. П. Г. Любомиров в работе Очерк истории Нижегородского ополчения (1916), пересмотрел заново историю вопроса и проделал весьма полезную работу, необходимую для всякого, кто будет возвращаться к вопросу о Нижегородском ополчении в связи со Смутным временем вообще. М. Д. Приселков приступил к пересмотру вопроса о христианизации Киевской Руси и о ее церковно-политических отношениях, положив в основу своей работы ряд весьма интересных, но и спорных гипотез. Во всяком случае, работа Приселкова будит мысль и заставляет к многим вопросам, казалось, решенным уже навсегда, подойти несколько по иному (Очерки по Церковно-политической истории Киевской Руси, 1913). Наконец М. В. Клочков напечатал две очень интересные работы. Одна из них, Население России при Петре Великом по переписям того времени (Спб.,

1911) затрагивает и пересматривает вопрос капитальной важности. В другой работе, под названием Очерки правительственной деятельности Павла I (Спб., 1916), автор стремится реабилитировать Павла I, как государственного деятеля.

19. Новая историческая наука в областных университетах.

Д. А. Корсаков. Н. Н. Фирсов. А. И. Маркевич. Е. Н. Трефильев. А. Авалиани. А. В. Флоровский. Е. Д. Сташевский. И. П. Смирнов. Н. Кореневский. А. М. Курц. А. М. Гневушев. В. И. Савва. И. П. Козловский. Г. Г. Писаревский.

Представителями исторической науки в Казанском университете в последнее время были Д. А. Корсаков († 1918) и Н. Н. Фирсов. Первый отдал дань монографическому увлечению областной историей в работе Меря и Ростовское княжество (1872), а затем все свое внимание и весь свой научный интерес сосредоточил на изучении XVIII в. Главные его работы—Воцарение Анны Иоанновны (1888) и Сборник статей из жизни русских деятелей XVIII в. (1891). Научные интересы второго сосредоточивались на изучении XVII—XIX вв. Его занимают вопросы экономические и социально-политические движения, на которые он смотрит с социологической точки зрения, и в этом отношении дает очень много нового, привлекая к исследованию свежий архивный материал. Кроме того Фирсов с большою любовью и блеском делает характеристики отдельных исторических лиц и моментов. Его большое литературное дарование выступает весьма отчетливо в этих характеристиках. Отсутствие определенного ясно выраженного философско-исторического мировоззрения мешает ему ориентироваться в изучении исторических явлений и фактов. Его мировоззрение временами раздвояется: то он выступает в своих социологических очерках, посвещенных Стеньке Разину и Пугачеву, как сторонник классовой борьбы, то превращается в представителя идеалистического понимания истории и выдвигает на первый план роль личности, хотя никогда не изучает ее вне той среды, в которой она выросла и воспиталась. Продуктивность Фирсова весьма ве-

лика. Главные его работы: Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII ст. (1896); Внешняя торгово-промышленная политика при Екатерине II (1899); Разиновщина, как социалистическое явление; Петр III и Екатерина II (1912) и мн. др.

В Одесском университете А. И. Маркович дал ценную работу под названием История местничества в Московском Государстве, 2 тома (1879), в которой чувствуется сильное влияние историко-юридической школы и в частности Соловьева. Им же написана полезная монография Григорий Котошихин и его сочинение (1895). А. В. Флоровский дал две блестящие работы о Екатерининской Комиссии, в которых во всей полноте обнаружил способности исследователя. Эти работы—Законодательная Комиссия 1767 г. (Одесса, 1913) и Крестьянский вопрос в Наказах 1767 г. (Одесса, 1912). Е. П. Трефильев дал работу, написанную на основании архивных материалов: О крестьянских волнениях в царствование Павла I (Х., 1904), вызвавшую резкий критический отзыв со стороны Н. П. Павлова-Сильванского. А. Авалиани, проявляющий большую продуктивность, дал работу о Земских Соборах, в которой сообщил новые данные по вопросу о составе представительства на Соборах вместе с критическим обзором всей литературы. Главная его работа—Крестьянская реформа в Закавказьи, 2 тома (1913), вопрос, к которому до сих пор еще не подходил ни один исследователь. Автор мастерски выполнил свою задачу.

Старейшим представителем Киевской школы является В. С. Иконников. Его первыми монографическими работами являются: Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории (К. 1869); Арсений Мацеевич (1879) и граф Н. С. Мордвинов (1873). Кроме того, им написано несколько критических обзоров, относящихся к Смутному времени, и ряд отдельных монографий, посвященных характеристике деятельности тех или других исторических лиц, напр., Екатерины II, Болтина, А. Л. Ордин-Нащокина, Максима Грека и пр. Последняя работа была во втором издании (1916) совершенно переработана. Наконец, Иконников приступил к составлению огромной важности труда: Опыт русской исто-

риографии, т. I, книга I и II, Киев, 1891—1892 г. и т. II, кн. I и II, Киев, 1908 г., являющейся настольной книгой для всякого, кто занимается русской историей. Иконников—представитель школы научного реализма, стоящий всегда на почве факта и только от него отправляющийся. Всякого рода философско-исторические обобщения ему совершенно чужды.

В Киеве обратили на себя внимание своими монографиями Е. Д. Сташевский (Очерки царствования Михаила Федоровича, 1910) и П. П. Смирнов (Города Московского Государства в первой половине XVII в., вып. I и II, 1918), И. Кореневский статьей О хозяйстве боярина кн. Одоевского (Киев. Универ. Изв. 1911), Н. Яницкий (Экономический кризис в Новгородской области в XVI веке, К., 1915), Б. Курц работами по изданию и снабжению примечаниями Кильбургера и Де-Родеса (Ж. М. Нар. Просв. 1912 г. № 3), Состояние России в 1650—1655 гг., по донесениям Родеса (М. 1914), Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича (К., 1915). Эти работы весьма ценны для истории внешней торговли в XVII в. А. М. Гневушев кроме статей по экономической истории Новгорода дал очень интересный очерк Экономические и политические взгляды Н. С. Мордвинова (1907), в основу которого был положен Архив адмирала Мордвинова. В Харьковском университете В. И. Савва († 1920) дал работу Московские цари и византийские базилевсы (1901), которая показывает, что влияние Византии на Московскую Русь было сильно преувеличено. Другая его работа Посольский приказ в XVI в. (1918), написана исключительно на основании нового архивного материала и представляет большую ценность для изучения приказного строя в XVI в. и истории Боярской Думы XVI века. Представителями исторической науки в Ростовском университете являются И. П. Козловский и Г. Г. Писаревский. Перу первого принадлежат монографии Сильвестр Медведев (К. 1895), Ф. М. Ртищев (Киев, 1906), Андрей Виниус, сотрудник Петра В. (Спб., 1911), Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве (2 т. Варшава, 1913); последний труд весь написан на свежем архивном материале. Второй том является приложением материалов к исследованию. Козловский также при-

надлежит к школе научного реализма, являясь ближайшим учеником Иконникова. Второй был учеником покойного проф. Д. В. Цветаева, автора ряда монографий о протестантах и протестантизме в России, имеющих большое значение благодаря свежему архивному материалу, положенному автором в основу своих работ. Сам Писаревский занимается историей колонизации в России. Основной его труд Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (М., 1909), написанный исключительно на неизданном архивном материале.

20. Социологическая школа в истории права.

М. А. Дьяконов, Н. П. Павлов-Сильванский, Б. И. Сыромятников. П. Е. Михайлов.

К историкам-юристам, в трудах которых чувствуется биение пульса настоящей исторической жизни, принадлежит М. А. Дьяконов (†1920). Он первый из юристов стал интересоваться юридическими институтами в их исторической эволюции. Считая, и при том совершенно правильно, что законодательной власти в деле образования того или другого института принадлежит последнее место, Дьяконов обратил свое внимание на изучение тех историко-бытовых условий, под влиянием которых создавался тот или другой юридический институт. Дьяконов интересовался XVII в., главным образом историей крестьянского сословия, и в этом отношении им сделано очень много. Отказавшись от формально-догматического метода Сергеевича и его школы, Дьяконов в своих историко-юридических изысканиях пошел по пути, проложенному Ключевским. Дьяконов был неутомимым исследователем. Каждая новая работа из области социальных и экономических отношений XVI—XVII в.в. вызывала со стороны его ценный критический отзыв. Его отдельные указания и замечания вносили поправки, дополнения и разъяснения в исследуемый автором вопрос. Основные его труды: Очерки из истории сельского населения в Московском Государстве XVI—XVII веков (Спб. 1898); К воп-

росу о происхождении крепостного права; Очерки Государственного и общественного строя древней Руси, т. I, изд. 3-е.

Н. П. Павлов-Сильванский († 1909), преждевременно скончавшийся от холеры, посвятил свои ученые силы изучению феодализма и феодальных порядков в северо-восточной Руси. Благодаря его работам, в которых им был широко применен сравнительно-исторический метод, окончательно уничтожена идея об оригинальности и своеобразности русского исторического процесса, а также и об отсутствии на Руси феодальных отношений. Правда, устанавливая тождество русских и французских феодальных порядков, Павлов-Сильванский несколько увлекался и не заметил тех значительных видовых различий, которые не исключали наличия общих родовых признаков. Во всяком случае, после его работ отрицать феодализм в России не приходится, хотя бы такое мнение поддерживалось весьма авторитетными исследователями. Итоги его разысканий и наблюдений по поводу русского феодализма подведены в книге Феодализм в Северо-восточной Руси, работе научно-популярного характера и в специальном исследовании о Феодализме в России. (Собр. Сочинен. т. III). Павлов-Сильванский был необыкновенно разносторонним исследователем. Он интересовался историей служилого сословия и превращением последнего в дворянство, изучал проэкты современников в отношении их к реформам Петра, погружался в анализ материала о крестьянских волнениях в царствование Павла I, изучал декабристов, по преимуществу личность П. Пестеля. (Собр. Сочинений т. I—III; издание осталось не оконченным).

Среди московских юристов, принадлежащих к социологической школе, видное место занимает Б. И. Сыромятников. В своих многочисленных статьях и рецензиях упомянутый исследователь интересуется не столько статикой самих юридических явлений, сколько их динамикой. Сыромятников отличается необычайной научной разносторонностью. Он интересуется историей права, народного хозяйства, историей общественной мысли и общественных движений в России. Сочувствие социологическому методу в праве проявил и П. Е. Михайлов в своих статьях О происхожении старо-

жильства (Спб., 1910), решая данный вопрос несколько по иному по сравненяю с Дьяконовым, но не уходя от той конкретной обстановки, в которой мог зародиться, окрепнуть и развиться столь важный институт в истории крепостного права, как старожильство.

21. Социально-экономическое направление.

Представители экономического направления. Школа историков русского крестьянства.

Социально-экономическое направление в историографии представляет заметное течэние в русской исторической науке. Оно также пошло от Ключевского, показавшего всю важность и необходимость изучения социально-экономических явлений. Считая, что в истории русского народа крестьянству и крестьянскому вопросу необходимо отвести первое место, и что многие явления общественно-политической жизни России могут стать понятными только на фоне тогдашних социальных отношений, учёные и публицисты отдавали свои силы и способности изучению народной жизни в ее социально-экономических проявлениях. Народническое направление в русской политико-экономической жизни дало значительный толчек для изучения народной жизни во всех ее сложных проявлениях. Изучение истории крестьянства вызвало также необходимость изучения и вопросов экономического характера.

Крестьянству в России посвящено много ценных исследований. Исторические его судьбы в основных чертах были выяснены исторической наукой, хотя история крестьянства до конца XVIII в. изучена более подробно, чем крестьянство в первой половине XIX в. Сравнительно слабо изучена история крестьянства по отдельным областям. Это в особенности следует сказать относительно подготовки и разработки крестьянской реформы по отдельным областям. Последнее, конечно, осуществится впоследствии по мере развития областной историографии. Социально-экономическое направление представлено в науке рядом прекрасных исторических трудов, от которых приходится отправляться при

изучении крестьянского вопроса. Изучение исторических судеб крестьянства в XVII—XIX в. позволило пустить в оборот огромное количество первоисточников, извлеченных из богатейших архивохранилищ.

Ранняя история крестьянства, выясняющая первоначальную историю крепостного права, отчетливо представлена в трудах Ключевского, Дьяконова и Лаппо-Данилевского, объяснявших генезис крепостного права бытовыми условиями, как результат экономической задолженности крестьянства. Работы Ключевского, Дьяконова, Лаппо-Данилевского (Разыскание по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском Государстве XVI—XVII вв., Спб. 1901) и Милюкова дают отчетливое представление о судьбах русского крестьянства в XVI—XVII в. в. А. Я. Ефименко (Исследования народной жизни, М. 1884), И. Н. Иванов (К истории землевладения на севере России в XVII в., Древности, 1898 г., т. I и Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII в., Древности, т. II, 1902), М. М. Богословский (Земское самоуправление 2 т.), М. А. Островская (Земельный быт русского крестьянства на севере, 1914), знакомят читателя с своеобразным бытовым укладом жизни северного крестьянства XVII—XVIII в. в. Капитальные работы В. И. Семевского, (Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I (1901) и II (1903) и Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX в., т. I и II, Спб. 1888) являются отправными работами для всякого, занимающегося историей крестьянства в XVIII в. Обильный и свежий архивный материал делает работы Семевского особенно ценными. В своих научных изысканиях Семевский постоянно возвращается к истории русского крестьянства. Итоги его исторических изысканий подведены в статьях Крестьяне XVII—XIX в. в. (в Энциклопедическом словаре Гранат, т. 25), где приведены списки всех научных трудов Семевского по истории крестьянства. История крестьянства в XIX в. представлена в труде Е. Н. Трефильева Крестьянские волнения при Павле (Х. 1904), в критическом разборе этой книги Павлова-Сильванского (Сочинения, т. II), А. В. Романовича-Славатинского (О Дворянстве (К. 1912), Положение крестьян в XVII—

XIX в. в.), И. Игнатовича (Помещечьи крестьяне, Спб. 1902), кн. Волконского (Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве (Тр. Ряз. Ар. Ком. XII—XIII), Повалишина (Рязанские помещики и их крепостные (Тр. Ряз. Учен. Ар. Ком., т. III, V, VII, X и XI), Заблоцкого-Даятовского (Граф Киселев и его время, 4 т. 1889), Н. А. Рожкова (Экономические причины падения крепостного права (Историч. и Социол. очерки, II), П. Б. Струве (Основные моменты в развитии крепостного хозяйства, Мир Божий 1901, №№ 11—12 и Крепостное хозяйство, 1913). Снежевского (К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и XIX в. в., (Нижегород. Сбор., т. X.) и Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губ. накануне реформы 19 февраля. Действ. Нижегородской Архивной ком., т. III). Крестьянская реформа представлена в старой работе Иванюкова: Падение крепостного права (1882), в новых работах А. А. Корнилова Крестьянская реформа (1905), Губернские комитеты по крестьянскому делу (Очерки по ист. общ. движ. 1905), в сводных работах Семенова Освобождение крестьян I—III (1889 — 1893), Скребицкого Крестьянское дело в царствовании Александра II т. I—IV (1868) и Кречетовича — Крестьянская реформа в Оренбургском крае (1911). В статистическо-экономическом отношении для изучения крестьянской реформы имеет большое значение труд Ходского Земля и земледелец (т. I и II, 1891). Пореформенная история крестьянства была предметом тщательного изучения со стороны ряда экономистов и статистиков, как то: В. В., А. А. Мануилова: Поземельный вопрос в России (1906) и др. Аграрный вопрос в России, т. I и II, 1906—1908, С. Н. Прокоповича, И. В. Чернышева Община после 9 Ноября 1906 г., ч. I и II, 1917, А. Е. Лосицкого (Выкупная операция, 1906) Кованько (Выкупные платежи, Киев, 1914) и многих других авторов из числа ученых и публицистов, подошедших к изучению жизни крестьянства с разных точек зрения: правовой, экономической, бытовой, общественно-политической (Литература по истории крестьянства приведена В. И. Семевским в его труде: Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, Спб. 1903 и Словарь Гранат и К°, т. 25).

Изучение хозяйственной жизни России в ее историческом прошлом — направление в историко-экономической науке сравнительно молодое. До сих пор исследовательская мысль фиксировала свое внимание по преимуществу на хозяйственной стороне жизни московского государства, благодаря тому, что был пущен в оборот первостепенной важности материал в виде писцовых книг XVI—XVII в. в. За то явления экономической жизни XVIII века остаются почти не изученными. Тоже следует сказать и о хозяйстве и экономическом быте России в первой половине XIX в. В особенности нуждается в изучении организация и постановка помещичьего крепостного хозяйства, затронутая в трудах Струве, Рожкова, кн. Волконского, А. Е. Лосицкого (Образование, 1906), Д. А. Жаринова (Крепостное хозяйство гр. Бобринских, Древности, т. III). Изучение дворянских вотчинных архивов является настоятельно необходимым. История народного хозяйства представлена П. Н. Милюковым и М. Н. Покровским в их Очерках по истории русской культуры и, в особенности, в труде М. Н. Покровского: История России в XIX в., изд. Гранат, а также и в Русской истории, изд. Мир, т. I—IV, и Госуд. Издат. (1921), в которой собрано множество первостепенной важности фактов и сделаны ценные попытки дать картину эволюции народно-хозяйственных отношений на протяжении всей русской истории.

Экономическими явлениями интересовались: Аристов (Промышленность древней Руси, 1865), Павлов-Сильванский (Феодальные отношения), Рожков (Сельское хозяйство XVI в., 1901), Е. В. Сташевский (Московский уезд XVI в., 1908), П. П. Смирнов (Орловский уезд XVI в., 1909), М. А. Максимович (Вяземский уезд XVI в., 1910), Н. Б. Белозерский (Тула и Тульский уезд XVI—XVII в.в., 1916), Е. Н. Щепкина (Тульский уезд в XVII в., 1892), И. И. Лаппо (Тверской уезд в XVI в., 1896), А. С. Лаппо-Данилевский и П. Н. Милюков в вышеназванных работах, С. Б. Веселовский (Сошное письмо, т. I—II, 1917), Ю. В. Готье (Замосковный край, 1907), М. М. Богословский и другие исследователи северного крестьянства в вышеназванных научных трудах, Соколовский (Очерки истории сельской общины в России,

1877 и Экономический быт населения и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом, 1878), П. Миклашевский (К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в., 1894).

22. Школа исторического материализма.

М. И. Туган-Барановский, В. И. Ильин, Н. А. Рожков, М. Н. Покровский, Н. М. Никольский, Г. В. Плеханов.

До 90-х годов XIX века в русской исторической науке преобладало идеалистическое понимание сущности исторического процесса. По существу большая часть историков стояла на принципах историко-юридической школы. Не отступали от принципов идеалистической философии и историки народнического направления. Ключевский первый разорвал связь с традицией, указав на значение экономического фактора для уразумения социально-политических явлений в прошлой жизни русского народа и тем самым оказал огромное влияние на усиленную работу в этом направлении исследовательской мысли. Ключевский, однако, остановился на половине дороги. Выясняя значение бытовых условий для развития крепостного права и указывая на беспомощно тяжелое в экономическом отношении состояние крестьянства, Ключевский прошел мимо анализа тех объективных условий, которые главным образом оказали столь неблагоприятное влияние на положение крестьян. Появление интереса к марксистской идеологии и захватывающий интерес, с которым большинство представителей поколения 90-х г. относилось к новому философско-историческому миропониманию, побуждало исследователей обратить особое внимание на изучение экономических явлений в их историческом прошлом и в них искать фундамента для объяснения всего исторического процесса русского народа. Сторонники марксизма прекрасно это учитывали и сознавали, что пока не будет достаточно разработана экономическая история, до тех пор немыслима борьба с идеалистическими мировоззрениями, да и самый истори-

ческий процесс не может быть рассмотрен сквозь призму экономического материализма. Теоретический марксизм вызвал очень большое оживление в историографии. Исследователи стали интересоваться преимущественно социально-экономическими явлениями, не будучи марксистами, и тем самым давали конкретный материал для оправдания марксистской идеологии и применения последней к пониманию исторического процесса. Школа исторического материализма дала не мало представителей в научной публицистике, но в среду собственно академических деятелей экономический материализм проник сравнительно слабо. Но уже повышенный интерес со стороны академических работников к экономическим вопросам свидетельствовал о несомненном кризисе исторической науки в ее прежнем идеологическом освещении.

Среди первых русских марксистов видное место следует отвести М. И. Туган-Барановскому. Его работа, посвященная Русской фабрике в прошлом и настоящем (1901), была первым опытом изучения экономической эволюции России. Автору удалось доказать, что русская фабрика выросла естественным путем из домашней промышленности благодаря наличию накопленного в XVII в. торгового капитала, нашедшего себе приложение в Петровской промышленности. Турган- Барановский дал отчетливую картину развития русской промышленности, и после его труда говорить об отсутствии в России капитализма и об искусственности насаждения в России фабрично-заводской промышленности было бы анахронизмом. Видное место в истории русского марксизма надо отвести Н. А. Рожкову. Рожков проявил необычайную неутомимость и работоспособность. Его прекрасная работа о Сельском хозяйстве в XVI в. (1901), написанная на основании огромного архивного материала раскрывала те объективные условия хозяйственного бытового характера, которые были источником крестьянской крепости. Работа Рожкова дала обоснование для теории Ключевского о генезисе крепостного права. Кроме этого капитального исследования автору принадлежит ряд очень ценных статей и исследований, проливающих новый свет на старые исторические темы, или ставящих на очередь совершенно новые темы. Рожков первый стал искать причину

падения крепостного права в несоответствии условий, в которых развивалось крепостное хозяйство, с крепостным правом. Крепостное помещечье хозяйство переросло крепостное право. Отмена последнего диктовалась экономическими соображениями. Работа Рожкова вызвала не мало возражений, но основная мысль его не была поколеблена. Очень интересна попытка Рожкова объяснить происхождение и рост самодержавия в России переменами в области народнохозяйственной жизни (Происхождение самодержавия, 1904). Указывая на параллелизм в развитии народного хозяйства в России и на Западе, Рожков находит и существенные отличия, которые сказались довольно рано, и которые имели большие социально-политические последствия. Медленное развитие денежного хозяйства в России Рожков ставил в ближайшую связь с огромным по территориальным размерам внутренним рынком. Рожков дал первый опыт русской истории, рассмотренной с социологической точки зрения. Работа не была окончена. Автор дал всего три выпуска, посвященных Киевской Руси, Северо-Восточной Руси, Новгороду, Пскову и Западной Руси. Предпринятый обзор был недостаточно оценен в немарксистской исторической литературе. Рожков собрал огромный материал и дал очень интересный обзор русской истории с социологической точки зрения, который возбуждал философско-историческую мысль. Он не мог не оказать влияния на дальнейшее развитие исторического знания. В настоящее время Рожков приступил к выполнению еще более грандиозного труда, поставив себе задачей дать обзор русской истории в сравнительно-историческом освещении в целях выяснения основ социальной динамики. Исследования Рожкова—большой вклад в историческую науку. С ними приходится считаться и немарксисту. Его статьи и отдельные исследования изданы в сборнике Исторические и социологические очерки, 2 т., М. 1906.

В. И. Ильин (Ульянов) в своей работе: История капитализма в России (1897), собрал огромный материал и дал отчетливую картину русского капитализма в пореформенное время со всеми его последствиями: концентрацией капитала и производства, и гибелью мелкой промышленности, указывая вместе с тем

на возможность развития в России капитализма при наличии только одного условия: большой емкости внутреннего рынка.

Видное место в истории русского марксизма следует отвести М. Н. Покровскому. Особенного внимания заслуживает его Русская История, написанная в сотрудничестве с Н. М. Никольским, на долю которого выпало изучение и анализ религиозных движений и настроений в истории русского народа. Это сочинение—первая попытка дать обзор руской истории с марксистской точки зрения и притом очень удачно задуманная и прекрасно выполненная, в которой постоянно чувствуется живая, тонкая мысль и большой мастер исторического исследования. Автор, разумеется, очень связан с предыдущей историографией, с выводами и наблюдениями, с которыми ему приходится считаться. Но знакомство с историографией дает автору фактический материал для самостоятельных наблюдений и изысканий, с которыми приходится считаться исследователю, и не стоящему на марксисткой точке зрения. Покровский представил весь исторический процесс в ином освещении и пролил свет на многие явления, до сих пор остававшиеся в тени. Видное место в Русской истории и в своих исследованиях и статьях Покровский отводит внешней политике, которую ставит в самую тесную связь с экономическим развитием России, видя во внешней политике не дипломатическую игру по указанию монарха и его министров, а сложную цепь отношений, тесно связанных с народнохозяйственной структурой страны и той экономической политикой, которую проводили господствующие классы, державшие в своих руках торгово-промышленный капитал, втянувший Россию в сложные европейские и азиатские отношения. Особенно детально представлена Покровским внешняя политика в книге История XIX в. (издание Гранат). Наконец, Покровский подвел итоги своим наблюдениям над прошлым русского народа и познакомил с ними всех интересующихся русской историей в своей Истории русской культуры, 2 ч. (1915—1918), работе, с которой придется считаться всякому независимо от того, разделяет ли он социологическую концепцию автора или стоит совсем на противоположной точке зрения.

Г. В. Плеханов в своих статьях неоднократно интересовался литературно-общественными явлениями и старался дать им марксисткое пояснение. Все статьи Плеханова († 1918) отличаются блеском изложения, всегда оригинальны, необычайно будят мысль, открывая перед ней новые горизонты и перспективы. Наконец, Плеханов задумал дать Историю общественной мысли в России, преломленную сквозь призму марксистской идеологии. К сожалению, он издал только три тома, и эти тома для историка общественной мысли должны стать настольными книгами. Блеск изложения, большая эрудиция, глубокий и тонкий анализ наблюдаемых и изучаемых явлений и фактов, определённость философско-исторического мировоззрения делают чтение книги Плеханова увлекательным, обогащающим мысль и раскрывающим перед ней новые дали.

II. Историография Белоруссии.

Киевская школа: В. Б. Антонович. М. Ф. Владимирский-Буданов. Ф. И. Леонтович. М. М. Ясинский. Ө. Ө. Тарановский. Петербургская школа: М. Я. Кояловиіч. А. Барабашев. С. А. Бершадский. П. Н. Жукович. К. В. Харлампович. С. Рункевич. А. А. Савич. Новая школа в белорусской историографии: М. К. Любавский. В. И. Пичета. Н. Г. Бережков. В. А. Панов. И. Е. Якубовский. М. В. Довнар-Запольский. Е. Клименко. А. С. Грушевский. Г. А. Малиновский. И. И. Лаппо. Н. А. Максимейко. Ф. Ф. Турук. А. П. Сапунов. В. М. Игнатовский.

Белорусская история давно обратила на себя внимание исследователей, но научное ее изучение в общем подвигалось очень медленно по сравнению с изучением истории северо-восточной Руси. Благодаря этому результаты историографии Белоруссии в общем менее значительны по сравнению с историографией северо-восточной Руси. Уже Н. Г. Устрялов обратил внимание на историю Белоруссии, но интересовался ее историей исключительно с точки зрения оправдания той оффициальной политики, какой держалось Николаевское правительство по отношению к Белоруссии. И Соловьев касался белорусской истории постольку, поскольку она соприкасалась с историей северо-восточной Руси в области внешней политики и осуществления в последней национального принципа.

Ключевский касался исторических судеб Белоруссии только попутно, поскольку это было нужно для выяснения и понимания ряда исторических процессов в истории московского государства. Между тем необходимость самостоятельного изучения Белорусской истории была очевидна, но представители исторической науки в северо восточной Руси как то игнорировали белорусскую историю, и ее изучение двигалось вперед очень медленным темпом.

Большее внимание на белорусскую историю обратили украинские ученые. И это вполне понятно. Исторические судьбы литовско белорусского государства были самым тесным образом связаны с историческими судьбами украинского народа. Понятно, что украинские историки обратили своа внимание на историю литовско-белорусского государства, а вместе с последней пролили некоторый свет и на белорусскую историю. Белорусская историография развивалась очень медленно. Сначала она шла путем обратным тому, каким шло развитие северо-восточной историографии. Исследователи пытались дать общие обзоры жизни литовско белорусского государства тогда, когда любое историческое явление нуждалось в детальном монографическом обследовании. И только после неудачных попыток конструкций общего характера, пришлось стать на путь монографических изысканий, что в свою очередь позволило дать полный общий очерк исторической жизни литовско-белорусского государства.

Белорусская историческая школа долгое время ограничивала свое поле зрения областью печатных источников: летописей, хроник и других документов, изданных, по преимуществу, представителями польской исторической науки, и только с течением времени обратила свое исследовательское внимание на те архивные богатства, к которым тогда еще не прикасалась рука исследователя. Это совпало с моментом особенной тяги к архивным материалам в школе Ключевского, что и побудило М. К. Любавского обратить свое внимание на документы Литовской метрики и, положив последние в основу своего исследования, создать целую эпоху в изучении литовско-белорусского государства и связанных с последним белорусских и украинских земель.

Исторические судьбы литовско-белорусского государства до появления собственной белорусской историографии были предметом ученого внимания и интереса со стороны польских историков. Конечно, не приходится отрицать больших заслуг и польских историков. Чацкий, Ярошевич, Нарбут, Данилович — много сделали для понимания и уяснения исторических судеб литовско белорусского государства, но последние преломлялись сквозь определенную резко выраженную

националистическую точку зрения, что в значительной степени мешало объективному историческому анализу и синтезу. Но исторические труды и издания документов, выпущенных польскими историками, давали некоторый конкретный материал для того, чтобы явилась возможность определенного представления об исторических судьбах как литовско-белорусского государства, так и Белоруссии в частности. В польской историографии чувствуется не только глубокая и серьезная научная мысль, но и задетое национальное чувство, непозабывшее разделов 1772—1795 годов. Но Вильна с закрытием университета сошла со сцены. Ее место занял Киев, где постепенно образовывается целая школа историков и историков-юристов, возглавляемая Антоновичем и Владимирским-Будановым. Киевская школа сделала не мало для понимания исторических судеб литовско-белорусского государства. Впрочем, последнее интересовало киевских историков не само по себе, но как государственная формация, в составе которой находились украинские области, испытавшие на себе польское влияние со времени присоединения их к Польше по Люблинскому акту 1569 г., что в свою очередь лишало и киевских историков возможности спокойного объективного отношения к изучаемым явлениям и формам. Глава киевской школы В. Б. Антонович,— пионер в деле изучения литовско-белорусского государства. Его работа шла по новым исследовательским дорогам, что особенно отразилось в его работе Очерки истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда (1885). Исследователь обратил свое ученое внимание на формацию литовско-белорусского государства и на его привычные исторические судьбы. Он попутно касается целого ряда вопросов, имеющих социологическое значение. Автор интересуется проблемой образования большого политического организма, сначала достигшего быстрого роста и не менее быстро исчезнувшего с исторической сцены. Такая катастрофа объясняется Антоновичем тем, что в литовском государстве существовала племенная разновидность двух этнографических типов, внутренно несвязанных, но составлявших единый политический организм. Взаимное отношение тех начал, которые входили в состав в. к. литовского, составляет по мнению Антоновича

„интерес, преисполненный по временам высокого драматизма“. Такова постановка вопроса. Антонович показал себя большим мастером как в анализе, так и в синтезе источников. Здоровый научный критицизм все время руководит им, когда он пользуется данными источников, в особенности летописей. История для него—наука повествовательная. Но повествование дает материал для выводов. Последние сами по себе ценны и важны, как итоги исторической работы исследователя. Антонович—историк реалист. Он всегда стоит на почве факта. В этом отношении он стоит на одном уровне с западно-европейской исторической наукой. Антонович не интересовался теоретическими философско-историческими вопросами, его мировоззрение скрыто в его сочинениях. Исторический процесс не есть что-то случайное, хаотическое: в нем всегда можно отметить известного рода закономерность исторических явлений. Положительное философско-историческое мировоззрение Антоновича отличается простотой. Едва ли не главным фактором исторического процесса он считает географические условия, природу. По крайней мере последняя мысль высказывается довольно часто в вышеназванном исследовании. Ученики Антоновича сосредоточили свое внимание на изучении процесса образования территории литовско-белорусского государства и культурно-политического состояния областей в момент вхождения их в его состав. Это изучение, однообазное по методу, конечно, весьма положительно по результатам, так как культурно-политическая физиономия каждой области представлена перед читателем во всей своей отчетливости и ясности. В. Е. Данилевич дал Историю Полоцкой земли до конца XIV в. (1896), П. В. Голубковский—Историю Смоленской земли до начала XV в. (1895), М. В. Довнар-Запольский—Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII в. (1891), А. С. Грушевский—Пинское Полесье, исторический очерк, XI—XIII в. (К. 1901). Для истории Белоруссии—эти работы имеют перзостепенное значение.

Историк-юрист, М. Ф. Владимирский-Буданов, довольно рано стал интересоваться литовско-белорусской историей и историей права. Его работа, Немецкое право в Польше и

Литве, вышла в 1868 г. и является попыткой изучить действие магдебургского права в том виде, как оно проявлялось в деятельности городского самоуправления. Исследователь не только изучает данный вопрос в динамическом и статическом отношениях. Ему приходится касаться вопроса о культурных взаимоотношениях Польши и Руси, проблемы, очень интересной и требующей объективного отношения со стороны исследователя. Исследование Владимирского-Буданова, конечно, труд необходимый для всякого специалиста; но автор, оставляя в стороне социально-экономические условия, способствовавшие появлению магдебургского права, пришел к несколько поспешным выводам о развитии в Литовско-белорусском государстве сословности, как следствия искуственного насаждения польских общественных порядков и отношений. Кроме того Владимирский-Буданов дал ряд Очерков из истории литовско-русского права (вып. I—III), написанных на основании того архивного материала, который опубликовывался Виленской Археографической Комиссией. Работы Владимирского-Буданова историко-юридического характера, давая превосходную характеристику тех или других институтов в их историческом развитии, однако, оставляют в стороне вопрос о среде, под влиянием которой создавались те или другие юридические институты. М. Н. Ясинский в своих работах Уставные земские грамоты литовско-русского государства (1889) и Главный литовский трибунал (1909) в методологическом отношении не дает ничего нового и интересного. Однако, несмотря на одностороннюю постановку вопроса заслуги киевской историко-юридической школы велики. Она ввела в научный обиход новый историко-юридический материал, поставила на очередь ряд новых вопросов, которых, конечно, не могла осветить должным образом, так как ни организация центрального и провинциального управления, ни социальная структура литовско-белорусского государства не были пока изучены. Но в то же время эта школа наметила ряд важнейших тем, которые должны были способствовать углублению исторической мысли и дальнейшему проникновению в исторические судьбы литовско-белорусского государства.

Антонович и Владимирский-Буданов выдвинули ряд исторических проблем первостепенной научной важности. К ним неоднократно будут возвращаться исследователи. Так, к вопросу о борьбе двух культур и народностей в литовско-белорусском государстве вернулся П. Дашкевич (Киев. Унив. Изв. 1884, № 10 и 12). Им же по поводу работы Антоновича написаны интересные критические Заметки по истории литовско-русского государства (Киев. Унив. Изв. 1895).

Ф. И. Леонтович, бывший одесским и варшавским профессором по истории русского права, принадлежит к числу авторов, много занимавшихся историей литовско-белорусского права. Автору принадлежит большое количество больших и малых исследований, различных по качеству и по историографическому значению. Во всех своих работах Леонтович проявляет большую эрудицию, превосходное знакомство с источниками, но во всех этих работах заметен один коренной недостаток: отсутствие всякой исторической перспективы и привычка оценивать историко-юридические явления с формально-юридической точки зрения что, в значительной степени мешало исследователю правильно понимать те историко-юридические явления, которые были предметом его научного интереса и внимания. С первых работ, вышедших в 1863 г., и до последних исследований методологические приемы Леонтовича были одни и те же. Ни развитие исторической науки, ни развитие истории права в этом отношении не оказали на него никакого влияния; тем не менее методологическая односторонность его приемов нисколько не уменьшает их значения для исследователя и ученого, ибо самые недостатки метода Леонтовича могут предостеречь исследователей от применения его методологических приемов. Как бы не были односторонни эти методологические приемы, его интерес к истории литовско-белорусского права и тот научный энтузиазм, который проявлялся во всех его работах, не мог не оказать положительного влияния на исследователей и на движение вперед белорусской историографии. Из работ Леонтовича наибольший интерес представляют: Русская Правда и Литовский Статут (1865); Крестьяне юго-западной Руси (К. У. Изв. 1863, №№ 10—11); Источники литовско-русского права (1894); Крестьянский

двор в Литовско-русском государстве (Ж. М. Н. Пр. 1896—1897); Очерки из истории литовско-русского права (1894); Сельские промышленники в литовско-русском государстве (1897); ряд исследований в Ж. М. Н. Пр. (1906—1911); Рецензия на труд М. К. Любавского Областное деление. В методологическом отношении к Леонтовичу примыкает Ф. В. Тарановский в своей работе Обзор памятников Магдебургского права западно-русских городов Литовской эпохи (Варшава, 1897), работе необходимой для изучения действовавшего магдебургского права.

Общая концепция исторических судеб белорусских земель, представленная б. проф. Духовной Академии М. О. Кояловичем, не может быть предметом серьезного научного внимания. Автор не столько изучает исторические явления, сколько дает волю своему оскорбленному национальному чувству. „Чтения по истории Западной России“ (1864)—прекрасный показатель того, как не нужно изучать исторические явления. Но работа Кояловича о Люблинской Унии, являющаяся изложением дневника Люблинского Сейма, им же изданного (1872), заслуживает внимания, хотя автор не столько изучает интересующее его историческое явление, сколько по просту рассказывает о нем. Главные работы Кояловича Литовская Церковная Уния, 2 т., 1859—1862 г. и История воссоединения западно-русских униатов старых времен, 1863 г., посвящены религиозным вопросам, имевшим столь большое значение в истории белорусской культуры. Коялович собрал богатый и разносторонний материал, но обработка последнего довольно примитивна. К тому же в вопросах церковных автор видит только одну церковность, закрывающую от его внимания ту социальную среду, которая стояла за тем или другим видом церковности. За то Л. Барбашев и С. А. Бершадский дали много для изучения истории литовско-белорусского государства. Труд первого о Витовте и его политике (2 тома, 1885 и 1891 г.) заслуживает внимания, как сводка всего материала, бывшего до сих пор известным, сводка вполне добросовестная. Автор разсказывает о событиях и фактах, о которых идет речь в источниках, впрочем не всегда подвергая их необходимому анализу и раскрытию их сущности. Барбашев повествует более на-

учно, чем Коялович, но не изучает и не объясняет наблюдаемых им явлений. Бершадский своим трудом, Литовские евреи (1883), пустил в оборот новый архивный материал и дал образцовый труд, снабженный документами регестами, которыми можно проверить все выводы и наблюдения самого автора. Им же написана: А. Е. Ребичкович, подскорбий в. к. литовского (Киев, 1888).

Коялович, занимая кафедру гражданской русской истории в Петербургской Духовной Академии, явился основателем исторической школы в высшей духовной школе в Петербурге. Непосредственным преемником его по кафедре был П. П. Жукович († 1919), ученые интересы которого были сосредоточены вокруг исторических судеб белорусского народа главным образом в церковно-религиозном отношении. Научная продуктивность Жуковича была весьма значительна. Работы Жуковича тем ценнее, что большею частью они написаны на основании свежего материала, извлеченного автором из тайников архивов и библиотек. Живое национальное чувство, религиозные симпатии и отрицательное отношение к Польше и агрессивному католицизму сближает Жуковича с его учителем, но в методологическом отношении он стоит безконечно выше его. Жукович является представителем научного реализма, стоит всегда на почве факта и от него отправляется в своих выводах и наблюдениях. В своих исследованиях Жукович занят не одним прагматическим рассказом событий, но он пытается изучаемые вопросы ставить в ближайшую связь с той средой, с которой те или другие исторические явления тесно связаны, хотя такой социологический подход к изучаемым явлениям и не всегда ему удается. Несмотря на методологические промахи, работы Жуковича имеют первостепенное научное значение, и без них не может обойтись ни один исследователь соответствующих вопросов. Методологические положительные и отрицательные приемы Жуковича наиболее ярко отразились в работе: Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (Спб., 1901). Продолжением этой работы является ряд статей в „Христианском Чтении“ за 1902—1908 гг. Последние годы своей ученой деятельности Жукович посвятил изучению совсем иных проблем.

Его внимание было сосредоточено на изучение состояния Белоруссии при Екатерине II и Павле I. Ряд статей в Ж. М. Н. Пр. написан на основании свежего архивного материала. Эти статьи, можно сказать, насыщены фактическим материалом, который позволяет составить отчетливое представление о разных социальных, политических и культурных явлениях жизни белорусского народа с момента разделов Польши. (Подробный перечень всех работ Жуковича в журнале „Дела и Дни", т. I.)

Старшим представителем школы Жуковича является К. В. Харлампович, проф. Казанского университета. Его работы также написаны на основании свежего материала и имеют большую научную ценность. В методологическом отношении они значительно выше работ Жуковича: в них не чувствуется того национализма, который мешал Кояловичу, а иногда и Жуковичу объективно разобраться в исследуемых явлениях. Главные работы Харламповича: Западно-русские православные школы XVI и начала XVII в. (К., 1898) и Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I (Каз. 1914). Другой представитель петербургской школы, С. Рункевич, заинтересовался церковно-религиозными вопросами более позднего времени. Им написана ценная работа, История Минской архиепископии от 1792—1832 г. (Спб. 1893), обнаруживающая все присущие школе Кояловича и Жуковича достоинства и недостатки. Младшим представителем той же школы можно считать А. А. Савича, ныне проф. Белорусского государственного университета. Савич прошел еще хорошую школу в Московском университете, где работал под руководством Любавского. Им написано, но по техническим условиям не напечатано большое исследование: Западно-русские униатские школы в XVIII в., получившее соответствующую оценку в отзывах акад. Е. Ф. Карского, Жуковича и Харламповича. Работа Савича посвящена вопросу, который довольно однобоко трактовался в польской исторической литературе. Основанная на свежем архивном материале, с необычайной любовью извлеченном из архивохранилищ, она вводит читателя в круг вопросов, имеющих первостепенное значение для истории белорусской культуры (Труды Белорус-

ского Государственного Университета, № 1; и Вестник Народ. Ком. Просв. Белоруссии. 1922 г., кн. 3—4).

Белорусская историография получила значительное движение вперед благодаря трудам М. К. Любавского, которые составили эпоху в литовско-белорусской историографии и к которым неоднократно будут возвращаться исследователи независимо от того, разделяют ли они точки зрения и мнения Любавского или нет. Вся последующая историография прямо или косвенно идет по пути, проложенному Любавским. Большая часть исследований Леонтовича — это рассмотрение вопросов, уже изученных Любавским, но вызвавших со стороны Леонтовича ряд сомнений и вопросов, еще нуждающихся в объективном обосновании. И приходится сказать, что Леонтович часто запутывается в своих юридических концепциях, а историческая ясная концепция Любавского остается неопровержимой по своей отчетливости и убедительности.

В 1892 г. появилось большое исследование Любавского под заглавием Областное деление и местное управление в литовско-русском государстве ко времени издания первого статута. Появление этого исследования весьма характерно. Московская школа историков в лице Любавского отказалась от того централизма, который преобладал в направлении ее историографии и стала на путь изучения отдельных составных частей русского государства. Этот сдвиг московской школы весьма знаменателен, как отражение неудовлетворенности преобладавшим настроением в московской историографии. С другой стороны, в научный оборот был пущен новый материал, который до сих пор почти не был предметом исследования. Содержание работы Любавского чрезвычайно богато. Она затрагивает основные проблемы, связанные с организацией управления и социальной структурой литовско-белорусского государства и дает ответы на множество первостепенной важности вопросов. Благодаря обильному новому материалу и отсутствию какой бы то ни было предвзятой точки зрения Любавский мог пересмотреть ранее высказанные суждения, бездоказательность которых по многим вопросам ему удалось обосновать.

Выводы Любавского всегда точны. Исследователь всегда опирается на источник и никогда не дает больше того, что есть в источнике. Привычка историков слишком субъективно понимать исторический источник чужда Любавскому. В 1901 году появилась другая большая работа, Литовско-русский Сейм, дававшая отчетливую картину эволюции самого учреждения и в тоже время позволяющая составить отчетливое представление, как об организации центральных учреждений, так и о тех общественных элементах, из которых они составились. Любавскому принадлежит и общий Очерк истории литовско-русского государства вплоть до Люблинской унии 1569 г. (М. 1910), дающий ясное и отчетливое представление об исторических судьбах последнего. Автор знакомит читателя с социально-политической эволюцией структуры литовско-белорусского государства, но почти не касается тех материальных факторов, из которых слагалась общая структура народного хозяйства. Самые экономические мероприятия правительства возбуждают в исследователе научный интерес не столько по своему экономическому содержанию, сколько своим публично-правовым характером. В последнем случае замечания автора очень ценны. Свои наблюдения над финансово-экономическими мероприятиями правительства Любавский высказал в своих двух академических рецензиях на книги проф. М. В. Довнар-Запольского. Из школы Любавского вышла группа исследователей, ближайших его учеников. В. И. Пичета специально занялся изучением Аграрной реформы Сигизмунда II Августа, т. I и II (М. 1918 г.), ставя генезис последней в зависимость от общих условий западно-европейского рынка, создававших благоприятную почву для поднятия доходности сельского хозяйства, необходимость чего диктовалась безнадежным состоянием господарского скарба. Н. Г. Бережков опубликовал некоторые итоги своих занятий в статье, посвященной разбору инструкции, обнародованной до производства аграрной реформы. Автор выясняет зависимость Уставы замков от уставы 1529 г. В. А. Панов изучил Полоцкую ревизию 1552 и дал обстоятельную картину состояния Полоцкой земли на основании указанного выше документа. И. Якубовский дал превосходную статью на русском

языке о Земских привилеях в. к. литовского (Ж. М. Н. Пр. 1903, №№ 4 и 5) Другие его работы появились на польском языке. В 1901 г. проф. Киевского университета М. В. Довнар-Запольский выпустил в свет превосходный большой труд под названием Государственное хозайство в. к. Литовского при Ягеллонах, т. I, а в 1906 г. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Обе работы написаны на основании свежего архивного материала и являются настоятельно необходимыми для всякого, кто изучает историю литовско-белорусского государства. Довнар-Запольский коснулся двух первостепенной важности вопросов, к которым еще не прикасалась исследовательская рука. Кроме того, Довнар-Запольский впервые подошел к изучению аграрной реформы [в Ливонии, также на основании свежего архивного материала. Его ученик, Е. Клименко, дал работу о Западно-русских цехах (1913), поставив их изучение на широком сравнительно-историческом основании. А. С. Грушевский опубликовал первую часть своего труда: Города в. к. литовского—старина и борьба за старину (1917), куда привлек много новых материалов, сообщающих новые данные о внутреннем устройстве последних до введения в них магдебургского права.

Кроме того, Грушевским написано большое исследование, Пинское Полесье XIV—XVI з.в. (К. 1903), с приложением большого количества архивных материалов. Автору принадлежит и ряд статей, характеризующих экономический быт в литовско-белорусском государстве (Украина, 1917, Записки Наук. Товар., Киев, т. XVII). Грушевский интересуется также и церковно-религиозными вопросами (Изд. Отд. Русского языка и Словесности, Спб. 1918, II). Вообще, его научная продуктивность значительна.

Работа проф. Харьковского университета, Н. А. Максимейко, Сеймы Литовско-Русского государства, вышла одновременно с Литовско-русским Сеймом Любавского. Автор поиному рассматривает генезис и эволюцию сейма, что вызвало очень интересную полемику между Любавским и Максимейко. Кроме того, Максимейко написана более ранняя работа Источники уголовных законов Литовского Статута (К. 1894).

И. А. Малиновский опубликовал результат своих занятий историей литовско-русского права в труде под названием Рада в. к. литовского, 2 т. (1906 и 1912). Автор дает историю Рады и сравнивает Раду с Боярской Думой. Автор привлек к работе огромный материал, опубликованный им в виде отдельного приложения, необходимого для каждого занимающегося литовско-белорусской историей. Более ранняя работа того же автора: Учение о преступлении по Литовскому Статуту, К. 1894. Юрьевский профессор, И. И. Лаппо, дал два ценных исследования: Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смуты в эпоху Стефана Батория (1902) и Литовско-Русский повет и его сеймик (1911). Первая работа — прекрасное руководство по литовско-белорусским древностям. Второй труд изучает историю и деятельность учреждения, которое имело столь большое значение в социально-политических судьбах великого княжества Литовского. Лаппо—также превосходный издатель документов Литовской Метрики в Русской Исторической Библиотеке. Перу Лаппо принадлежит обстоятельная рецензия на труд Любавского, Литовско-Русский Сейм, и ряд отдельных статей по истории литовско-русских судов (Ж. М. Н. П. 1908, I, 1917, VI). Лаппо издал текст Статута 1588 г. в переводе на русский язык с обстоятельным введением и ряд статей по истории в. к. литовского после 1569 г. Всеми этими исследователями много сделано для изучения истории литовско-белорусского государства вплоть до Люблинской унии 1569 г. История в. к. литовского после Люблинской унии 1569 г. еще ждет своего исследователя.

К наиболее молодым представителям новой исторической школы принадлежит и проф. Белорусского Государственного университета, Ф. Ф. Турук. Круг его научных интересов пока не получил отчетливого выявления.. Сначала Турук опубликовал небольшое очень хорошее исследование об униатском митрополите В. Рутском (1916), но в последнее время научный интерес Турука сосредоточился на истории национального революционного движения белоруссов. Этот интерес нашел отражение в книге: Очерк истории национального и революционного движения белоруссов, М. 1921. Правда, работа

Турука пока только одна схема, но вопрос, поднятый им, имеет громадное значение и разработку его следует приветствовать. Последний вопрос интересует и проф. Белорусского университета В. М. Игнатовского, опубликовавшего на белорусском языке итоги своих изысканий и наблюдений, в журнале Вольный Стяг, №№ 1—4, 1921. Игнатовский опубликовал на белорусском языке краткий прекрасный очерк Истории Белоруссии (1921). Видное место среди исследователей белорусской старины принадлежит А. П. Сапунову, автору и издателю ряда документов по истории белорусского края, преимущественно Витебской губ. (Витебск. Старина, т. I—V). Таковы итоги научного изучения исторических судеб литовско-белорусского государства. Итоги сравнительно незначительные по сравнению с тем широким научным движением и оживлением, которое заметно в изучении проблем, связанных с историческими судьбами северо-восточной Руси. Особенно бросается в глаза полная неразработанность вопросов, связанных с историей и организацией народного хозяйства.

III. Украинская историография.

Н. И. Костомаров. М. А. Максимович. Н. Д. Иванишев. В. Б. Антонович. П. А. Кулиш. А. М. Лазаревский. М. Ф. Владимирский-Буданов. Д. И. Багалей. М. С. Грушевский. А. Я. Ефименко. Н. А. Скальковский. Д. И. Эварницкий. В. А. Беднов. В. А. Мякотин. Н. П. Василенко. К. Г. Клейнатский. М. Е. Слабченко. М. А. Максимович. В. А. Барвинский. И. Е. Розенфельд.

Начало научному изучению истории украинского народа было положено Н. И. Костомаровым (1817—1885), отдавшим украинскому прошлому большое количество своих духовных сил и дарований и пролившим впервые новый свет на многие из темных вопросов украинской старины. Костомаров занимает видное место не только в украинской исторической науке. С Костомаровым связан и генезис украинской общественности в лице Кирилло-Мефодьевского Общества. Трудолюбие и широта интересов Костомарова были удивительны, а блестящие литературные дарования в значительной степени способствовали наличию повышенного интереса ко всем его историческим трудам. Украинская историография в лице Костомарова в своих философско-исторических концепциях далеко ушла от историко-юридической школы в великорусской историографии. Костомаров смотрел на исторический процесс снизу, а не сверху, считая народ активной силой, создающей историю и дающей то или другое направление историческому процессу. Вот почему Костомаров так широко интересуется народной жизнью во всех сложных и разнообразных ее проявлениях. Благодаря ему историческая наука сразу стала жизненной, а не оставалось однобокой и несколько схоластичной, какой она выходила из историко-юридической школы. Любя украинский народ и внимательно следя за его историческими судьбами, Костомаров не столько

изучая последние, сколько поэтически их воспроизводил, романтически воспринимая исторические явления. Он не прибегал к скрупулезному критическому анализу источника. Слишком доверчивое отношение к источникам—основной недостаток его методологических приемов, но за то никто так не умел возбуждать интереса к прошлому, как он, и в этом его огромная заслуга. Его работы, посвященные истории украинского народа, еще не потеряли своей ценности, несмотря на некоторое романтическое отношение к событиям и отчасти не столько научно-исследовательское, сколько поэтико-художественное воспроизведение событий прошлого. (Полное собрание сочинений, Изд. Лит. Фонда).

Еще до Костомарова историей украинского народа заинтересовался Бантыш-Каменский (1788—1850). Он издал несколько исторических памятников, относящихся к истории Украины и написал Историю Малороссии, весьма примитивно составленную; в ней однако приведено не мало выписок из архивных документов, хранившихся в Архиве М. Иностранных дел, а также из документов Архива Малороссийской Коллегии, и фамильных архивов. Работа другого исследователя А. Маркевича также потеряла свою ценность. Если Бантыш-Каменский старается отправляться от источника и нигде не пускается в область фантазии, то в истории Маркевича нельзя найти точности и документальности, а приложения к его труду вызывают ряд серьезных сомнений, заставляющих исследователя относиться весьма скептически ко всем приложенным оправдательным документам.

Одновременно с Костомаровым историей Украины интересовались М. А. Максимович и Н. Д. Иванишев. Первый известен рядом работ по истории, географии и этнографии Украины. Его статьи не потеряли своего значения и до сих пор. Особенное значение имеет его работа О мнимом запустении Украины в нашествии Батыево и населении ее новопришлым народом. Максимович отказывается признать погодинскую точку зрения о запустении Украины. Взгляды Максимовича явились краеугольным камнем для последующей историографии, но к сожалению все вопросы, возбуждавшиеся Максимовичем, прошли мимо ученого внимания

великорусских историков, среди которых до сих пор доминирует доктрина Погодина, поддержанная и развитая Соловьевым и Ключевским. Затем Максимовичу принадлежит ряд статей по истории казачества (Сочинения, I).

Н. Д. Иванишев (1811—1874)—основатель Киевской Археографической Комиссии и издатель первостепенной важности документов по истории украинского народа. Уже это обстоятельство должно было дать толчок историческому исследованию. Иванишев издал акты, касающиеся унии и провинциальных сеймиков, сопровождая их ценными вводными статьями, которые если не давали исчерпывающего научного ответа, то во всяком случае выдвигали на очередь определенные проблемы, и к этим проблемам впоследствии не раз возвращались исследователи прошлой жизни украинского народа. Во всех статьях Иванишева резко выражено отрицательное отношение к польской культуре, столь тяжело и болезненно отразившейся на украинском народе. Иванишев заинтересовался также копными судами, как отражением того общинного начала, которое имело столь большое значение в первоначальной истории славянства и которое не было задушено польским влиянием.

Но настоящим основателем украинской исторической школы является Антонович. Разносторонне образованный и богато одаренный, Антонович выступил на научное поприще в 60-х годах в момент украинского романтического народничества. Но от романтики потянуло его к научному изучению истории украинства, и в этой области он занимает первое место и является действительным основателем украиноведения. Любовь Антоновича к украинскому народу всегда была импульсом для научного творчества, но любовное отношение к прошлому отнюдь не мешало ему стоять на почве научного реализма. Он ввел в украинскую науку точные методы и тем сразу поставил украинскую историческую школу на один уровень с европейской историографией. После Антоновича историческая романтика, хотя бы она сохранила некоторое обаяние, потеряли почву. Научная деятельность Антоновича отличалась разнообразием и широтой. Он выпускал разного рода исследования и монографии, принимал самое

деятельное участие в работах и изданиях Киевской Археографической Комиссии, в журналах Киевская Старина, Основа, Заря. Каждая строка, каждая заметка Антоновича драгоценны. Они проливают свет на многие темные вопросы прошлого украинского народа. Документы, им изданные, являются основными источниками для изучения прошлой жизни украинского народа. Без них ни один исследователь обойтись не в состоянии, и для их отыскания Антонович ездил в Москву, Петербург, Львов. Каких бы вопросов украинской истории ни касался исследователь, ему всегда приходится сталкиваться с вопросами о влиянии польской шляхетско-католической культуры на быт и культуру Украины, которая спаслась от гибели и разложения только благодаря восстаниям народа в лице казачества. К изучению казачества Антонович впервые подошел вполне научно. С большим энтузиазмом он относился также к археологии. Благодаря его энергии было положено начало научно-археологическому изучению края и была создана целая школа специалистов украинской археологии. Антонович показал, что изучение Киевского государства без археологии невозможно. Благодаря археологии новый мир открылся перед исследователем. Проф. Штерн и Ростовцев, сделавшие так много для изучения юга России в историко-археологическом отношении, шли по пути, проложенному Антоновичем. Энтузиазм, который проявлял Антонович в изучении истории украинского народа, оказывал сильное влияние на окружавших его учеников, возбуждая в них научное рвение и такой же энтузиазм.

Из киевской школы вышел целый ряд работ, имеющих большое научное значение. Левицкий, Д. И. Багалей, Н. Д. Дашкевич, Н. П. Василенко, М. В. Довнар-Запольский, М. С. Грушевский, — вот ближайшие ученики замечательного ученого исследователя. Рядом с Антоновичем историей украинского народа занимался П. А. Кулиш (1819—1897) также отличавшийся большими дарованиями. Его главный труд, История воссоединения Руси, 3 т. (1874—1877), затрагивает очень интересную проблему о взаимных отношениях Украины и Москвы, при чем сообщается много ценнейшего материала для внутренней истории Украины. Отрицательное отношение

к казачеству уже довольно резко сказалось в этой работе. Его работа, История отпадения Малороссии от Польши (1888—1889), написана на основании часто совершенно нового и свежего материала, но не всегда спокойна и весьма субъективна по выводам, заставляющим читателя относиться к последним с известной долей скептитизма. Отрицательное отношение к казачеству и известная доля симпатии к польской шляхте- характернейшая черта исторических взглядов Кулиша, к которому в украинской исторической литературе до сих пор нет спокойного и объективного отношения. Такое отношение к Кулишу следует поставить в связь с резкой переменой, какая произошла в его национально политических взглядах. Кулиш сначала относился очень сочувственно и к казачеству, и к украинскому национально-культурному возрождению, был одним из организаторов Кирилло-Мефодьевского Общества, с большим энтузиазмом относился к этнографическому, литературному и историческому материалу, имевшему непосредственное отношение к украинской культуре, изображенной Кулишем в несколько идеализированном освещении. И вот такая идеализация сменилась отрицанием всего прошлого украинского казачества, ценности последнего, как известной общественной организации. Кулиш стал смотреть на казачество, как на представителя анти-государственного начала, сближаясь в этом отношении с Соловьевым и трудами ряда польских исследователей.

А. М. Лазаревский (1834—1897) занимает также весьма видное место в украинской историографии. Это—неутомимый исследователь старины и собиратель бытовых материалов, без которых не в состоянии обойтись ни один исследователь украинского прошлого. Его материалы, опубликованные под заглавием Описание Старой Малороссии, 3 т. (1889—1892)—ценнейшее историко-экономическое собрание. Главная работа Лазаревского, Малороссийские посполитые крестьяне (1866), нанесла большой удар романтической исторической школе, объяснявшей появление на Украине крепостного права исключительно законодательными мероприятиями Екатерины II. Лазаревский на основании громадного актового материала старался доказать генезис крепостного права в зависимости

от неблагоприятных экономических и бытовых условий, в которых приходилось жить крестьянству. Законодательной деятельности Екатерины II следует отвести только последнее место. Она только юридически оформила процесс, развивавшийся логически, неизбежно. Н. П. Василенко, В. А. Мякотин, В. А. Барвинский в своих исследованиях развивали и подкрепляли соображения Лазаревского.

Для истории Украины в литовский период много было сделано Владимирским-Будановым, издателем документов с сопроводительными вводными статьями, имеющими огромную ценность. Особенно деятельно занимался Владимирский-Буданов вопросами колонизации левобережной Украины, выдвигая при этом факт непосредственного участия народа в процессе колонизации и отвергая мысль А. Яблоновского о преобладающем влиянии и значении польского правительственного и шляхетского элементов в деле колонизации края (Архив Юго-Западн. России, VII—I, II, III). Д. И. Багалей, проф. Харьковского университета и академик, всю свою научную деятельность посвятил изучению Слободской Украины и Новороссии. Можно сказать, что Багалей работал на непочатой еще почве, и впервые история края предстала в его трудах, написанных на основании свежего архивного материала. Перу его принадлежит и История Харьковского университета, т. I и II. Итоги многолетних занятий историей Слободской Украины даны Багалеем в его работе „Історія Слободской Україны“, Харьков, 1918.

Главные работы Багалея, касающиеся колонизации степной окраины, следующие: К истории заселения степной окраины Московского Государства (1886), Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства в XVI—XVII столетиях (1886), Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства (1887). Кроме того, Багалей занялся Магдебургским правом в Левобережной Украине (Ж. М. Н. П., 1892). Наконец, в журнале Киевская Старина (1888) им написана история колонизации Новороссии, вышедшая по украински в совершенно переработанном виде в 1919 г. в Харькове.

М. С. Грушевский, проф. Львовского университета, начав с Истории Киевской земли (1892), затем отдал все свои силы и дарования научному изучению истории украинского народа. Его главная работа представляет энциклопедию по истории Украины. Історія Украіни Руси (I—VIII т.)—настольная книга для исследователей Белоруссии и Украины. Громадное количество источников, строгое критическое к ним отношение, блестящие экскурсы критико-методологического характера заставляют читателя с особенным вниманием отнестись к трудам Грушевского. В разных украинских изданиях, Записках Наукового Товариства им. Шевченко во Львове и Киеве, в журналах Украина и Литературно-Науковый Вістник Грушевским написано безконечное количество статей, исследований и заметок. Работы Грушевского совершенно определенны в национально-политическом отношении и оказали огромное влияние на политическое настроение украинской интеллигенции. Все наблюдения над историческими судьбами украинского народа представлены в Очерках истории украинского народа (1907) на русском языке, успевших в несколько лет выдержать несколько изданий и впервые давших русскому читателю научное представление об истории украинского народа.

Видное место в украинской историографии принадлежит А. Я. Ефименко, убитой во время наступления красной армии на Харьков (1919). Уроженка крайнего севера, выйдя замуж за известного этнографа П. А. Ефименко, она переехала на юг, где отдала свое большое дарование изучению прошлого украинского народа. Ефименко не оставила по истории Украины ни одного большого труда, но ее исследования, собранные в сборнике Южная Русь, части I и II, написанные на основании свежего архивного или печатного материала, часто в сравнительно историческом освещении, представляют ценнейшее пособие для исследователя, с которым последний должен очень и очень считаться. В своей Истории Украины (1909), 2 т. Ефименко дает только одно описание внешних событий и потому вызывает в читателе чувство большой неудовлетворенности, но в отношении внешней истории украинства Ефименко стоит на вполне реальной

почве. Изучая происхождение малороссийского дворянства, Ефименко выдвигает на первый план экономический фактор: образование крупного землевладения, но рядом с ним и другие факторы, политические и социальные имеют самодовлеющее значение. В своей Истории Украины, она не столько исследует прошлое народа, сколько беспристрастно и в то же время увлекательно, с большим художественным дарованием рассказывает о нем.

К старшей школе украинских историков следует отнести Н. А. Скальковского и Д. И. Эварницкого, посвятивших свои научные силы исключительно изучению прошлого Новороссийского края и в частности Запорожья. Первый написал трехтомный труд, История Новой Сечи, в котором дано много свежего материала, извлеченного из различных местных архивохранилищ. Не всегда только автор разборчив в выборе метода, вследствие чего он лишен возможности провести демаркационную линию между источниками, которыми он пользуется, но которых не подвергает тщательной критике. Благодаря отсутствию отчетливости в методе, исторический конкретный материал для автора имеет такую же ценность, как устное предание, рассказы стариков. Вообще, автор стремится, воспроизводя прошлое, художественно-образно восстановить его в основных чертах, но не научно его изучать. Тем не менее им собрано не мало нового материала, который не потерял своей ценности и в настоящее время. По характеру своих трудов и по методу к Скальковскому весьма близок Эварницкий, автор многочисленных трудов по истории Запорожья, проявивший удивительную энергию в отыскании материалов для изучения запорожской старины и с необыкновенной сентиментальностью к ней относящийся. Но в трудах Эварницкого нет никакого метода. Занимательный расказчик, Эварницкий—плохой исследователь, совсем не уяснивший себе задачи и метода исторического исследования. Он плохо разбирается в источниках, не проводит между ними разницы, не подвергает их критической оценке, смешивает в одну кучу документальные данные с рассказами, воспоминаниями, преданиями и подобным другим материалом, имеющим самостоятельную научную ценность и требующим

для своего изучения собственных методологических приемов. Вот почему труды Эварницкого интересны, как бытовые картинки, как историческое описание всего того, что видел и слышал Эварницкий, но они не могут быть рассматриваемы, как исторические исследования. В них нет самого главного—исторического метода. И это отсутствие метода свойственно автору, к сожалению, на протяжении всей его весьма продолжительной научно-литературной деятельности (История Запорожских казаков, т. I и II и др.). К молодым исследователям Запорожья относится и В. А. Беднов, проф. Каменец-Подольского университета, неутомимо собиравший материалы для истории Екатеринославщины и давший ряд этюдов-исследований, которые сами по себе очень ценны. В методологическом отношении Беднов выдержан и, несмотря на свою любовь к родному краю, он очень осторожен и точен, как в обращении с источниками, так и в своих выводах из них (Труды Екатеринославной Архивной Комиссии, I—X).

К молодой школе украинских историков относится немало видных представителей. Среди них по старшинству в первых рядах идут Н. П. Василенко и В. А. Мякотин. Первый из них напечатал ряд прекрасных работ по истории Украины в журнале Киевская Старина, написанных всегда на основании свежего материала, или добытого им самим, или недавно опубликованного. Кроме того, им издано весьма ценное собрание источников в книге: Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта старой Малороссии. Наконец, в работе под названием Очерки по истории Западной Руси и Украины (Киев, 1916), обнимающей собою конец XVI в. и первую половину XVII в., Василенко дал мастерское синтетическое описание исторических судеб Западной Руси и Украины в эпоху после Люблинской Унии вплоть до эпохи Богдана Хмельницкого. Очерки написаны на основании огромного актового материала и прекрасного знакомства, совершенно исчерпывающего характера, со всей литературой, касающейся Украины. Мякотин уже в своем первом труде Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов (Спб. 1889) показал себя блестящим исследо-

вателем. Работая в архивах и библиотеках Киева, Чернигова, Харькова и Москвы, Мякотин напечатал ряд специальных трудов, в которых выступает большим мастером как анализа источника, так и его синтеза. К таким трудам относятся: Прикрепление крестьянства в левобережной Малороссии в XVIII в. (Русское богатство, 1894); К истории Нежинского полка, (критический разбор работы А. М. Лазаревского Описание старой Малороссии, 1896) и т. д. Наконец Мякотин стал печатать с 1912 г. на страницах Русского Богатства Очерки социальной истории Малороссии в XVII в., в которых подведены итоги его многолетнему изучению источников по истории Украины. Вывод и наблюдения автора, разумеется, вызывают ряд критических замечаний, но всякий, кто интересуется историей Украины должен будет с ними считаться и от них отправляться.

Молодой представитель украинской историографии П. Г. Клепатский напечатал интересную работу Очерки по истории Киевской земли, т. I, Литовский период (Одесса. 1912), являющуюся естественным продолжением работы Грушевского. Автор показал себя прекрасным исследователем. Другой представитель одесской школы, М. Е. Слабченко, напечатал два больших исследования: Малорусский полк в административном отношении (1909 г.) и Опыты по истории права Малороссии XVII и XVIII вв. (1911 г.). В обеих работах обращают внимание читателя свежесть материала и новизна в постановке вопроса. М. А. Максимович, ученик проф. М. В. Довнар-Запольского, внес в украинскую историографию значительный вклад своими ценными работами: Деятельность Румянцева-Задунайского по управлению Малороссией, т. I (Нежин, 1913 г.) и Выборы и Наказы в Малороссии в Законодательную Комиссию 1767 г. (Нежин, 1917). В обеих работах много нового и свежего материала, но обработка последнего не всегда удачна. Сырой материал часто владеет автором. Представитель молодой харьковской школы, В. Барвинский напечатал прекрасную работу по истории крестьян в XVIII в. в Малороссии (Хар. Унив. Изв. 1912), в которой на основании нового материала, дал детальную картину роста крепостного права на территории левобережной Украины. Автор придает большое

значение разложению натурального хозяйства и зарождению денежного, как главному фактору, оказавшему влияние на зарождение и рост крепостного права на Украине. И. Е. Розенфельд, ученик историка-юриста Б. Нольде, напечатал свою студенческую диссертацию Присоединение Малороссии к России, (Петр. 1915), в которой дает общую картину исторических судеб Украины со второй половины XVII в. вплоть до конца XVIII в., когда состоялось действительное присоединение Малороссии к России. Работа Розенфельда во многих отношениях интересна, в особенности своей оценкой юридических отношений Москвы и Украины в XVIII в. Но, затрагивая множество вопросов, Розенфельд дал только схему исследования, нуждающуюся в детальном изучении. Слишком много вопросов затрагивает Розенфельд, и притом довольно бегло.

Оглавление.

Общественные науки.

Блос, В. — Германская революция. История движения 1848—49 г.г. в Германии. Изд. 1922 г. Стр. 528.

Бухарин, Н. — Теория исторического материализма. Изд. 1922 г. Стр. 385.

Браун, Л. — Женский вопрос. Его историческое развитие и его экономическая сторона. Изд. 1922 г. Стр. 355.

Бонч-Бруевич, В. — Из мира сектантов. Сборник статей. Изд. 1922 г. Стр. 312.

Бебель, А. — Женщина и социализм. Изд. 1922 г. Стр. 400.

Бернштейн-Коган, С. В. — Очерки по экономической географии. Вып. I. Изд. 1922 г. Стр. 126.

Волков, Е. З. — Аграрно-экономическая статистика России. (1865—1922 г.г.). Стр. 147.

Вольфсон, М. Б. — Очерки обществоведения. Изд. 1922 г. Стр. 196.

Гильфердинг, Р. — Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Нов. пересмотр. изд. 1922 г. Стр. 446.

Деборин, А. — Введение в философию диалектического материализма. С предисл. Г. В. Плеханова. Изд. 1922 г. Стр. 376.

Ерманский, С. А. — Научная организация труда и система Тэйлора. Изд. 1922 г. Стр. 376.

Жорес, Ж. — История великой французской революции. Т. I. Учредительн. собр. 1789—911 г.г. Изд. 1922 г. Стр. 60.

Кейнс, Д. М. — Экономические последствия Версальского мирного договора. Изд. 1922 г. Стр. 197.

Его-же — Пересмотр мирного договора. (Продолжение экономич. последствий Версальск. мирного договора). Изд. 1922 г. Стр. 144.

Керженцев, В. — Революционная Ирландия. Изд. 1922 г. Стр. 232.

Каплун, С. — Охрана труда и ее органы. Изд. 1922 г. Стр. 504.

Кунов, Г. — Возникновение религии и веры в Бога. С предисл. И. Степанова. Изд. 2-е, исправл. 1922 г. Стр. 183.

Каутский, К. — Предшественники новейшего социализма. Т. I. От Платона до анабаптистов. Изд. 1919 г. Стр. 439.

Его-же — Предшественники новейшего социализма. Т. II. Коммунизм в германской реформации. Изд. вновь проверен. и исправлен. 1919 г. Стр. 290.

Его-же — Экономическое учение Маркса. Изд. 1922 г. Стр. 158.

Его-же — Путь к власти. Изд. 1922 г. Стр. 129.

Левин, К. — А. И. Герцен. Личность—идеология. Изд. 2-е, 1922 г. Стр. 139.

Люксембург, Р. — Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма. Под редакц. Н. Бухарина. Изд. 1921 г. Стр. 336.

Его-же. — Накопление капитала или что сделали эпигоны из теории Маркса (Антикритика). Изд. 1922 г. Стр. 108.

Лавров, С. — Парижская коммуна 1871 г. 18 марта. Изд. 3-е, 1922 г. Стр. 298.

Лафарг, П. — Труд и капитал. Изд. 1922 г. Стр. 79.

Ленин, Н. (Ульянов, В.) — Т. IV „Искра" 1900—1903 г.г. Изд. 1920 г. Стр. 335.

Его-же. — Т. VI 1905 г. 1922 г. Стр. 628.

Его-же. — Т. VII, ч. I. 1905—6 г.г. от октября 1905 г. до роспуска первой Государственной Думы. Изд. 1921 г. Стр. 352.

Его-же. — Т. VII, ч. II, 1905—6 г.г От роспуска I-й Госуд. Думы до начала избирательн. кампании во вторую Думу. Изд. 1922 г. Стр. 303.

Его-же. — Т. XIV, ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до наших дней. Изд. 1921 г. Стр. 314.

Его-же. — Т. XIV, ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до октябрьской революции. Изд. 1921 г. Стр. 536.

Его-же. — Т. XV. Пролетариат у власти. 1918 г. 25 окт. 1917 г. — 31 дек. 1918 г. Изд. 1922 г. Стр. 692.

Его-же. — Т. XIX. Национальный вопрос. (Статьи 1910—1921 г.). Изд. 1921 г. Стр. 300.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. — Полное собрание сочинений, т. III. Исторические работы. Изд. 1922 г. Стр. 519.

Его-же. — Т. IV. Процесс производства капитала. Изд. 1920 г. Стр. 799.

Его-же.—Т. V. Процесс обращения капитала. Изд. 2-е. 1919 г. Стр. 515.

Его-же.—Т. VI. Капитал. Критика политической экономии. Изд. 2-е, 1922 г. Стр. 447.

Его-же.—Нищета философии. Ответ на философию нищеты Г. Прудона. С предисл. и примеч. Ф. Энгельса. Изд. 1922 г. Стр. 165

Меринг, Ф.—История германской социал-демократии до 1848 г., т. I. Изд. 1921 г. Стр. 356.

Его-же.—История германской социал-демократии до прусского конституц. конфликта. т. II. Изд. 1921 г. Стр. 341.

Его-же.—История германской социал-демократии до франко-прусской войны. т. III. Изд. 1921 г. Стр. 374.

Его-же.—История германской социал-демократии до выборов 1903 г. т. IV. Изд. 1921 г. Стр. 422.

Основные проблемы политич. экономии. Сборник статей. Под ред. и с предисл. Т. Двойлацкого и И. Рубина. Изд. 1922 г. Стр. 440.

Полонский, В.—Бакунин. Т. I. Бакунин—романтик. Жизнь, деятельность, мышление. С портретом автора. Изд. 1922 г. Стр. 418.

Покровский, М. Н.—Русская история. Т. I. С древнейших времен до Грозного. Изд. 1922 г. Стр. 243.

Его-же.—Русская история. Т. II. Смута. Борьба за Украйну. Петровская реформа. Изд. 1922 г. Стр. 302.

Его-же.—Русская история. Т. III. Монархия XVIII века. Александр I. Декабристы. Изд. 1922 г. Стр. 310.

Его-же.—Русская история. Т. IV. Крестьянская реформа. 60-е годы. Конец 19 века. Изд. 1922 г. Стр. 310.

Плеханов, Г. В. (Бельтов, Н.)—К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. С 2-мя прилож. Изд. 6-е 1922 г. Стр. 304.

Его-же.—Русский рабочий в революционном движении. (По личным воспоминаниям). Изд. 1922 г. Стр. 78.

Петрушевский, Д.—Очерки средневекового общества и государства. Изд. 5-е вновь перераб. 1922 г. Стр. 298.

Стучка, П.—Революционная роль права и государства, I. Общее учение о праве. Изд. 1922 г. Стр. 125.

Сергеев, В. С.—Всемирно-исторические кризисы. Ч. 5. Европейский кризис на заре IX столетия. Изд. 1922 г. Стр. 46.

Сеньобос, Ш.—Политическая история современной Европы. Т. I. Эволюция партий и политических форм. С прилож. под ред. В. А. Боссо. Изд. 5-е, 1922 г. Стр. 280.

Сандомирский, Г. Б. — Фашизм. С 25 рисунк. и докумен. Изд. 1923 г. Стр. 136.

Султан-Заде, А. — Экономика и проблемма национальных революций в стране ближнего и дальнего Востока. Изд. 1922 г. Стр. 184.

Троцкий, Л. Д. — 1905 г. Изд. 2-е. Стр. 413.

Его-же — Между империализмом и революцией. Изд. 1922 г. Стр. 131.

Троцкий, Л. И. и Раковский, К. — Очерки политической Румынии. С рисунк. Изд. 1922 г. Стр. 151.

Фишер, А. — В России и Англии. Наблюдения и воспоминания Петербургского рабочего (1890—1921 г.г.). Изд. Испарта. 1922 г. Стр. 104.

Шляпников, А. — Канун 1917 г. — Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подпольи за 1914—17 г.г. Ч. I. Изд. Испарта, 1920 г. Стр. 290.

Его-же — Канун 1917 г. — Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подпольи за 1914—17 г.г. Ч. II. Изд. Испарта, 1922 г. Стр. 135.

Эйдус, Х. — Очерки рабочего движения в странах Востока. Изд. 1922 г. Стр. 93.

Энгельс, Ф. — Крестьянский вопрос во Франции и Германии, с предисл. Плеханова. Изд. 1922 г. Стр. 70.

Его-же — Людвиг Фейербах. С прилож. I. Карл Маркс о французском материализме. II. Карл Маркс о Фейербахе. Перевод с предисл. и примеч. Г. В. Плеханова Изд. 1922 г. Стр. 107.

Торговый Сектор Государственного Издательства:

Москва, Ильинка, Биржевая площадь, уг. Богоявленского пер. № 4.
Телефоны: 1-57-57, 47-35

Розничная продажа:

1) Советская площадь, под гостинницей „Дрезден"; 2) Моховая, 17, 3) Б. Никитская 13 (Консерватория) и 4) Никольская, 3.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Главное Управление :: Москва :: 1923

